

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО

ФИЛОСОФИЯ
ПОЛИТОЛОГИЯ
КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Научный журнал
Том 2 (68). № 4

Журнал «Ученые записки Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского»
является историческим правопреемником журнала «Ученые записки
Таврического университета», который издается с 1918 г.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2016

Печатается по решению Ученого совета Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского, протокол № ___ от _____ 20__ г.

Главный редактор – Шоркин Алексей Давыдович, д-р филос. н., проф.,
КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Редколлегия:

Берестовская Д. С.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Вигель Н. Л.	д-р филос. н., проф., РГМУ (Ростов-на Дону)
Габриелян О. А.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Грива О. А.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Кузьмин П. В.	д-р полит. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Лазарев Ф. В.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Морозова Е. В.	д-р филос. н., проф., ГПГУ (Краснодар)
Николко В. Н.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Романова А. П.	д-р филос. н., проф., Гуманитарный институт, АГУ (Астрахань)
Рыскельдиева Л. Т.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Сенюшкина Т. А.	д-р гос. упр., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Темненко Г. М.	д-р филол. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Фёдорова М. М.	д-р полит. н., Институт философии РАН (Москва)
Юрченко С. В.	д-р полит. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Ответственный секретарь – Иванова Р. А.

Редакторы электронной версии: Страхов В. В., Шкорубская Е. Г.

Техническая корректура: Залевская Е. А., Иванова Е. В., Кузьменко Н. С.,
Чернявская М. В.

Ответственные за выпуск:

Зарапин О. В.	канд. филос. н., доц., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Зиннурова Л. И.	канд. филос. н., доц., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Коротченко Ю. М.	канд. филос. н., доц., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Цветков А. П.	канд. филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Контакты с редакционным советом серии:

Тел.: +7-978-736-7713 Факс: +7 (3652) 54-52-46
E-mail: raisaivanova2013@yandex.ru
Сайт: <http://sn-philcultpol.cfuv.ru/>

Формат 70x100 1/16 11 усл. п. л.

Тираж: 50 экземпляров (цена: договорная)

Журнал доступен в электронной версии: <http://sn-philcultpol.cfuv.ru/>

Отпечатано в отделе редакционно-издательской деятельности КФУ имени В. И. Вернадского 295007,
г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4

ФИЛОСОФИЯ

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Философия. Политология. Культурология. Том 2 (68). 2016. № 4. С. 3–10.

УДК: 101.1:316

ФОРМАТ ФИЛОСОФСКОГО ТЕКСТА КАК ПРЕДМЕТ ИСТОРИКО- ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Рыскельдиева Л. Т.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: ryskeldieval@gmail.com

Предмет рассуждений в данной статье – цель и методология историко-философских исследований. Отмечается, что в настоящее время эти исследования, во-первых, испытывают влияние общей тенденции к междисциплинарности, проявляющейся и в науке, и в философском познании, и, во-вторых, в них отмечается возрастающий интерес к тексту как в качестве объекта конкретного исследования, так и как к предмету рефлексии вообще. Эти обстоятельства, по мнению автора, могут оказать негативное воздействие на предмет и методологию истории философии. Философии трудно быть равноправным участником междисциплинарных исследований, прежде всего, потому, что философский текст и как предмет, и как результат исследования должен иметь неустранимую специфику, отличающую его от любых других видов текста. К философскому тексту неприменимы приемы общей текстологии, которая является разделом литературоведения, философский текст нельзя читать в той же установке, что и, например, научный, без ущерба для смысла. Какой же контекст следует считать адекватным для понимания смысла философского текста? История философии как область философских исследований, имеющая непосредственное отношение к текстам, может избежать опасности редукционизма, если обратит свое внимание на методологическую плодотворность понятия «текстовая культура». Мы предлагаем лишить содержание этого понятия оценочной компоненты и под текстовой культурой понимать совокупность способов создания, хранения и трансляции текстов. Оно позволит ограничить претензии тех, кто считает, что понимание смысла философского текста зависит от знания всей совокупности обстоятельств, вызвавших его появление: от социальных условий, политической обстановки, обстоятельств личной жизни автора, его психологического портрета и проч. Каковы необходимый объем и степень полноты внетекстовых и внефилософских сведений, необходимых для того, чтобы иметь право на интерпретацию философского текста? Риторический характер этого вопроса обращает наше внимание на сведения, которые помогут нам охарактеризовать этот текст именно как текст, увидеть его место среди других текстов, понять его специфику как феномена текстовой культуры.

Ключевые слова. История философии, философский текст, текстовая культура, смысл, комикс, текстология, редукционизм.

ПОВОРОТ К ТЕКСТУ В ФИЛОСОФИИ

Последствия поворота к языку и коммуникации для философии обнаруживаются в следующем: а) в целом философы признали действенность принципа междисциплинарности, в соответствии с которым, если в исследовании участвуют представители разных наук и даже разных отраслей наук, то оно с необходимостью ценнее, эффективнее и перспективнее, чем, так сказать, «моноисследование»; б) в философии отмечается устойчивый интерес к тексту не только как к объекту историко-философского исследования, но и как к предмету рефлексии. Достаточно вспомнить программную для социокультурных исследований последнего времени работу П. Рикера «Модель текста: осмысленное действие как текст» [5]. Эту ситуацию можно назвать «поворотом к тексту», вместе с которым у философских исследований вообще и историко-философских в частности возникает по меньшей мере 2 проблемы.

Первая проблема. Философии трудно быть «участником» междисциплинарных исследований, для этого участия есть серьезные границы. Прежде всего, потому, что не всякое философское исследование является только генерализацией результатов конкретно-научных исследований. Но еще и потому, что философский текст и как предмет, и как результат исследования имеет (и должен иметь!) неустранимую специфику, нередуцируемую к данным других наук.

Вторая проблема. Философский текст как объект междисциплинарного исследования становится заложником либо текстологии как раздела литературоведения и, как следствие, – филологического редуционизма (филологизма в философии), либо истории как исторической науки и, как следствие, – исторического редуционизма в историко-философских исследованиях).

Саму возможность редуционизма в историко-философских исследованиях в условиях «поворота к тексту» следует расценивать с помощью понятия «опасность» и относиться к ней негативно. Проблема редуционизма, активно обсуждавшаяся в философии и логике науки прошлого века, в наше время передвинулась, можно сказать, в «слепую зону» философской рефлексии. А напрасно. Корни этой проблемы, а также познавательные перспективы её осмысления в 21 веке, хорошо проанализированы Л. А. Микешиной в статье, посвященной редуционизму [4]. Она отмечает, что, несмотря на то, что изучение редуцитивных процедур в философии науки последнего времени сошло «на нет», сама процедура редукиции (и, соответственно, деривации) продолжает активно использоваться – осознанно или неререфлексивно. Особенно не проясненными при этом, по мнению автора, остаются механизм и целесообразность этой процедуры в социальном, гуманитарном и художественном познании [там же, с. 13]. В целом редуционизм как следствие стремления свести сложное к простому, объяснительный прием, при котором непознанное и трудное сводится к уже известному и доступному, можно признать весьма полезным в конкретных науках. Но уместен ли он в философии? Является ли философский текст и сам его смысл объектом научного познания? Может ли вообще он быть познан средствами науки?

Критическому осмыслению в наше время подвергается и общенаучный принцип междисциплинарности. Историки, например, все чаще ставят вопрос о специфике теоретических оснований исторического знания и об освобождении науки истории от «плена» постмодернизма и господства социокультурного подхода. В программной статье И. М. Савельевой, которая посвящена современным поискам теоретических оснований исторической науки, дается убедительный анализ нынешнего состояния последней и обозначены проблемы на пути поиска её междисциплинарных ориентиров [6]. Думается, что в области истории философии сейчас заметны следы аналогичных поисков, которые можно сформулировать такими вопросами.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ КАК ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕКСТОВ

История философии как раздел философского знания традиционно – наиболее близкий к исследованию текста, а сейчас эта близость особенно явная, свидетельством чему является, например, масштабный проект ИФ РАН «Анатомия философии: как работает текст» с соответствующим видеорядом. Слава богу, историки философии все дальше от спекулятивных исследований закономерностей развития мировой историко-философской мысли, все ближе к конкретной реальности философского текста. В этом смысле историю философии можно назвать самым эмпирическим разделом философии.

Итак, если во времена Гегеля актуально было противопоставление «истории» как временного и бренного «философии» как сущностному и вечному, то в наши дни, мне кажется, актуально противопоставление истории и филологии или текстологии. Яркий пример первого – исследования А. А. Кара-Мурзы, его увлекательные оперативные расследования в рамках «философского краеведения», когда он, пользуясь своей огромной эрудицией, воспроизводит исторические условия замысливания, написания, издания текста, его социокультурный фон, время, место и обстоятельства публикации, основные события личной, душевной жизни автора текста [2]. Еще пример – книга А. А. Яковлева «Завещание Локка, приверженца мира, философа и англичанина» [8], по «сюжету» которой можно ставить художественный фильм, несмотря на то, что это вообще никак не художественный текст, а грандиозное академическое исследование.

Пример второго – работы Т. Г. Щедриной [3] и её грандиозная эдиционная деятельность, широта охвата рукописного и изданного текстового материала, сличение почерков, заполнение текстовых лакун, расшифровка скобок и т. д. (она – известный специалист по текстовому наследию Г. Шпета). Объединяет такие разные исследования одно – необходимость реконструкции **смысла** философского текста.

Смысл – ключевое слово не только для исследователей текста (не буду даже касаться совокупности исследований смысла в философии и других науках в последние лет сто – их несметное количество!). Полагаю, что это ключевое и даже специально-философское «слово», особый и именно философский термин, который часто неверно или, точнее, нерелевантно задачам используется в других науках. Полагаю, что смысл бывает только у целого, а у любой его части – вплоть до

элемента – только значения. То есть, смысл у текста, а у понятия, термина, слова или высказывания – значение. Отмечу еще, что выражения «философское исследование» и «поиск смысла» – синонимы. Это значит, что смысл, который мы ищем в философском тексте, и смысл текста, который найден философом, специфичны и являются продуктом именно философской рефлексии – рефлексии особой природы.

Можно ли найти смысл философского текста из него самого, не прибегая к анализу «внетекстовой» реальности? Возможна ли так называемая «чистая» философская текстология? Оправдан ли своеобразный философский «пуризм»?

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФСКОЙ ТЕКСТОЛОГИИ

Сравним, к примеру, два известных текста, написанных почти в одно время, с одинаковыми названиями и на одну и ту же тему – «Логика смысла» Ж. Делеза и «Логика смысла» А. В. Смирнова. Книга Делеза [1], по его признанию, замысливалась как роман о смысле или (и это не игра слов) роман со смыслом, как текст литературного жанра с философским содержанием, с таким сюжетом, где главным действующим лицом должна быть главная философская проблема – проблема смысла. Нестандартно, необычно, в стиле кэрроловских «книг для девочек», не трактат, не исследование, но и не художественное произведение – намеренная смесь форматов. Его целью является раскрытие «специфических отношений» смысла (по его выражению, «несуществующей сущности») с бессмыслицей. Кому она адресована? Тому, кому нужно лекарство от нормальности, кто хочет, наконец, стать «профессионалом», тому, кто хочет «познать самих себя: быть немножко алкоголиком, немножко сумасшедшим, немножко самоубийцей, немножко партизаном-террористом» [1, с. 190], кто понял всю бессмыслицу занятий нормального человека. Тот, кто спрашивает себя: «неужто на нашу долю выпало лишь составление сборников да выпуск тематических номеров журнала?» [там же, с. 298]. В результате искомый в этой книге смысл оказался «размазанным» по воспетой им «поверхности», и собрать его не удастся даже самому искушенному читателю. Эпатаж и эстетизм Делеза сильно отличается от фундаментальности нормального исследования в академическом формате, выполненного тем, кто своей целью считает именно поиск смысла, а не погоню «за призраком, ускользающим каждый раз» [7, с. 15], предпочитает, судя по всему, именно издавать журналы, а не уходить в запой по причине сильной зависимости смысла от нонсенса. Кто адресат книги Смирнова? Именно обычные «мы» или, как выражался Э. Гуссерль, «нормально расположенные люди», которых не раздражает поиск смысла, а также процесс осмысления и смыслополагания, кто не согласен наблюдать за показанной Делезом «порочной связью» смысла с бессмыслицей. Такие «мы» продолжаем пытаться его ухватить (можно и в университетском журнале, и в Ученых записках!), а сами эти попытки считаем признаком профессионализма. Смысл, по Делезу, оказался как будто «размазанным по тарелке» увлекательного и оригинального исследования, а смысл по Смирнову – неуловимой для методической гносеологии сущностью, механизм возможного появления которой изложен в рамках академического исследования. Это книги

разных форматов, у них разные цели и целевые аудитории, внутри них – разные коммуникативные ситуации, они занимают разное место в текстовой культуре того времени и пространства, в котором появились. Для Делеза смысл – это процесс, для Смирнова – сущность, появляющаяся в процессе. Процесс здесь – интерпретация, а её центральное место занимает интерпретатор, тот, в ком понимание и смысл появляются, рождаются.

Итак, возможна ли «чистая» философская текстология? Сколько обстоятельств личной жизни автора текста и данных о социокультурной обстановке того времени мы должны знать для постижения смысла текста? Какую роль в этом постижении сыграет комплексное психо-, социо-, полит-, лингвоисторическое изыскание? Какая внетекстовая добавка здесь нужна? (В этой связи постоянно вспоминается находящаяся на границе пристойности работа некоего Ботюля (психоаналитика по профессии) под названием «Сексуальная жизнь Иммануила Канта». Текст, который, на самом деле, совсем не хочется вспоминать).

ТЕКСТОВАЯ КУЛЬТУРА И ФОРМАТ ФИЛОСОФСКОГО ТЕКСТА

Эту внетекстовую добавку я уже обрисовала, когда употребила понятия «формат текста» и «текстовая культура». Если комплексное междисциплинарное исследование может дать нам в качестве результата знание о способах создания, хранения и трансляции текстов в данных пространственно-временных условиях, то у нас сложится знание о **текстовой культуре**. Если мы будем знать место данного текста в текстовой культуре, для кого и с какой целью создавался этот текст, нам будет дан его **формат**. Объем и глубина этих знаний относительно, а главное, все внетекстовые и внефилософские сведения смогут быть редуцированы или, точнее, сконцентрированы в особую специфическую философскую текстологию, у которой есть, соответственно, диахронический и синхронический аспекты.

А именно: в целях понимания смысла она (философская текстология) позволит сопоставлять тексты разных форматов, принадлежащие одной текстовой культуре (например, сопоставить трактаты Фомы Аквинского как своеобразные учебные пособия с текстами проповедей Майстера Экхарта). Или позволит понять, в чем принципиальное различие между текстом Анаксагора и диалогами Платона. Это различия в первую очередь есть различия форматов. Текст Анаксагора, судя по тому, что «до нас дошло», может быть возведен к исторически первой, трактатно-созерцательной («феоретической», как будет названо позже) форме фиксации продуктов философской рефлексии в поэтическом жанре «поэма». Коммуникативная ситуация такого текста близка к поэтической аутокоммуникации, акт же его публикации делает потенциального читателя или, так сказать, «равным» автору, или тем, кого он хочет сделать равным себе, сообщив ему результаты своей рефлексии. В каком-то смысле такая публикация, да еще и с целью продажи, приближает труд Анаксагора к просветительскому сегменту деятельности софистов. Тогда как Платон, видимо, следуя существующей традиции, никак не может понять, как и зачем вообще можно публиковать философские тексты. Известно его критическое отношение к письму и почти презрительное отношение к продаже опубликованных сочинений («в оркестре за драхму!»), что дало основание

исследователям вести речь о «неписаной философии» Платона. Вместе с тем в этом контексте мы можем поставить вопрос о статусе и смысле появляющихся в наше время расширяющейся коммуникации и интеллектуальных технологий, как кажется, новых и неожиданных форматов философского текста – например, философский **сайт** или философский **комикс**.

Если понятие «философский сайт» не вызывает специфической реакции, то словосочетание «философский комикс» вызывает в лучшем случае улыбку, а кое у кого и негодование. Я имею в виду серии вначале английских, а затем французских комиксов, посвященных самым известным и необычным философам. Действительно, находящийся как бы в сфере актуальной, модной и распространяющейся сейчас визуальной культуры, «тренд» к изображению и сама идея философского комикса должны вызвать недоумение: как возможна визуализация продуктов философской рефлексии? Как можно «изобразить», воплотить в образ, к примеру, бытие? Однако при ближайшем, эмпирическом рассмотрении продуктов этого формата мы понимаем, что, во-первых, ничего беспрецедентного или скандального в нем нет и, во-вторых, смысл философского текста при этом не искажается. Восходящие, по мысли адептов и исследователей [9] и [10], к популяризовавшим библейские сюжеты Нюрнбергским хроникам в инкунабулах 15 века и жанру «аллилуев» во Фландрии, Франции и Германии 16 века, современные философские тексты в картинках – это свидетельство процесса популяризации философии. Что это за процесс и как к нему относиться? Процесс, видимо, неизбежный, и относиться к нему следует спокойно. Популяризация, сопровождающаяся назиданием, – давнее явление. Появление во времена Платона «писаной» философии сродни появлению Агады в противовес Галахе, а наша пуристская реакция на «философию в картинках» вполне сродни реакции древних на «писаную» философию! Формат комикса не может исказить смысл философского текста, потому что он не имеет к нему никакого отношения, содержание текстов в картинках в большинстве случаев посвящено конкретным философам, перипетиям их жизни и оригинальности взглядов. Это содержание сродни античным «анекдотам» и вписывается в общую тенденцию, согласно которой современная философская литература становится близкой к известному жанру доксографии. Тексты в картинках – это не философский текст в собственном смысле, а литература о философии, рассказы о философам. Это говорит об изменениях коммуникативной ситуации в тексте, имеющим отношение к философии: формат комикса сродни формату web 2.0, в котором сейчас действует большинство проектов и сервисов. В этом формате, который «размывает» различия между автором и читателем, комикс приобретает явно позитивный потенциал, становится агентом просвещения, так как вероятность того, что кто-то из читателей/зрителей текста в картинках захочет взять в руки авторский философский текст, судя по всему, при этом повышается. А в этом, полагаю, ничего плохого нет.

Итак, мои тезисы:

1. История философии как раздел философского знания становится все ближе к исследованиям в области специфической философской текстологии.

2. В области этих исследований во избежание редуционизма, для реконструкции внетекстовой и внефилософской реальности, необходимой для понимания смысла философского текста, следует использовать методологически перспективные понятия «текстовая культура» и «формат текста».

Список литературы

1. Делез Ж. Логика смысла. – М.: Издательский Центр «Академия», 1995. – 298 с.
2. Кара-Мурза А. А. Откуда рождаются философские статьи? // История философии в формате статьи. – М.: Культурная революция, 2016. – С. 110–121.
3. Методологические проблемы публикации философских текстов. Материалы конференции – «круглого стола». Участники: Б. И. Пружинин, Н. С. Автономова, Т. В. Артемьева, В. К. Кантор, И. А. Михайлов, Е. В. Пастернак, В. Н. Порус, И. С. Разумовский, Л. Т. Рыскельдиева, А. В. Смирнов, Т. Г. Щедрина, В. В. Янцен // Вопросы философии. – 2016. – №3. – С. 5–50.
4. Микешина Л. А. Редуционизм как проблема философии науки и эпистемологии // Эпистемология и философия науки. – 2013. – Т. 37. – № 3. – С. 5–13.
5. Рикер П. Модель текста: осмысленное действие как текст // Социологическое обозрение. – 2008. – Том 7. – № 1. – С. 25–43.
6. Савельева И. М. Исторические исследования в XXI веке: теоретический фронт // Диалог со временем. – 2012. – Вып. 38. – С. 25–53.
7. Смирнов А. В. Логика смысла: Теория и её приложение к анализу классической арабской философии и культуры. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 504 с.
8. Яковлев А. А. Завещание Джона Локка, приверженца мира, философа и англичанина. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. – 432 с.
9. Kunzle D. The History of the Comic Strip, Vol. II: The Nineteenth Century / D. Kunzle. – Berkeley: University of California Press, 1990. – 411 p.
10. McCloud Scott. Understanding Comics: The Invisible Art – N.-York: A Kitchen Sink Press Book for HarperPerennial, 1994. – 216 p.

Ryskel'dyieva L. T. Format of Philosophical Text as an Object of the Studies in History of Philosophy // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2016. – Vol. 2 (68). – № 4. – P. 3–10.

The main discussion topic of the present article is the goal and methodology of the studies in history of philosophy. It is noted that currently these studies firstly are influenced by the general trend toward interdisciplinarity, which is manifested in science and philosophical knowledge, and secondly an increasing interest is being noted in text as the object of a specific study and as an subject of reflection in general. These circumstances, in the author's opinion, could have a negative impact on the subject and methodology of the history of philosophy. It is difficult for philosophy to be an equal participant in interdisciplinary research firstly, due to the fact that philosophical text as a subject and as a result of the study should have an ineliminable specificity that distinguishes it from any other types of text. Techniques of common textology, which is a branch of literary studies are non-applicable to the philosophical text, philosophical text can not be read in the same setup as, for example, a scientific text, i. e. without harming the meaning. What context should be considered as adequate for understanding the meaning of the philosophical text?

The history of philosophy as an area of the philosophical research, which has direct relevance to the texts, can avoid the danger of reductionism if its attention is turned towards methodological fruitfulness of the term "textual culture". We propose to deprive the content of this term of the evaluative component and agree that text culture means a complex of methods of creating, storing and translation of texts. It will limit the claims of those who believe that understanding of the meaning of philosophical text depends on the knowledge of complex of circumstances that caused its emerging, i. e. social conditions, political situation, the circumstances of the author's personal life, his psychological portrait and so on. What's the necessary volume and the degree of completeness and extra-textual data required in order to be eligible for the interpretation of

the philosophical text? The rhetorical nature of this issue draws our attention to information that will help us to characterize this text exactly as a text, to determine its place among other texts, to understand its specifics as a phenomenon of the textual culture.

Keywords. History of philosophy, philosophical text, textual culture, textology, reductionism, “smysl”, comics.

References

1. Deleuze J. Logika smysla [The Logic of Sense]. Moscow, Akademiya, 1995, 298 p.
2. Kara-Murza A. A. Otkuda rozhdayutsya filosofskie stat'i? [How are Philosophical Articles Conceived?] History of Philosophy in the form of an article. Moscow, Kul'turnaya revolyuciya, 2016, P. 110–120.
3. Metodologicheskie problemy publikacii filosofskih tekstov. Materialy konferencii – «kruglogo stola» [Methodological Problems in the Publication of Philosophical texts. Materials of the Conference - “Round Table”]. Participants: B. I. Pruzhinin, N. S. Avtonomova, T. V. Artem'eva, V. K. Kantor, I. A. Mihajlov, E. V. Pasternak, V. N. Porus, I. S. Razumovskij, L. T. Ryskel'dieva, A. V. Smirnov, T. G. Shchedrina, V. V. YAncen // Voprosy filosofii [Problems of Philosophy]. 2016, no. 3, P. 5–50.
4. Mikeshina L. A. Redukcionizm kak problema filosofii nauki i epistemologii [Reductionism as a Problem of the Philosophy of Science and Epistemology]. Epistemologiya i filosofiya nauki [Epistemology & Philosophy of Science], 2013, Vol .37, no. 3, P. 5–13.
5. Riker P. Model' teksta: osmyslennoe dejstvie kak tekst [The Model of the Text: Meaningful Action Considered as a Text]. Sociologicheskoe obozrenie [Russian Sociological Review], 2008, Vol.7, no. 1, P. 25–43.
6. Savel'eva I. M. Istoricheskie issledovaniya v XXI veke: teoreticheskij frontir [Historical Studies in the 21 st Century: Theoretical Frontier]. Dialog so vremenem [Dialogue with Time], 2012, Vol. 38, P. 25–53.
7. Smirnov A. V. Logika smysla: Teoriya i eyoprilozhenie k analizu klassicheskogo rabsoj filosofii i kul'tury [Logic of Sense. Theory and Its Application in the Analysis of Classical Arabic Philosophy and Culture]. Moscow, Languages of Slavonic Cultures, 2001, 504 p.
8. Yakovlev A. A. Zaveshchanie Dzhona Lokka, priverzhencamira, filosofa i anglichanina [Testament of John Locke, an Adherent of the World, a Philosopher and the Englishman]. Moscow, Publishing house of the Gaidar Institute, 2013, 432 p.
9. Kunzle D. The History of the Comic Strip, Vol. II: The Nineteenth Century. D. Kunzle. Berkeley, University of California Press, 1990, 411 p.
10. McCloud Scott. Understanding Comics: The Invisible Art. N.-York, A Kitchen Sink Press Book for HarperPerennial, 1994, 216 p.

УДК 167.7, 316.012

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ: КОГНИТИВНАЯ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА

Фахрутдинова А. З.

Сибирский институт управления – Филиал РАНХиГС, г. Новосибирск, Российская Федерация

E-mail: faamina@yandex.ru

В статье исследована возможность использования моделей и выводов, разработанных постпозитивистами при решении проблемы формирования парадигмы (Т. Кун), научно-исследовательской программы (И. Лакатос), научной дисциплины (Ст. Тулмин) как основы методологии социальных наук. Предпринята попытка фрагментарной реализации этой программы. В качестве механизма формирования как научной, так и социальной традиции представлена системность и взаимосвязанность составных частей традиции друг с другом и (или) с элементами другой традиции. Показано действие данного механизма при формировании ньютоновской классической картины мира, обосновании Н. Бором «принципа дополнительности». В духе представлений о системности как механизме формирования социальных инноваций проинтерпретирован анализ «первоначального накопления» К. Маркса. Проанализирована и смежная с проблемой формирования парадигмы задача – решение вопроса об условиях стабилизации традиции. За методологическую основу взята эволюционная модель развития науки Ст. Тулмина. Сделан вывод, что стабильность традиции обеспечивается за счет действия механизмов отбора новаций. Различаются когнитивные и институциональные механизмы и факторы отбора. Показано, что системность и взаимосвязанность элементов традиции является не только фактором формирования научной и социальной инновации, но имеет решающее значение для «блокирования» новаций, не способных вписаться в существующую систему или стать элементом новой. Действие «системного» отбора выявлено при анализе развития аристотелевских представлений о движении, системы письма в целом, традиции употребления кириллицы. В качестве институциональных механизмов отбора обозначены профессиональные форумы, институты научной и социальной коммуникации. Данные факторы отбора разделяются на внутренние, т. е. действующие в рамках одной духовной или социальной сферы, и внешние.

Ключевые слова: постпозитивизм, традиция, инновация, когнитивный и институциональный отбор, внутренняя и внешняя системность традиции.

Проблема соотношения традиций и инноваций начала активно обсуждаться в середине прошлого века в контексте гносеологических и методологических исследований: в работах Т. Куна, И. Лакатоса, П. Фейерабенда, Ст. Тулмина и др. Впервые наука, олицетворявшая до этого рациональность и новаторство, была описана как традиционный институт, подчиняющий свое развитие некому парадигмальному видению. Новации оказывались легитимными только в том случае, если вписывались в существующую парадигму и не противоречили её основным положениям.

Одна из важнейших проблем, возникшая в ходе обсуждения базовой концепции Куна, касалась механизмов формирования принципиальной инновации – «парадигмы» (по Куну), «научно-исследовательской программы» (по Лакатосу), «научной дисциплины» (по Тулмину). С точки зрения теории Куна, изложенной в «Структуре научных революций», принципиальное изменение нормального состояния науки – ее парадигмального состояния (Кун так и называет этот период – «нормальная» наука) – явление экстраординарное. Оно происходит в результате накопления множества значимых аномалий, противоречащих господствующей парадигме. В этот период вспоминаются идеи, отвергнутые научным сообществом ранее или уже почти забытые. Именно они становятся основой новой парадигмы. Очевидно, что такое объяснение оставило много белых пятен в понимании как закономерностей формирования и легитимизации нового видения, так и механизмов поддержания традиционного состояния науки.

В рамках концепции научных исследовательских программ Лакатосом было предложено интересное объяснение стабильности существования исследовательских программ, многие из которых «выживали» и господствовали долгое время, несмотря на многочисленные контрпримеры (аномалии по Куну). Это происходило благодаря построению вокруг «жесткого ядра» программы, включающего основные концептуальные, не подвергаемые сомнению положения, ряда «защитных поясов» – набора вспомогательных гипотез, направленных на опровержение контраргументов. Не так удачно, на наш взгляд, решена проблема смены программ. Она характеризуется как «пункт насыщения» – состояние, в котором положительная эвристика «защитных поясов» уступает место отрицательной. На этой стадии развития науки – Лакатос называет её вырожденной или регрессивной – основные усилия направлены на опровержение контрпримеров с помощью *ad hoc* допущений, а не на развитие гипотез защитного пояса, освоение нового эмпирического материала. Именно в этот момент на смену существующей программе приходит альтернативная. Каков механизм формирования этой альтернативы? Каков состав её элементов? Эти вопросы остаются без ответа.

Представляется, что важнейшим когнитивным механизмом формирования новой парадигмы является возможность сочетания новаций, существовавших до этого на периферии различных программ. Самым ярким примером реализации такого механизма является возникновение ньютоновской классической картины мира на основе логической связи положений «небесной механики», существовавших определенное время в статусе недоказанных гипотез, с открытиями «земной механики» и результатами действий технических устройств, позволивших верифицировать данные гипотезы. История науки дает множество других примеров действия подобного механизма. Зачастую при этом «материал» для формирования новых программ их создатели заимствуют из различных областей культуры: из истории науки, теологии, философии, смежных дисциплин. Например, Коперник, объясняя поведение тел на вращающейся Земле, прибегал к теологическому принципу совершенства всего естественного. Как убедительно показал Дж. Холтон, Н. Бор обосновывал свой принцип дополнительности, обращаясь к широкому кругу идей как научного, так и общекультурного характера.

В частности, он ссылался на работы философа и психолога У. Джемса, который говорил о сосуществовании в сознании субъекта частей, взаимно изолирующих друг друга и делящих между собой объекты познания [13, с. 179–188].

В рамках постпозитивизма наработано множество других моделей, способных, на наш взгляд, стать методологической основой исследования соотношения традиции и новации в широком смысле слова. Приоритетными являются следующие вопросы: что является базовым, «нормальным» для социального развития: изменчивость или стабильность; каковы механизмы поддержания того и другого состояний; каковы факторы и механизмы формирования кардинальной инновации? Принципиальным является ответ на вопрос о том, работают ли закономерности, открытые для области развития науки, в других сферах социума.

Рассмотрим первый вопрос. Ряд исследователей считают именно традицию, следование норме исходным, базовым состоянием социума. По мнению Р. Мертона, «...мысль о том, что люди действуют в рамках социальных стандартов, выработанных теми группами, частью которых они являются, возникла еще в древности и, вероятно, вполне разумна» [7, с. 426].

Э. Гидденс в своей теории структуриации также представляет социальную деятельность как постоянно повторяющиеся практики. «Предметом социальных наук, в соответствии с теорией структуриации, является не опыт индивидуального актера и не существование какой-либо формы социентальной тотальности, а социальные практики, упорядоченные в пространстве и времени» [4, с. 41]. Близкой концепту социальным практикам является и понятие *habitus* П. Бурдьё – наличие структур, «сформированных нашими прошлыми практиками, отобранных временем и типичными жизненными ситуациями, результатами прошлых взаимодействий, выкристаллизовавшихся в нормы» [3, с. 18]. Также представление о норме, социальном образце как основе существования социума составляет суть теории социальных эстафет М. А. Розова. «Воспроизведение человеческой деятельности или поведения по непосредственным образцам я и называю социальными эстафетами», – пишет он [9, с.85].

Другие мыслители занимают противоположную позицию: рассматривают изменчивость в качестве атрибутивного свойства социального развития. Так, К. Маркс утверждал, что именно постоянные новации в сфере производительных сил порождают смену производственных отношений и общественно-экономических формаций. Современное общество еще более адекватно описанию в терминах изменчивости. З. Бауман в своей работе «Текущая современность» фиксирует разрушение норм и наступление эры тотальной изменчивости в обществе постмодерна. «В наши дни паттерны и конфигурации больше не заданы и тем более не самоочевидны, – пишет он; – их слишком много, они сталкиваются друг с другом, и их предписания противоречат друг другу, так что все они в значительной мере лишены своей принуждающей, ограничивающей силы» [2, с. 14]. Разрушение паттернов приводит к переходу к пластичному, изменчивому, текучему миру. Так или иначе, постоянную изменчивость современного мира фиксируют концепции «информационного», «сетевоего» общества, общества постмодерна.

Характерно, что авторы нормативных теорий в ходе развития своих идей также приходят к признанию изменчивости самих норм, стандартов и социальных практик. Так, развитие теории социальных эстафет приводит её автора к признанию появления инноваций при воспроизводстве образцов. «Эстафета сама по себе неустойчива, она постоянно мутирует, если нет дополнительных механизмов её стабилизации», – признает Розов [9, с. 103]. Аналогичным образом преемственность практик, по Гидденсу, предполагает рефлексивность, последняя же в конечном счете приводит к трансформации социальных практик.

Однако такой теоретический поворот приводит к выводу о размывании границ между традицией и инновацией, признанию всеобщей изменчивости, нестабильности, подвижности социума, его абсолютной «текучести». Вместе с тем история и рефлексия над развитием различных сфер общества свидетельствуют о том, что социальные нормы достаточно стабильны, а традиция и инновация принципиально различаются. Вспомним, что система представлений о движении, основанная на «Физике» Аристотеля, господствовала почти две тысячи лет. Немного меньше просуществовала в астрономии геоцентрическая система Птолемея. Основы классической Ньютонической механики не подвергались сомнению в течение почти 250 лет. Весьма устойчивы и социокультурные традиции: так в российской культуре уже почти двести лет воспроизводится противостояние «западников» и приверженцев аутентичного пути развития нашей страны.

Действительно, и в этом можно полностью согласиться с Розовым: для того, чтобы понять, как возможна традиция, необходимо выявить механизмы ее стабилизации, представить факторы отбора новаций. Такого рода работа применительно к вопросам развития науки была проведена постпозитивистами, в частности Ст. Тулминым. Вполне перспективным, на наш взгляд, является его эволюционный подход, представляющий процесс стабилизации научных практик как результат действия механизмов отбора.

В качестве условий отбора Тулмин представляет ряд факторов, которые можно обозначить как когнитивные и институциональные. К классу когнитивных можно отнести такие факторы, как большая релевантность, точность, объяснительная сила сравниваемых концепций; неформальные стандарты и идеалы данной науки; эвристическая сила побочных последствий теорий; исторический опыт развития дисциплины.

Под институциональными условиями отбора Тулмин понимает наличие и действие профессиональных форумов: научных школ, научной периодики и наград, институтов научной коммуникации, согласие профессионального сообщества относительно критериев отбора [11, с. 223–242].

Можем ли мы использовать эволюционную модель Тулмина для исследования других социальных новаций? Другими словами, правомерно ли использование моделей, появившихся в рамках методологии науки, для социального исследования? Вопрос о возможности такого использования был уже обозначен выше. Положительный ответ на него определяется, на наш взгляд, тем, что Кун и

постпозитивисты в целом рассматривали науку как социальный институт, т. е., по сути дела, строили методологию социальных наук и социальную теорию.

Итак, существует ли когнитивный и институциональный отбор для других социальных и культурных новаций? Покажем, что данные механизмы работают как в науке, так в других сферах общественной жизни.

Представляется, что решающее значение как для поддержания традиции, так и для формирования новой имеют когнитивные факторы, в частности системность и взаимосвязанность составных частей традиции друг с другом и (или) с элементами другой социальной традиции. Внутренняя и внешняя системность традиции является фактором, отсекающим новации, не способные вписаться в существующую систему или стать элементом новой. Одновременно, именно возможность нескольким аномальным новациям, сохраняющимся на периферии различных научных программ и в общекультурном пространстве, составить новую систему обуславливает смену парадигм и традиций.

Близкие к данной позиции взгляды развивал известный математик А. Пуанкаре. Изобретение в математике Пуанкаре интерпретирует как умение «распознавать и выбирать такие факты, которые открывают нам связь между законами, известными уже давно, но ошибочно считавшимися не связанными друг с другом» [8, с. 359]. Пуанкаре считал, что побеждают «красивые» комбинации. Новая математическая комбинация будет «красивой» в том случае, если она находится в согласии, гармонично сочетается с элементами некоторой системы. Таким образом, открытие, т. е. нововведение, может пройти фильтр системного отбора только при условии согласованности, сочетаемости с другими элементами теоретического знания. И, наоборот, нововведение, не обладающее этими качествами и не способное ни вписаться в существующую систему, ни стать элементом новой, не будет принято научным сообществом. По мнению Пуанкаре, оно даже не будет осознано.

Применительно к развитию научного знания хорошим примером действия «системного» отбора может служить аристотелевская традиция. Именно «системность» аристотелевских представлений о движении не позволила «проникнуть» в «тело» этой традиции таким новациям, как утверждение о возможности пустоты, понятие бесконечно большого тела и актуальной бесконечности. Все концепты аристотелевской физики – категории цели, пространства, времени; теория континуума; непризнание актуальной бесконечности; концепция замкнутого космоса с системой фиксированных мест – необходимым образом связаны между собой. Неудивительно поэтому, что разрушение аристотелевской программы могло произойти только при переосмыслении всех понятий, использованных при описании движения. До того, как это стало возможным, сама система оказывала стабилизирующее воздействие на программу и «защищала» свои элементы от случайных «мутаций».

Известно, например, что уже в VI в. Симпликий, комментируя аристотелевскую «Физику», подвергает сомнению объяснение движения брошенных тел с помощью передающей среды. Однако, высказав подобное сомнение, Симпликий все-таки не решается развивать свою мысль дальше и возвращается к аргументам Аристотеля. Что же остановило его? «Что же удерживало всех античных физиков от допущения,

которое теперь представляется наиболее простым, и заставляло столь выдающиеся для своего времени умы идти окольным путем, приписывая воздуху или воде искусственную роль передатчика движения?» – повторяет наш вопрос Я. Г. Дорфман [5, с. 73]. «По-видимому, препятствием служило общепринятое в то время представление о том, что тело, самостоятельно движущееся в определенном направлении, не отличается от одушевленного», – заключает он [там же]. Согласившись с этим предположением, добавим, что принятие подобного нововведения повлекло бы за собой массу других противоречий. Оно не согласовывалось бы с дихотомией естественного и искусственного, с запретом пустоты, а, следовательно, и с запретом бесконечно большой скорости; разрушило бы всю систему замкнутого космоса.

Механизм отбора, связанный с действием фактора системности, работает как в науке, так и применительно к социальным традициям в широком смысле слова. Так Ф. де Соссюр, объясняя причину стабильности знаков языка, выделяет три фактора: 1) большая величина усилий, затрачиваемых на овладение языком; 2) множественность знаков в любом языке; 3) слишком сложный характер системы языка. Взаимосвязанность всех знаков языка приводит к тому, что изменить можно только всю систему в целом, а этому, в свою очередь, мешает огромное количество знаков языка и связанная с этим величина усилий, направленных на его овладение. «Система письма, состоящая из 20–40 букв, может быть, если на то пошло, заменена другой, – пишет он, – то же самое можно было сделать и с языком, если бы число элементов, его составляющих, было ограниченным. Но число знаков языка бесконечно» [10, с. 107].

Еще один пример из языкознания – традиция употребления кириллицы в качестве письма. Эта традиция – одна из наиболее устойчивых в русской культуре. Попытки трансформировать письмо, внести в него элементы латиницы (или даже полностью перевести письмо на латинский алфавит) в большинстве своем терпят неудачу. Причиной этого служит, на наш взгляд, включенность письма в систему российской культуры в целом, прежде всего – в православную культуру.

Характеризуя возникновение кириллицы, М. В. Арапов пишет: «Кириллица, возникшая на периферии христианского мира, оказалась побочным результатом церковного раскола и орудием определенной идеологии. Внешне имитируя греческий текст и символизируя православность, то есть непоколебимую верность постановлениям семи первых вселенских соборов, кириллица стала средством сопротивления богатой и сложной византийской культуры «глобализму» и нивелирующему влиянию Рима, способом сохранения единого поля православной культуры» [1].

Именно за счет монолитности и «плотности» структуры, в которую включено кириллическое письмо, большинство попыток латинизации алфавита рассматривались как аномальные новации и отвергались. Характерно, что немногочисленные успешные движения в сторону латиницы приходились в России на периоды общей прозападной устремленности, когда национальный общекультурный контроль ослабевал.

В духе представлений о системности как факторе формирования социальной новации можно проинтерпретировать и общеизвестный анализ «первоначального накопления» К Маркса, представленный в двадцать четвертой главе «Капитала» [6, с. 662–706]. Маркс рассматривает формирование экономической структуры капиталистического общества как результат действия ряда факторов. Во-первых, он пишет о возникновении класса пролетариев как оторванных от средств своего существования и выброшенных на рынок труда людей. Маркс показывает, что это произошло в результате узурпации общинных земель, роспуска феодальных дружин, разорения монастырей, что, в свою очередь, было стимулировано резким повышением цен на шерсть для фландрских мануфактур. Во-вторых, Маркс пишет о жестоких законах против бродяжничества, коалиций, экспроприированных. В-третьих, речь идёт о возникновении и расцвете мануфактурного производства, возникающего в морских экспортных гаванях или в таких пунктах внутри страны, которые находились вне контроля старых городов с их цеховым строем. В качестве четвёртого фактора рассмотрена земледельческая революция, оказавшая обратное влияние на развитие промышленности. И, наконец, Маркс описывает предпосылки генезиса «промышленного капиталиста»: обогащение некоторых фермерских хозяйств, превращение ростовщического и купеческого капитала в промышленный, открытие золотых и серебряных приисков в Америке, жестокая эксплуатация населения колоний, торговая война европейских наций, государственный долг и т. п.

Обратим внимание, что некоторые из этих факторов связаны друг с другом причинно-следственной связью. Так, захват общинных и церковных земель был обусловлен ростом мануфактурного производства, принятие жестоких законов против бродяжничества и коалиций появляется в ответ на резкое увеличение числа экспроприированных крестьян и обитателей монастырей. Вместе с тем другие факторы возникли независимо друг от друга, их одновременное появление в «нужное время» и в «нужном месте» и составило собственно «тайну» возникновения новой формации. В число этих независимо возникших и независимо развивающихся друг от друга факторов можно включить:

- церковную Реформацию, приведшую к экспроприации церковных земель;
- возникновение машинного производства (вспомним, что прогресс в развитии производительных сил сам Маркс считал имманентно развивающимся и базовым для развития общества процессом);
- Великие географические открытия и последовавшие за ними захваты территорий и возникновение колоний и др.

Конечно, сам Маркс не делает выводов о системности и, по сути дела, о случайном совпадении независимо возникших новаций как механизме формирования новой формации. Такого рода заключение никоим образом не согласовалось бы с его детерминистической и линейной методологией исторического процесса. Однако тщательность и добросовестность марксова исторического и политэкономического анализа подспудно сработали против методологии, приведшей его автора к выводу о «локомотиве истории», с неизбежностью движущемся от одной формации к другой.

Что касается институционального отбора, то он имеет большое значение в качестве механизма стабилизации традиции. Сама сущность социального института предполагает поддержание устойчивости социальных явлений, сохранение норм, принципов и культурных образцов. Действительно, профессиональные форумы, на стабилизирующее действие которых ссылаются Тулмин, существуют не только в науке, но и в искусстве, политике, религии.

Факторы отбора можно условно разделить на «внутренние», т. е. действующие в рамках одной духовной или социальной сферы, и внешние. В последнем случае институт, осуществляющий отбор и стабилизирующий традицию, принадлежит к иной сфере. Классические и общеизвестные примеры действия таких институтов касаются роли церкви в отношении научных новаций (например, относительно идей гелиоцентризма) и воздействия политической идеологии на развитие искусства, общественных наук, общественных практик и пр. в тоталитарном обществе.

Однако, несмотря на общеизвестность этих примеров, суть действия такого рода институциональных механизмов полностью не раскрыта ни в философии, ни в социальной теории. Действительно, церковь является одним из наиболее консервативных социальных институтов. Однако её «запретительная» деятельность активизируется отнюдь не всегда и применяется отнюдь не ко всем новациям и сферам духовной жизни. Одна из гипотез, безусловно нуждающаяся в дальнейшем развитии и детализации, предполагает, что условием критической активности институтов одной социальной сферы по отношению к новациям в другой является их конкуренция в духовном или социальном пространстве [12, с. 132–133].

В целом программа исследования, сформированная при анализе истории науки, содержит серьёзный эвристический потенциал. Формат данной статьи не позволяет показать этот потенциал в полной мере. В случае успеха реализации данной программы можно будет более уверенно говорить о возможностях её интерпретации как методологии социальных наук.

Список литературы

1. Арапов М. В. Латиница и кириллица. Информация и фасцинация. – URL: <http://polit.ru/article/2003/09/23/625530/>. (Дата обращения: 18.11.2016).
2. Бауман З. Текучая современность. – СПб.: Питер, 2008. – 239 с.
3. Бурдье П. Структуры, Habitus, Практики // Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас / сост., пер. и вступ. ст. А. В. Леденовой. – Н-ск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. – 120 с.
4. Гидденс Э. Элементы теории структуризации // Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас / сост., пер. и вступ. ст. А. В. Леденовой. – Н-ск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. – С. 40–80.
5. Дорфман Я. Г. Всемирная история физики. Ч. 1. – М.: Просвещение, 1974. – 317 с.
6. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии // Избранные сочинения. В 9-ти т. Т. 7. – М.: Политиздат, 1987. – 811 с.
7. Мергон Р. Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ, Хранитель, 2006. – 873 с.
8. Пуанкаре А. Математическое творчество. Хрестоматия по общей психологии. – М.: Изд. МГУ, 1981. – С. 356–365.
9. Розов М. А. Философия науки в новом видении. – М.: Новый хронограф, 2012. – 440 с.
10. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977. – 696 с.
11. Тулмин Ст. Человеческое понимание. – М.: Прогресс, 1984. – 328 с.

12. Фахрутдинова А. З. Современный российский театр в борьбе за духовное лидерство: тенденции и конфликты // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2015. – Т. 1 (67). – № 2. – С. 126–136.
13. Холтон Дж. Тематический анализ науки. Пер. с англ. А. Л. Великович, В. С. Кирсанов, А. Е. Левин – М.: Прогресс, 1981. – 384 с.

Fakhrutdinova A. Z. Tradition and Innovation: Cognitive and Institutional Support // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2016. – Vol. 2 (68). – № 4. – P. 11–20.

This paper investigates the possibility of using the models and conclusions developed by postpositivists in solving the problem of paradigms (T. Kuhn), research programs (I. Lakatos), research discipline (St. Toulmin) as the basis of methodology of Social Sciences. Attempted piecemeal implementation of this program. As the mechanism of formation of scientific and social traditions represented consistency and interrelatedness of the component parts of traditions with each other and (or) with members of another tradition. Shows the effect of this mechanism in the formation of the classical Newtonian picture of the world, the justification of N. Bohr's "complementarity principle". In the spirit of the notions of consistency as the mechanism for the formation of social innovation interpreted as the analysis of "primitive accumulation" of K. Marx. Analyzed and related with the problem of paradigms of solving the question of stabilization of the tradition. For the methodological basis of evolutionary model of development of science of St. Toulmin. It is concluded that the stability of tradition is ensured by the mechanisms of selection of innovations. Different cognitive and institutional mechanisms and selection factors. It is shown that the consistency and interrelatedness of elements of tradition is not only a factor in the formation of scientific and social innovation, it is critical to "blocking" of innovations, not able to fit into an existing system or become a new element. Action "system" of selection identified in the analysis of the development of the Aristotelian concepts of motion, systems of writing in general, the tradition of the use of the Cyrillic alphabet. As institutional mechanisms for the selection indicated professional meetings, institutes of scientific and social communication. These selection factors are divided into internal, i. e., within a spiritual or social sphere and external.

Keywords: postpositivism, tradition, innovation, cognitive and institutional selection, internal and external consistency of the tradition.

References

1. Arapov M. V. Latinita i kirillitsa. Informatsiya i fastsinatsiya. [Latin and Cyrillic. Information and fascination]. – URL: <http://polit.ru/article/2003/09/23/625530/> (Accessed: 18.11.2016).
2. Bauman Z. Tekuchaya sovremennost [The Fluid Present]. St. Petersburg, Piter Publ., 2008, 239 p.
3. Burde P. Strukturyi, Habitus, Praktiki [Structures, Habitus, Practice]. Sovremennaya sotsialnaya teoriya: Burde, Giddens, Habermas. [Modern Social Theory: Bourdieu, Giddens, Habermas]. Ledeneva V. A. Novosibirsk, NGU publ., 1995, 120 p.
4. Giddens E. Elementyi teorii strukturatsii [Elements of the Theory of Structuration] // Sovremennaya sotsialnaya teoriya: Burde, Giddens, Habermas. [Modern Social Theory: Bourdieu, Giddens, Habermas]. Ledeneva V. A. Novosibirsk, NGU publ., 1995, P. 40–80.
5. Dorfman Ya. G. Vsemirnaya istoriya fiziki [World History of Physics]. Part 1. Moscow, Prosvetschenie, 1974, 317 p.
6. Marks K. Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii [Capital. Critique of Political Economy]. Selected works. In 9 vol. Vol. 7, Moscow, Politizdat, 1987, 811 p.
7. Merton R. Sotsialnaya teoriya i sotsialnaya struktura [Social Theory and Social Structure]. Moscow, AST, Guardian, 2006, 873 p.
8. Puankare A. Matematicheskoe tvorchestvo [Mathematical Creativity]. Hrestomatiya po obschey psihologii [Readings in General Psychology]. Moscow, Publ. MGU, 1981, P. 356–365.
9. Rozov M. A. Filosofiya nauki v novom videnii [Philosophy of Science in the New Vision]. Moscow, New chronograph, 2012, 440 p.

10. Sosyur F. de. Trudyi po yazykoznaniiyu [Works on Linguistics]. Moscow, Progress, 1977, 696 p.
11. Tulmin St. Chelovecheskoe ponimanie [Human Understanding]. Moscow, Progress, 1984, 328 p.
12. Fahrutdinova A. Z. Sovremennyiy rossiyskiy teatr v borbe za duhovnoe liderstvo: tendentsii i konfliktyi [Modern Russian Theatre in the Struggle for Spiritual Leadership: Trends and Conflicts]. Uchenyie zapiski Kryimskogo federalnogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kulturologiya [Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political sciences. Culturology], Vol. 1 (67), no. 2, 2015, P. 126–136.
13. Holton Dzh. Tematicheskii analiz nauki [Thematic Analysis of Science]. A. L. Velikovich, V. S. Kirsanov, A. E. Levin. Moscow, Progress, 1981, 384 p.

УДК: 167/168

ДИАЛОГИ: ЖАНР VS ФОРМАТ ТЕКСТОВОЙ КУЛЬТУРЫ¹

Шапиро О. А.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: shapiro.olha@gmail.com

В статье рассмотрена проблема понимания философского текста. Что может послужить ориентиром при прочтении текстов разного типа? Отправной точкой для понимания смысла текста? Традиционной здесь является филологическая точка зрения, усматривающая в роли основания текстовых исследований жанровую классификацию.

Автор обосновывает тезис о том, что жанровое деление философских текстов не является удовлетворительным ответом на поставленный вопрос. В качестве примера рассматривается ряд философских диалогов, относящихся к разным периодам истории философской мысли. Их анализ с позиций прагма-аналитического подхода наглядно демонстрирует несовпадение многих текстовых характеристик, и, как следствие – недостаточность жанрового исследования при изучении философских текстов.

Для решения вопроса об основаниях философского текстологического исследования вводится понятие «формат», объединяющее в себе жанровую и аргументативную специфику текста, обстоятельства порождения текста и задаваемую текстом коммуникативную ситуацию. Именно формат в единстве его характеристик способен открыть путь к пониманию смысла текста; анализ текстового формата объясняет те аргументативные, стилистические и другие особенности, которые остаются непонятными при попытках понимать текст через призму только жанра.

Ключевые слова: аргументация, диалог, жанр, текст, текстовая культура, формат текста.

Современность, определяемая развитием технологий, предоставляет нам немислимое еще сто лет назад многообразие различных видов и типов текстов, доступных в любой момент и в любой точке мира. Но с возрастанием массива текстов обостряется и проблема понимания их смысла. С какой точки зрения, сквозь какую установку мы должны смотреть на тексты, чтобы не «заблудиться» в них? Как научиться ориентироваться в непрерывном потоке информации, захлестывающем нас сегодня?

Традиционно тексты принято классифицировать с точки зрения их жанров. Определяя художественный текст как поэму, басню или повесть, филологи тем самым как бы предзадают способ его прочтения, интенцию поиска сути текста.

¹Работа выполнена при поддержке РГНФ. Проект № 16-03-00120 «Влияние форматирования на смысл: изменения в текстовой культуре и трансформация коммуникации»

Является ли философский текст одним из жанров? Должно ли это исследование философского текста быть философским или текстологическим? В ответе на эти вопросы позволю себе не согласиться с А. П. Алексеевым, высказавшим мысль о том, что философии сегодня пора стать объектом рефлексии других наук: «Для осмысления феномена философской аргументации, как и философского текста, в пространстве которого она осуществляется, явно требуются <...> ресурсы других наук. Речь идет, прежде всего, о филологии и риторике как языковедческой дисциплине, а также о психологии» [2, с. 101]. Мы полагаем, что исследование философских текстов и создание их типологии должно быть делом сугубо философским, если только речь будет идти, прежде всего, о смысле этих текстов. Исследования филологов / литературоведов чаще всего направлены на синтаксис, риторика и психология ориентированы на прагматику восприятия текста, и при этом ни одно нефилософское исследование текста не видит в качестве своей цели смысл в его целостности. А именно вот это схватывание смысла «в целом» и является чисто философским способом рефлексии.

Сегодня многообразие жанров философских текстов не является предметом пристального внимания научного сообщества, а в немногочисленной литературе нет единодушия касательно конечного их набора. Например, авторы учебного пособия под ред. В. И. Плотникова «Многообразие жанров философского дискурса» (2001 г.) выделяют восемь жанров: афоризм, исповедь, диалог, апология, трактат, эссе, философская поэзия. Кроме них выделяются так называемые «уникальные жанры», к которым авторы относят философские тексты, не поддающиеся жанровой классификации: авторские притчи, сказки и легенды [10]. Этому же разделению придерживается М. С. Губайдуллина в своей диссертации «Язык философии в контексте многообразия ее жанров: онтологический аспект», однако предлагает иерархизировать его, рассматривая как высшую ступень этой иерархии диалог, а все остальные жанры – как «модифицированные формы диалога» [6, с. 10]. О. В. Хлебникова выделяет девять основных философских жанров: философская поэма, «сократический» диалог, монологический трактат (монография), статья, эссе, очерки, письма, собрание афоризмов, интервью, а также приводит два жанра, связанных с процессом обучения философии – учебник и лекции [16].

Логическая корректность обоих списков вызывает сомнения. Так, в списке Плотникова можно констатировать подмену основания деления: апология явно выделяется на основании содержания текста, а диалог или трактат – на основании его формы; оба списка не дают уверенности в полноте деления. Однако здесь я не ставлю перед собой задачу определить, какой из них более удачен, или создать альтернативный перечень. В данном случае интересно другое: дает ли знание жанровых особенностей философского текста ключ к пониманию его смысла? А если нет, то что такой ключ может дать?

Мой ответ на первый вопрос – отрицательный. Понимание «законов жанра» – увы! – не приводит к пониманию текста, в этом жанре написанного, жанр лишь оформляет текст, не касаясь его смысла.

Для обоснования этой мысли рассмотрим диалог, занимающий прочные позиции в жанровых классификациях. Диалог как жанр на деле чаще всего является

полилогом, участники которого ведут спор по тому или иному вопросу; фактически автор диалога предлагает нам сравнительный анализ нескольких позиций (одной из которых он может явно или неявно придерживаться), выраженный в сюжетной, художественной форме. Иногда, как стилистическое вкрапление, можно обнаружить и имманентное присутствие диалога в монологе, если мы сталкиваемся с рассуждениями типа «Мне могли бы возразить, что...». При этом будем иметь в виду, что сами диалоги также можно классифицировать по форме (Ю. А. Шичалин, к примеру, только в диалогах Платона выделяет три формы – речи, рамочные диалоги и диалоги в прямой драматической форме [17]).

В понимании специфики диалогов у исследователей нет единства. Например, Г. Д. Левин пишет: «Литературный диалог создан *одним* человеком. Следовательно, это монолог по определению» [9, с. 229]; а вот Л. Т. Рыскельдиева, наоборот, считает, что философский текст – это всегда диалог, даже если с самим собой (или «воображаемым Луциллием»). Я склонна придерживаться второй позиции.

Поскольку диалог представляет обычно запись спора с обоснованием противоречащих друг другу позиций, будет уместно анализировать его в терминах теории аргументации. При этом аргументацию мы будем понимать здесь как специфический гиперязык, синтаксически состоящий из алфавита (включающего тезис, аргументы и квазиаргументативные средства), семантически выражающий определенный смысл и прагматически анализируемый в терминах «приемлемость», «убедительность» и т. п. Такой подход мы будем условно называть прагма-аналитическим, полагая, что именно сочетание анализа структуры аргументативного гиперязыка с его прагматической оценкой, выраженной в текстах рецензий, исследований и опровержений, которыми «обрастает» исходный текст, может быть удобной базой для исторического исследования аргументативных практик, к которым относятся и философские диалоги.

Для всех диалогов характерны:

- 1) сюжетная динамика (завязка, кульминация, развязка);
- 2) прямая речь «от первого лица».

Автор всегда знакомит нас со своими персонажами, в роли которых могут выступать как реальные личности (например, Горгий, Протагор и др. у Платона), так и «собираемые типы», выражающие позицию той или иной социальной группы (напр., христиан, иудей и философ у П. Абеляра [1]). Поэтому важной задачей читателя может быть умение определить, где действительно позиция указанной личности/группы, а где – авторские домыслы.

Проанализировав ряд диалогов, опубликованных в разные периоды истории и в разных обстоятельствах («Горгий» и «Пир» Платона, «Диалог между философом, иудеем и христианином» П. Абеляра, «Три разговора» Вл. Соловьева, «На пиру богов» С. Булгакова и отрывки из «Молчаливого Дао» Р. Смаллиана [1; 4; 11; 12; 14; 15]), мы можем сделать следующие выводы:

1. В диалогах крайне распространено использование квазиаргументативных средств. При этом персонаж, артикулирующий авторскую точку зрения, использует их даже активнее своих оппонентов с той разницей, что никогда не бывает уличен в некорректности (тогда как других уличает в ней). Например, в «Горгии» Сократ

опирается на рассуждение по аналогии (не дедуктивное, т. е. не гарантирующее истинности вывода!) и использует подмену понятий; Абельяр и Соловьев постоянно используют аргумент к авторитету, Булгаков неоднократно прибегает к пустым формулам и лозунговым словам, а Смаллиан обращается к «чтению в сердцах».

2. Оппоненты автора используют зачастую нелепые даже с точки зрения занимаемой ими самими позиции аргументы. Мог ли настоящий (не платоновский!) Горгий, основывающий «Похвалу Елене» на условно-разделительном силлогизме, а «Трактат» – на приведении к абсурду и эффективно использующий в этих произведениях квазиаргументативные средства (см. [5; 8]), «пропустить» явно недоказательную аргументацию Сократа? Не менее странно выглядит аргументация иудея в диалоге Абельяра: кроме того, что она основана на ложных аналогиях и аргументах к жалости, в ней встречаются и пассажи, по-видимому, связанные с представлениями Абельяра об иудаизме, основанными на расхожих стереотипах. Так, иудей жалуется на необходимость соблюдения многочисленных запретов, налагаемых иудаизмом, в частности кашрута, говоря – «нам запрещена почти вся вкусная пища» [1, с. 321]. Но для людей, знакомых с кошерной кухней не понаслышке, такой пассаж выглядит как минимум спорным. Смаллиан в «Молчаливом Дао» вообще явным образом насмехается над своими персонажами-оппонентами.

3. Существует другой тип диалогов, где автор не придерживается явно какой-либо позиции, хотя и может симпатизировать одной из точек зрения. Яркий пример такого типа диалога – «Пир» Платона, к нему же можно отнести и «Три разговора» Вл. Соловьева, который пишет в предисловии: «Этой формой случайного светского разговора уже достаточно ясно указывается, что здесь не нужно искать ни научно-философского исследования, ни религиозной проповеди. Моя задача здесь скорее апологетическая и полемическая: я хотел, насколько мог, ярко выставить связанные с вопросом о зле жизненные стороны христианской истины, на которые с разных сторон напускается туман, особенно в последнее время» [15, с. 232]. В таких диалогах квазиаргументативные средства также используются, однако исчезает их гротескная форма, все персонажи диалогов оказываются в своей аргументации приблизительно одинаково аккуратными.

Общая картина использования в рассмотренных диалогах квазиаргументативных средств может быть представлена в виде таблицы:

Таблица 1.

	Платон	Абельяр	Соловьев	Булгаков	Смаллиан
Подмена понятий/тезиса	+		+		+
Аргумент к авторитету		+++	+++		+
Ложная аналогия	+	+	+		

Аргумент к массам			+	++	
Пустые формулы/ лозунговые слова				+++	
Аргумент к личности	+		++		++
Адвокатский аргумент			+		
Аргумент к образованности	+	++	+		
Аргумент к жалости		+	+		+
Ирония			+	+	
Ставка на ложный стыд		+			+
Чтение в сердцах					+++

Количество знаков «+» отображает частоту использования аргументативной уловки; при этом в таблице отображены только те уловки, которые используются в тексте более одного раза. Случаи повторения одного арсенала уловок (при его общем многообразии в теории аргументации) наталкивают на мысль, что выбор их не случаен, а может определяться объективными факторами, такими как культурно-исторический контекст или смысловое наполнение текста. Для рассмотренных диалогов мы можем выделить следующие особенности:

Таблица 2.

	Платон «Горгий»	Абеляр	Соловьев	Булгаков	Смаллиан
Структурная специфика аргументации	«спиралевидная» структура диалога	Последовательный анализ точек зрения	Последовательное обоснование позиций (каждая последующая сильнее предыдущей)	Диалог как набор параллельных монологов	«спиралевидная» структура диалога

Приемы, определяемые культурно-историческим контекстом	Вопросы, построенные на аналогиях	Аргумент к авторитету (ссылка на Писание)	Аргумент к массам, использование аналогий	Аргумент к массам	Свободная разговорная стилистика (вплоть до сленга)
Приемы, определяемые внутренним контекстом диалога	Регламентирование спора «авторским» персонажем	Регламентирование спора арбитром	Регламентирование спора арбитром	Лозунговые слова, пустые формулы	Регламентирование спора «авторским» персонажем
Приемы, определяемые смыслом	Чрезмерное уточнение понятий, требование «отвечать кратко»	Подробный анализ отдельных положений веры (выбор и оценка определены необходимой победой позиции христианина)	Адвокатский аргумент, аргумент к жалости, использование аналогий, аргументы к будущему	Наличие множества ссылок на Соловьева (как скрытых, так и явных), аргументы к массам	Ирония, гиперболизация и доведения до абсурда оспариваемых автором точек зрения

Из этой таблицы видно следующее:

1. Аргументативные стратегии в разных диалогах не совпадают, за исключением Платона и Смаллиана (который по форме представляет собой явное подражание Платону; Смаллиан прямо указывает на это: «... подойдем к результату постепенно, через сократический диалог» [14, с. 98]);

2. При анализе приемов, обусловленных внутренним контекстом диалога, явным образом «выпадает» из общей картины текст С. Булгакова.

3. Приемы, определяемые смысловым наполнением диалогов, никак не коррелируют с жанровыми особенностями текста. То есть понимание жанра не дает еще рецепта для понимания **смысла** текста, хотя и является его важной составляющей!

Какие еще критерии нам необходимы, чтобы поиск смысла оказался успешным? Что важного мы не можем увидеть ни из жанра, ни из аргументативной структуры, ни из логических и лингвистических характеристик текста – т. е. всего того, что можно условно обобщить в понятии «форма текста»? Что влияет на внутренние смысловые структуры, скрывающиеся внешним планом выражения?

Искомых критериев – два: обстоятельства порождения текста и коммуникативная ситуация, создаваемая самим текстом. Посмотрим, что они собой представляют и каким образом проясняют результаты проведенного аргументативного исследования.

Обстоятельства порождения текста связаны с культурно-историческим контекстом, в котором текст был написан, и целью/мотивами его написания. Если культурно-исторический контекст легко определим, то выявление мотивов не всегда очевидно. В диалогах, формально выглядящих как запись спора, возможны два базовых варианта: 1) автор отображает различные точки зрения, стремясь максимально полно отобразить весь спектр возможных мнений; 2) автор обосновывает одну конкретную позицию, выбирая диалог как более убедительный способ представить свою точку зрения. Понимание такой целевой установки является необходимым условием понимания смысла текста в целом.

Из этих двух возможных вариантов бывают и исключения. Например, в диалоге С. Булгакова обстоятельства порождения текста задаются желанием не столько обосновать свою позицию, сколько опровергнуть чужую. Текст Булгакова – это ответ Соловьеву, при этом ответ резкий, ироничный. В арсенале иронии – создание гротескных образов, аргументы к личности, замещающие собой аргументацию как таковую, т. е. те квазиаргументативные средства, которые не годятся ни для представления многообразия позиций, ни для полноценной защиты одной из них. К такому типу диалогов можно отнести и тексты Лукиана (например, Лукиановский «Пир» – явная пародия на целый корпус текстов); но ирония может находить свое отражение и в других жанрах. Т. е. для понимания смысла текста здесь необходимо уловить иронию и понять, кто является объектом этой иронии. Жанр же играет вторичную роль при чтении ироничных текстов; а аргументативные и квазиаргументативные структуры могут пониматься как специфические маркеры, указывающие внутри текста на обстоятельства его порождения.

Коммуникативная ситуация – способ связи между автором и читателем посредством текста. Эту связь очень точно высказал Э. Бетти: «понимание <...> представляет собой трехчленный процесс, крайние точки которого суть, с одной стороны, интерпретатор как живой, мыслящий дух, а с другой стороны – дух, объективированный в смылосодержащих формах. Эти крайние точки не входят в соприкосновение непосредственно: они контактируют только посредством смылосодержащих форм» [3, с. 23], где «смылосодержащие формы» – это и есть текст в нашем понимании. Автор через текст обращается к читателю; читатель слышит и понимает автора только через текст – то есть текст определяет коммуникативное пространство, в котором отводятся соответствующие места автору и читателю. Что это за место?

Здесь также, как и с обстоятельствами порождения текста, возможны несколько базовых ситуаций. Автор текста может оставаться за скобками (так, сам Платон не фигурирует как персонаж диалога) или присутствовать непосредственно в тексте (напр., Абельяр выступает в роли арбитра, Соловьев – в роли молчаливого наблюдателя и рассказчика). Читателю также может быть отведена разная роль. Я полагаю, что в тех диалогах, где автор представляет многообразие позиций,

читателю отводится роль соучастника, который наравне с персонажами текста может высказать новую и/или оценить любую из предложенных позиций (подробнее о текстах такого типа см. [7]). Если же авторской целью является убеждение в правильности одной и только одной позиции, то читателю достается роль пассивного реципиента, задача которого – понимать, (не)соглашаться и мысленно отвечать на риторические вопросы. Иронические же тексты предлагают читателю место «в партере», где он может наблюдать за пьесой и аплодировать в особо понравившихся местах, даже если абсурдность происходящего становится очевидной.

Три ракурса исследования текста – его форма (включающая жанр, аргументативную структуру, стилистику), обстоятельства порождения и коммуникативная ситуация – в своем сочетании образуют понятие «формат текста». Именно формат – тот самый ключ, который открывает дверь к пониманию смысла текста. Если с учетом этих обстоятельств рассматривать проанализированные здесь диалоги, то окажется, что они относятся к разным форматам, и тогда станут ясны как сходства, так и существенные различия между ними.

Набор форматов определяется актуальной текстовой культурой как способом создания, хранения и трансляции текстов. Выбор автором того или иного формата зависит, с одной стороны, от смысла, который он хочет передать, а с другой – от целевой аудитории и того прагматического эффекта, которого он хочет достигнуть. Как пишут Л. Т. Рыскельдиева и Ю. М. Коротченко, «учет специфики текста, с которым работает исследователь, того, как, когда и при каких обстоятельствах он был опубликован, коммуникативной ситуации в его рамках, его цели и адресата поможет <...> глубже заглянуть в механизм образования социальных смыслов» [13]. Добавлю: и не только социальных, если иметь в виду все многообразие философских текстов. Именно анализ текста с точки зрения его формата и должен стать отправной точкой для ориентации в необозримом текстовом массиве.

Список литературы

1. Абелья П. Диалог между философом, иудеем и христианином / Абелья П. Теологические трактаты. – М.: Прогресс, 1995. – С. 311–412.
2. Алексеев А. П. Философский текст: идеи, аргументация, образы / А. П. Алексеев. – М.: Прогресс-Традиция, 2006. – 328 с.
3. Бетти Э. Герменевтика как общая методология наук о духе / Э. Бетти. – М.: «Канон+», 2011. – 144 с.
4. Булгаков С. А. На пиру богов. Pro и contra. Современные диалоги // Из глубины. Сб. статей о русской революции / С. А. Аскольдов, Н. А. Бердяев, С. А. Булгаков и др. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. – С. 90–144.
5. Горгий. Похвала Елене / Ораторы Греции. Сост. М. Л. Гаспаров. – М.: Художественная литература, 1985. – С. 27–31.
6. Губайдуллина М. С. Язык философии в контексте многообразия ее жанров: онтологический аспект: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филос. наук / М. С. Губайдуллина. – Магнитогорск, 2005. – 22 с.
7. Зарапин О. В., Шапиро О. А. Философский текст и коммуникация в симпозиальном формате // Философская мысль. – 2016. – № 11. – С.11–21. DOI: 10.7256/2409-8728.2016.11.20953. – URL: http://e-notabene.ru/fr/article_20953.html

8. Кассен Б. Эффект софистики / Б. Кассен. – М.-СПб.: Московский философский фонд, Университетская книга, Культурная инициатива, 2000. – 252 с.
9. Левин Г. Д. Диалог как форма коммуникации / Левин Г. Д. // Философия науки и техники. – 2012. – № 1. – Том 17. – С. 228–239.
10. Многообразие жанров философского дискурса: учеб. пособие / под ред. Плотникова В. И. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. – 276 с.
11. Платон. Горгий / Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т.1 / общ. ред. А. Ф. Лосева. – М.: Мысль, 1990. – С. 477–574.
12. Платон. Пир // Платон. Избранные диалоги / Сост., вступительная статья и комментарии В. Асмуса. – М.: Художественная литература, 1965. – С. 118–184.
13. Рыскельдиева Л. Т., Коротченко Ю. М. Текстовая компонента в современных социально-философских исследованиях // Философская мысль. – 2016. – № 11. – С. 1–10. – URL: http://e-notabene.ru/fr/article_20884.html.
14. Смаллиан Р. Молчаливое Дао / Р. Смаллиан. – М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2012. – 224 с.
15. Соловьев В. С. Три разговора о войне, прогрессе и всемирной истории // Соловьев В. С. Избранное. – М.: Сов. Россия, 1990. – С. 231–423.
16. Хлебникова О. В. Классификация жанров философской литературы / Хлебникова О. В. // Вестник КемГУ – 2013. – № 4 (56). – Т.1. – С. 201–207.
17. Шичалин Ю. А. Платон: от Сократа к досократикам? / Ю. А. Шичалин // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. – 2015. – №2 (58). – С. 27–42.

Shapiro O. A. Dialogue: Genre vs Format of Textual Culture // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2016. – Vol. 2 (68). – № 4. – P. 21–30.

The article is dedicated to the problem of understanding the philosophical text. What could be accepted as a guiding line for reading the texts of different types? What could be taken as a reference point for understanding text? Traditionally we connect researching text with necessity of making some typology, and the most widespread typology of texts is the genre one. That is a trivial philology point of view.

Today we have very few researches of the form of philosophical texts, and all of them send for questions. But what is a root of problem? Should we improve genre typology in philosophy or create a new one, which would be grounded on some others reasons?

The author argues the position, that the genre division is not satisfactory answer if we try to find the key for the sense of philosophical text understanding. The thesis is grounded in the research of set of philosophical dialogues (as a one of the most popular philosophical genre we could find in all of typologies), which belong to different historical periods of the philosophical thought development. The research demonstrates that the genre sameness understanding isn't enough for the sense of texts interpretation. Argumentative analysis of the dialogues, grounded on the pragma-analytics approach, clearly shows the text heterogeneity and the necessity of completion the genre identification with others criteria of investigation. There are offered two criteria: the text generation circumstances and the communicative situation which is specified by the text.

We can unify the criteria with a text form, which includes genre, logical, argumentative and stylistic specifics, in the concept "text format". Exactly text format in all its manifestations integrity could open the text sense. The author shows that analyzed dialogues belong to different formats; and that is the case of their argumentative distinctions, which are unintelligible if we try to interpret the dialogues in a genre terminology only.

Keywords: argumentation, dialogue, genre, text, text culture, text format.

References

1. Abelyar P. Dialog mezhdu filosofom, iudeem i khristianinom. [Dialogue Between a Philosopher, a Jew and a Christian]. Abelyar P. Teo-logicheskie traktaty [Theological Treatises]. Moscow, Progress publ., 1995, P. 311–412.
2. Alekssev A. P. Filosofskiy tekst: idei, argumentatsiya, obrazy. [The Philosophical Text: Ideas, Reasoning, Images]. Moscow, Progress-Traditsiya publ., 2006, 328 p.
3. Betti E. Germenevtika kak obshchaya metodologiya nauk o dukhe. [Hermeneutics as the General Methodology of the Human Sciences.]. Moscow, «Kanon+» publ., 2011, 144 p.
4. Bulgakov S. A. Na piru bogov. Pro y contra. Sovremennyye dialogi [On the Feast of the Gods. Pro and Contra. Contemporary Dialogues]. Iz glubiny. Sb. statey o russkoy revolyutsii [Out of the Depths. Coll. Articles about the Russian Revolution]. S. A. Askol'dov, N. A. Berdyayev, S. A. Bulgakov etc. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta [Moscow University Press], 1990, P. 90–144.
5. Gorgiy. Pokhvala Elene [Praise Elena]. Oratory Gretsii. [Orators of the Greece] Sost. M. L. Gasparov. Moscow, Khudozhestvennaya literatura [Edited by M. L. Gasparov], 1985. P. 27–31.
6. Gubaydullina M. S. Yazyk filosofii v kontekste mnogoobraziya ee zhanrov: ontologicheskiy aspekt. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata filosofskikh nauk. [Language of Philosophy in the Context of the Diversity of its Genres: Ontological Aspect. Dissertation for the Degree of Candidate of Philosophical Sciences]. Magnitogorsk, 2005, 22 p.
7. Zarpin O. V., Shapiro O. A. Filosofskiy tekst i kommunikatsiya v simposiynom formate [Philosophical Text and Communication in Simposiynom Format]. Filosofskaya mysl' [Philosophical Thought], 2016, no. 11, P. 11–21. URL: http://e-notabene.ru/fr/article_20953.html.
8. Kassen B. Effekt sofistiki. [Effect of Sophistry.]. Moscow-SPb., Moskovskiy filosofskiy fond, Universitetskaya kniga, Kul'turnaya initsiativa [Moscow Philosophical Foundation, University Book, Cultural Initiative], 2000, 252 p.
9. Levin G. D. Dialog kak forma kommunikatsii [Dialogue as a Form of Communication]. Filosofiya nauki. [Philosophy of Science], 2012, Vol. 17, no. 1, P. 228–239.
10. Mnogoobraziye zhanrov filosofskogo diskursa : ucheb. posobie [The Variety of Genres of Philosophical Discourse: Proc. Manual] pod red. Plotnikova V. I., Ekaterinburg, Bank kul'turnoy informatsii [Ed. by V. I Plotnikov, Ekaterinburg: Bank of Cultural Information], 2001, 276 p.
11. Plato. Gorgiy. Plato. Sobranie sochineniy v 4 t. T. 1 [Collected Works in 4 volumes. Volume 1] obshch. red. A. F. Loseva. Moscow, Mysl' [Thought], 1990, P. 477–574.
12. Plato. Pir [Feast]. Platon. Izbrannyye dialogi [Selected dialogues]. Sost., vtsupitel'naya stat'ya i kommentarii V. Asmusa. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1965, P. 118–184.
13. Ryskel'dieva L. T., Korotchenko Yu. M. Tekstovaya komponenta v sovremennykh sotsial'no-filosofskikh issledovaniyakh [Text Component in Modern Social and Philosophical Studies]. Filosofskaya mysl' [Philosophical thought], 2016, no. 11, P. 1–10. URL: http://e-notabene.ru/fr/article_20884.html.
14. Smullian R. Molchalivoe Dao. [The Silent Dao]. Moscow, «Kanon+», ROOI «Reabilitatsiya», 2012, 224 p.
15. Solov'ev V. S. Tri razgovora o voyne, progresse i vseмирной istorii [Three Conversations on War, Progress and World History]. Solov'ev V. S. Izbrannoe. Moscow, Sov. Rossiya [Sov. Russia], 1990, P. 231–423.
16. Khlebnikova O. V. Klassifikatsiya zhanrov filosofskoy literatury [Classification of Philosophical Literature Genres]. Bulletin of Kemerovo State University, 2013, Vol. 4 (56), no. 1, P. 201–207.
17. Shichalin Yu. A. Platon: ot Sokrata k dosokratikam? [Plato: from Socrates to the Pre-Socratic?]. Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta [St. Tikhon's University Review], 2015, Vol. 2 (58), P. 27–42.

УДК 091:165.62

**ТРАНСЦЕНДЕНТАЛИЗМ КАК ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ:
К ПРОЯСНЕНИЮ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ УСТАНОВКИ
ЭДМУНДА ГУССЕРЛЯ.**

Шиян А. А.

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

E-mail: annasamoikina@yandex.ru

В данной статье феноменология Гуссерля представлена как трансцендентальная философия, в центре внимания которой стоит проблема обоснования познания. С этой целью рассмотрена специфика гуссерлевского подхода к обоснованию и к критике познания. Анализируются два направления обоснования познания в текстах Гуссерля: решение общих и фундаментальных проблем познания и разработка методологии подтверждения и прояснения обыденного и научного знания. Особое внимание уделяется обоснованию обыденного знания об окружающих вещах, которое, по Гуссерлю, нам дано, прежде всего, в актах восприятия. В связи с этим рассматриваются различные интерпретации гуссерлевского трансцендентального сознания. В заключении формулируется вывод об условиях возможности познания с точки зрения феноменологии Гуссерля. Первым условием является функционирование культурно-исторической трансцендентальной субъективности, в процессе которого формируются основные типовые различия повседневного опыта и основные регионы научного знания. Вторым условием познания является повседневный опыт сознания, который обеспечивает восприятие окружающей предметности и из которого произрастают все базовые научные идеализации, он и обуславливает формы наших суждений.

Ключевые слова. Трансцендентализм, познания, феноменология, жизненный мир, опыт.

Трансцендентальной философией Гуссерль называет традицию, начавшуюся с Декарта и пришедшую к завершению в трансцендентальной феноменологии. Гуссерль подчеркивал, что Декарт первый ввел «мотив вопрошания о последнем источнике всех познавательных образований» [9, с. 264] и с тех пор проблематика оправдания познания является важнейшей в философии. Феноменология как философское направление началась именно с обоснования логики и математики, и с тех пор трансцендентальная проблематика обоснования знания была одной из основных в творчестве Гуссерля. Можно с полным правом утверждать, что Гуссерль встраивает свою философию в традицию теоретико-познавательного трансцендентализма, поскольку она имеет притязания решить проблему возможности объективного знания.

Однако трансцендентальной феноменологией Гуссерль стал называть свое учение только после выхода Первой книги «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии» в 1913 году. В этой и в следующих работах

Гуссерль использует такие выражения как «трансцендентально-чистое сознание», «трансцендентальное Я», «трансцендентальная редукция» и др., которые вовсе не являются признаками теоретико-познавательной проблематики, а скорее, приписывают понятию «трансцендентальный» онтологический смысл в духе «ранних» Шеллинга и Фихте, в соответствии с ним трансцендентальное Я (трансцендентальное сознание) является единственным источником бытия мира. В данной статье мы отвлечемся от смыслов понятия «трансцендентальный» у Гуссерля, не относящихся к обоснованию знания, а рассмотрим феноменологию Гуссерля как продолжение декартовско-кантовской теоретико-познавательной традиции. Нашей **задачей** является сформулировать возможный гуссерлевский ответ на кантовский вопрос об условиях возможности познания. Реконструкция этого ответа составит **новизну** настоящего исследования. Мы покажем, что Гуссерль видит два типа условий познания – условия первого типа лежат в плоскости функционирования культурно-исторической трансцендентальной субъективности, а второго – в границах повседневного опыта сознания.

Прежде чем рассмотреть гносеологическую позицию Гуссерля, необходимо зафиксировать его онтологическую установку. Для Гуссерля, как и для Канта, существует мир, независимый от сознания и нашей субъективности. Но если для Канта этот мир «вещей-самих-по-себе» является для нас непознаваемым, а мы можем обладать знаниями лишь о явлениях, то Гуссерль утверждает принципиальную возможность познаваемости внешних вещей, которая реализуется лишь путем знания о данности вещей нашего опыта. Впрочем, это не значит, что данная возможность может быть реализована окончательно и однозначно. Другими словами, по Гуссерлю, явления – это путь к «вещам-самим-по-себе».

Можно выделить два направления обоснования научного познания Э. Гуссерлем.

Решение общих и фундаментальных проблем познания. К ним относятся: фиксация противоречий познания в различных философских направлениях, обоснование принципиальной возможности и выявление предпосылок познания, прояснение природы логических суждений, в которых выражается знание.

Разработка методологии подтверждения и прояснения любого знания: научного и обыденного.

Далее остановимся подробнее на каждом из этих направлений.

Главная проблема познания, по Гуссерлю, заключается в поиске ответа на вопрос: как возможно познание того, что является трансцендентным по отношению к нашим познающим актам? Или, в другой формулировке: как субъективное сознание может познать нечто объективное? «Если я не схватываю, **как** возможно, что познание должно постичь нечто ему трансцендентное, то я также не знаю, **возможно** ли это», – пишет Гуссерль в «Идеи феноменологии» [2, с. 108]. Для решения этой проблемы Гуссерль вводит понятие очевидности как ясного и отчетливого познания, обоснование принципиальной возможности достижения которой и является обоснованием познания. При этом факт достижения очевидности означает, что мы достигли имманентного знания, то есть, истинного и объективного. Обобщая гуссерлевские исследования очевидности, можно коротко

так сформулировать их итог: очевидность возможно достичь в ходе исследования переживаний сознания и их коррелятов, а также в случае усмотрения сущностей и сущностных закономерностей.

Задача выявления предпосылок научного познания (науки), для Гуссерля, – это прежде всего задача фиксации и оправдания сущностных закономерностей основных регионов действительности, в рамках которых функционируют все научные дисциплины. Во второй книге «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии» [10] Гуссерль выделяет три региона, сущностные закономерности которых определяют все известные научные законы: регион материальных вещей, живых организмов и социальных личностей. Сами сущностные законы регионов определяются основной категорией региона (материальная вещь, живой организм, личность), интуитивно схватываемая сущность которой является путеводной нитью для формулирования всех закономерностей данного региона.

Что касается обоснования логических суждений, в которых заключены все научные положения, то, обобщая гуссерлевские исследования по обоснованию логики, можно сделать следующий вывод: наши высказывания имеют ту или иную форму, поскольку наше сознание функционирует строго определенным образом [4, с. 172–181]. А поскольку репрезентантом опыта сознания у Гуссерля является восприятие, то основные закономерности сознания он усматривает именно в опыте протекания восприятия. Например, форму суждения «S есть P» Гуссерль обосновывает тем, что сначала мы воспринимаем предмет в целом (субъект S), а потом концентрируемся на каком-то его отдельном признаке (предикат P).

Метод прояснения научного знания основан на убеждении Гуссерля в том, что все научные понятия и законы являются некими идеализациями (конструкциями), для оправдания которых необходимо свести их к положениям, которые, в свою очередь, можно проверить в повседневном опыте. Так, во второй книге «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии» он исследует базовые сущностные закономерности региона «материальная вещь». Гуссерль анализирует разные случаи, в которых можно подтвердить или опровергнуть положение о связи материальности и пространственности вещи: например, разбить материальный предмет, согнуть железку и т. д. В работе «Кризис европейских наук и трансцендентальной феноменологии» Гуссерль пытается выявить исходный повседневный опыт, который лежит за базовыми идеализациями галилеевской физики. Гуссерль использует рефлексивный метод анализа конкретного опыта с целью сопоставления его с уже существующим знанием. Именно здесь, мы считаем, демонстрируется одно из возможных раскрытий тезиса Гуссерля об обосновании всех наук в жизненном мире, то есть в нашем обыденном опыте. И эта мысль – отнюдь не достижение позднего Гуссерля. С необходимостью обоснования знания в обыденном опыте мы можем встретиться, например, уже в лекциях 1906/07 гг. «Введение в логику и в теорию познания» [6, с. 256]. В более поздний период «жизненный мир» (уже вполне осознанно) начинает играть роль почвы, из которой произошли все научные идеализации.

Итак, сформулируем возможный гуссерлевский ответ на кантовский вопрос об условиях возможности научного познания. Научное познание со стороны содержания обусловлено основными категориями и сущностными закономерностями регионов действительности, в рамках которых формулируются все научные законы, и принципами функционирования сознания – со стороны формы языкового выражения суждений. К условиям возможности научного знания следует еще добавить конструктивную способность сознания, благодаря которой из повседневного опыта образовались идеальные объекты и законы науки. Причем, как часто подчеркивает Гуссерль в своих текстах раннего и среднего периода, сущностные закономерности различных регионов существуют реально, для всех времен и сознаний, хотя однозначное и абсолютное их схватывание невозможно, даже в интуитивном виде. Мы можем только к нему асимптотически приближаться. Так мы видим, что в отличие от Канта, Гуссерль ведет речь не только о субъективных, но и об объективных условиях достижения научного знания, которые существуют независимо от познающего субъекта.

Жизненный мир выступает в феноменологии Гуссерля не только почвой для обоснования наук, но и представляет самостоятельный интерес. В сферу интересов трансцендентальной феноменологии входит не только научное и обыденное знание, но и мир. «Трансцендентальная проблема есть проблема универсальная, относящая ко всему миру и ко всем наукам о мире, однако раскрывается она в совершенно новом измерении по сравнению с проблемой естественного универсума, теоретическое решение которой достигается в ветвящихся позитивных науках» [1, с. 324], – пишет Гуссерль в «Амстердамских докладах».

Чтобы в контексте теории познания понять тезис о том, что трансцендентальная проблема относится к миру, обратимся к онтологической предпосылке Гуссерля о существовании мира независимо от сознания. Эта предпосылка дополняется убеждением Гуссерля (которое также имеет статус предпосылки), что мир, как он есть, может быть дан в нашем повседневном опыте. Таким опытом для Гуссерля является восприятие. Именно восприятие обеспечивает нам доступ к вещам, как они есть на «самом деле». Конечно, это не означает, что в конкретном восприятии нам дана вещь исчерпывающим образом, и, кроме того, то, что есть возможность «схватить» действительную вещь, еще не означает, что она непременно осуществится. Мы можем обмануться, плохо разглядеть предмет, просто что-то дофантазировать и т. д. Именно для удостоверения в том, что воспринимаемые вещи являются реально существующими вещами с реальными свойствами, отношениями и особенностями, Гуссерль разрабатывает методологию достижения и подтверждения истины. Речь идет о методе приведения к очевидности на основе рефлексивного анализа. Тогда решением трансцендентальной проблемы мира будет обоснование и подтверждение того, что воспринимаемые нами предметы являются реально существующими вещами.

Итак, трансцендентальная феноменология вербально исследует то, что дано нам в повседневной жизни, в опыте восприятия окружающих вещей, то есть, невербально. И, как это ни удивительно, акт восприятия (невербальный акт!) Гуссерль часто называет познающим актом, познанием, и тогда получается, что

воспринимаемый предмет можно смело назвать знанием. То есть, окружающий нас мир является, по Гуссерлю, знанием, которое, правда, необходимо удостоверить в его истинности. Видимо, понимая, что идет вразрез с классической традицией, согласно которой знание всегда является вербальным и выражается в суждениях, Гуссерль в «Опыте и суждении» относит восприятие также к классу суждений, определяя общий признак суждений как наличие минимальной активности [8, с. 62–63].

Вышеизложенное дает нам право включить гуссерлевскую проблематику мира в трансцендентальную традицию оправдания познания. Тогда трансцендентальный вопрос о возможности познания можно переформулировать следующим образом: как возможна истинная («действительная») данность мира и предметов мира? То есть, каковы условия возможности того, что в нашем обыденном опыте сознания, прежде всего, опыте восприятия мы имеем дело с «действительными» миром и его предметами?

Делая вывод из многочисленных гуссерлевских дескрипций процесса восприятия вещи, можно дать следующий ответ. Условием данности вещей являются существование сущности предмета, которая является путеводной нитью при его восприятии, и интенциональность как свойство сознания, которое позволяет нам схватить действительный предмет, исходя из этой сущности и с определенной точки зрения. Причем, эта сущность явно не дана, но неявно подразумевается и, соответственно, явлением предмета «весь» предмет не исчерпывается. Здесь речь идет о тройственном различии акта сознания, предмета и его данности (значения), которое Гуссерль выявил в нашем опыте и впервые сформулировал в 1-ом Логическом исследовании, рассматривая знаковые выражения. Применяя это различие к нашему опыту повседневного восприятия, можно привести следующий пример. Воспринимая стол, мы, с одной стороны, понимаем, что конкретной данностью стола не исчерпываются все свойства стола, ведь может прийти другой человек и увидеть этот стол совсем иначе, исходя из своих задач и установок, и это тоже будет действительный стол. Но мы прекрасно понимаем, что никто не может увидеть «лающий стол», поскольку это противоречит сущности стола. «То, что восприятие, как и вообще всякий опыт, является восприятием именно вот этого так-то ориентированного, так-то окрашенного, так-то оформленного и т. д. предмета, – это относится за счет его сущности, причем все равно, как обстоит дело с «существованием» предмета» [3, с. 216], – пишет Гуссерль в «Философии как строгой науки».

Многочисленные страницы Гуссерлианы посвящены исследованию функционирования сознания, описанию процесса данности предметностей сознанию, выявлению закономерностей протекания восприятия. Процесс данности предметов сознанию Гуссерль обозначает термином «конституирование». Описание конституирования осуществляется в особой феноменологической установке, в установке, в которой, как пишет Гуссерль в Первой книге «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии», открывается область трансцендентально-чистого сознания. Существует точка зрения, что гуссерлевская феноменология может быть названа трансцендентальной именно потому, что

«имеет дело с прояснением мировой трансценденции посредством конкретизации конституирующих достижений интенциональности» [5, с. 285].

Однако развитие этого положения часто приводит к «неокантианскому» толкованию феноменологии Гуссерля, где условия возможности познания заключены исключительно в самом познающем сознании. Основания для этого дает отчасти и сам Гуссерль. Так, в первой книге «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии» он пишет о первичности бытия сознания по отношению ко всем другим видам бытия и определяет феноменологию как науку о сущности феноменов сознания, которая начинается с совершения трансцендентально-феноменологической редукции. В этом случае «конституирование» нужно понимать как конструирование и положение о том, что предметы являются коррелятами сознания, легко переворачивается в утверждение о том, что предметы в феноменологии являются лишь предметами возможного опыта сознания. И отсюда легко сделать вывод о том, что в трансцендентальной феноменологии мир творится сознанием. Эту линию можно проследить на протяжении развития всего творчества Гуссерля, начиная от модели формирования предметов сознания по схеме «морфе – гиле» в «Логических исследованиях» до конструирования человеческой общности как сообщества монад в «Картезианских медитациях». Тогда одна из основных гуссерлевских предпосылок познания – самостоятельное существование идеальных сущностей – полностью нивелируется, так как сами сущности существуют лишь в сознании и самостоятельного онтологического статуса не имеют. И с этой точки зрения, тот факт, что мы не можем никогда в нормальной жизни увидеть «лающий стол», объясняется нашим прошлым опытом, в котором столы не лают. А этот опыт актуализируется цепью ассоциаций, играющей основную роль в познании предметов.

Здесь необходимо заметить, что сам Гуссерль, действительно, использует термин феноменология иногда очень узко, как учение о сознании и его феноменах. Но мы исходим из предельно широкого понимания феноменологии, которое Гуссерль дает в лекциях 1906/07 гг., согласно которому, под феноменологией понимается возможность чисто имманентного исследования всего трансцендентного [6, с. 219]. Тогда под феноменологией понимается вся философия Гуссерля, включая его обоснования науки, учение о сущностях и предпосылках любого знания. И эти две стороны философии Гуссерля – учение о трансцендентально чистом сознании и прояснение сущностных взаимосвязей – нелегко скоординировать. То есть получается, что мы стоим перед онтологической дилеммой: либо абсолютное бытие сознания означает, что оно конструирует весь мир, либо существуют сущности и сущностные закономерности различных регионов (в том числе и сознания), благодаря которым окружающий мир таков, каков он есть. А сознание лишь обеспечивает доступ к нему. И только исходя из разрешения этой дилеммы, можно окончательно сформулировать условия нашего познания.

Однако сам Гуссерль так вопрос не ставит, и, кажется, противоречивости своей позиции не замечает. Тем не менее, возможность снятия сформулированной выше дилеммы можно найти в творчестве Гуссерля позднего периода, прежде всего во

второй части «Первой философии» [9, с. 73]. Но для этого необходимо провести различие, которое в явной форме Гуссерль не фиксировал, но без которого трудно удержать эти два толкования трансцендентальной феноменологии одновременно. Речь идет о различии между нашим актуальным опытом сознания и трансцендентальной субъективностью, имеющей культурно-историческую природу. Да, в конкретном опыте сознания мы можем воспринять предмет как действительный, в соответствие с его сущностью. Да, возможно, наше актуальное восприятие обусловлено потоком ассоциаций, указывающим на наш прошлый опыт. Но сам процесс запуска той или иной цепочки ассоциаций определяется контекстом, в который помещен предмет и который задают индивидуальные сущности предметов в этом контексте. Так, возвращаясь к примеру с «лающим столом», можно заметить, что в контексте учебного заведения столы не лают, даже если в нашем прошлом опыте мы могли это наблюдать, например, на карнавале. Но наличие самих контекстов, основные типовые различия, сквозь которые мы видим мир, у нас уже есть в сознании, они и обуславливают любой возможный конкретный опыт. Они формируются в результате совместной деятельности людей и передаются от поколения к поколению. И эта передача не обязательно регулируется механизмами сознания, а передается также через деятельность и непосредственные образцы поведения. Можно сказать, что трансцендентальная субъективность конструирует мир, но мы застаем мир уже сконструированным, поделенным на отдельные регионы и уже с имеющимися базовыми различиями.

В **заключение** можно так сформулировать гуссерлев ответ на кантовский вопрос об условиях возможности познания. К этим условиям он относит:

- функционирование культурно-исторической трансцендентальной субъективности, в ходе которого формируются основные типовые различия повседневного опыта и основные регионы научного знания;

- наш повседневный опыт сознания, который обеспечивает восприятие окружающей предметности, из которого произрастают все базовые научные идеализации и который обуславливает формы наших суждений.

При этом важно обратить внимание на то, что эти условия, по Гуссерлю, являются субъективными и, в отличие от положений классической традиции, эта субъективность для него имеет культурно-исторический характер. Специфика же гуссерлевского варианта трансцендентализма заключается также и в том, что он ищет, прежде всего, ответы на вопрос о возможности содержательного (а не только формального, как у Канта) удостоверения нашего научного и повседневного знания и разрабатывает метод этого удостоверения.

Список литературы

1. Гуссерль Э. Амстердамские доклады / Эдмунд Гуссерль. Избранное. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. – 464 с.
2. Гуссерль Э. Идея феноменологии: Пять лекций / Гуссерль Э., пер. с нем. Н.А. Артеменко; вступ. ст. и коммент. И. И. Мавринского. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2006. – 224 с.
3. Гуссерль Э. Философия как строгая наука / Гуссерль Э. Избранные работы. – М., 2006. – 216 с.

4. Шиян А. А. Феноменологическое обоснование логики // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2015. – Том 1 (67). – №1. – С. 178–180.
5. Gander Hans-Helmut (Hrsg.) Husserl-Lexikon. – Darmstadt, 2010. – 285 s.
6. Husserl E. Einleitung in die Logik und Erkenntnistheorie. Vorlesungen 1906/07 // Husserliana XXIV. Herausgegeben von Ullrich Melle. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1985. – 214 s.
7. Husserl E. Die Krisis der europäischen Wissenschaften und die transzendente Phänomenologie. Eine Einleitung in die phänomenologische Philosophie. Husserliana VI. Herausgegeben von Walter Biemel. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1976. – 323 s.
8. Husserl E. Erfahrung und Urteil / E. Husserl; Red. u. hrsg. von L. Landgrebe. – Hamburg: Meiner, 1999. – 492 s.
9. Husserl E. Erste Philosophie (1923/4). Zweiter Teil: Theorie der phänomenologischen Reduktion. // Husserliana VIII. Herausgegeben von Rudolf Boehm. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1959. – 190 s.
10. Husserl E. Ideen zur einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Zweites Buch: Phänomenologische Untersuchungen zur Konstitution // Husserliana IV. Herausgegeben von Marly Biemel. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1952. – 483 s.
11. Husserl E. Phänomenologische Psychologie. Vorlesungen Sommersemester. 1925 // Husserliana IX. Herausgegeben von Walter Biemel. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1968. – 651 s.

Shiyan A. A. Transcendentalism as a Theory of Knowledge: Transcendental Clarification of the Installation of Edmund Husserl // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2016. – Vol. 2 (68). – № 4. – P. 31–39

It is shown that the main problem of cognition for Husserl is answering the question, how may the cognition of what is transcendent be relative to our cognize acts of consciousness. To solve this problem Husserl introduces the concept of evidence (clear and distinct discretion). Substantiation of possibility of the achievements of evidence is substantiation the principle of possibility of cognition. The task of establishing the premises of scientific knowledge (science) for Husserl is primarily the task of fixing and justification of the essential regularity of major regions of reality (material things, living beings and as social beings) within the bounds which all scientific disciplines operate. Method of clarifying scientific knowledge is based on Husserl's thesis that all scientific concepts and laws are certain idealizations (constructs), to justify which it is necessary is to take them to the locations that you can check in daily experience. To do this, Husserl uses a reflexive method of analysis of the experiences in order to matching it with existing knowledge. Special attention is paid to issues of the life-world. Its acts in Husserl's phenomenology is not the only being ground for justification of the Sciences, but it is also of independent interest. The author draws attention to the fact that our ordinary perception of Husserl provides accessing the "things-in-themselves", to really existing world. Husserl considers nonverbal perception to the cognized acts. In this case, the real world and its objects are given to us in the ordinary experience.

Keywords: transcendentalism, cognition, phenomenology, life-world, experience

References

1. Husserl E. Amsterdamskie doklady [The Amsterdam Reports]. Moscow, Territorija budushhego, 2005, 464 p.
2. Husserl E. Ideja fenomenologii: Pjat' lekcij [The Idea of Phenomenology: Five Lectures]. SPb, Humanitarian Academy, 2006, 224 p.
3. Husserl E. Filosofija kak strogaja nauka [Philosophy as rigorous science]. Moscow, 2006, 216 p.
4. Shiyan A. A. Fenomenologicheskoe obosnovanie logiki [Phenomenological Justification of Logic]. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Serija: Filosofija, Kul'turologija, Politologija, Sociologija. [Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political sciences. Culturology], 2015, Vol. 1 (67), no. 1, P. 178–180.
5. Gander Hans-Helmut (Hrsg.) Husserl-Lexikon. Darmstadt, 2010, 285 p.

6. Husserl E. Einleitung in die Logik und Erkenntnistheorie. Vorlesungen 1906/07. Husserliana XXIV. Herausgegeben von Ullrich Melle. Den Haag, Martinus Nijhoff, 1985, 214 s.
7. Husserl E. Die Krisis der europäischen Wissenschaften und die transzendente Phänomenologie. Eine Einleitung in die phänomenologische Philosophie. Husserliana VI. Herausgegeben von Walter Biemel. Den Haag, Martinus Nijhoff, 1976, 323 s.
8. Husserl E. Erfahrung und Urteil / E. Husserl; Red. u. hrsg. von L. Landgrebe. – Hamburg: Meiner, 1999. – 492 s.
9. Husserl E. Erste Philosophie (1923/4). Zweiter Teil: Theorie der phänomenologischen Reduktion. Husserliana VIII. Herausgegeben von Rudolf Boehm. Den Haag, Martinus Nijhoff, 1959, 190 s.
10. Husserl E. Ideen zur einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Zweites Buch: Phänomenologische Untersuchungen zur Konstitution. Husserliana IV. Herausgegeben von Marly Biemel. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1952, 483 s.
11. Husserl E. Phänomenologische Psychologie. Vorlesungen Sommersemester. 1925. Husserliana IX. Herausgegeben von Walter Biemel. Den Haag, Martinus Nijhoff, 1968, 651 s.

УДК 304.42 + 316.4.06

ПЕРСПЕКТИВЫ ЛЕГИТИМАЦИИ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ¹

Карелин В. М.

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская федерация

E-mail: v-karelin@mail.ru

В работе исследуется проблематика современного проекта университета в перспективе современных легитимационных вызовов. Одной из причин аксиологических перемен в образовательных процессах, которая устанавливает пределы прежней легитимации, является расширение разрыва (по своему характеру, прежде всего, темпорального) между университетским образованием и наукой – с одной стороны и профессиональной практикой – с другой. Большое значение принадлежит и радикальным трансформациям функций основных структурных компонентов университетского образования. Обозначены перспективы изменения форм легитимации университета в контексте его ауторефлексивности. Развитие университета рассмотрено в постисторическом разрезе, представляющем университет как институт в состоянии кризиса легитимности, развивающемся на основании потери социальной значимости больших легитимирующих нарративов (в терминологии Ж.-Ф. Лиотара). Данный подход говорит о назревающей делегитимации, однако целенаправленное движение в этом направлении может послужить основанием для новых моделей легитимации. Их прогнозируемые особенности – неуниверсальная множественность как альтернатива универсальной нарративности и диссенсусная критичность как альтернатива прагматике консенсуса.

Ключевые слова: делегитимация, кризис университета, легитимация, постисторизм, современный университет.

1. УНИВЕРСАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА РАЗРЫВА

Существует множество дискуссий о проблемах и специфике современного университетского образования, и целый ряд таких споров затрагивает вопросы о соответствии преподаваемого и разрабатываемого теоретического знания практическим реалиям (см.: [3; 4; 7; 9; 11; 13]). Особый статус эта тема приобретает в силу ряда факторов. Прежде всего, о себе заявляет растущий разрыв между наукой и практикой; в настоящее время этот разрыв приобрел метаконцептуальный характер и представляет собой уже не столько нарушение когерентности знания и действия, сколько ускоряющееся различие между темпами прироста объема знания и проблем (последние представляют собой как проблемы, которые ставит перед

¹Работа выполнена при поддержке РГНФ. Проект № 16-36-00026 «Модернизация гуманитарного университетского образования: смена коммуникативных оснований».

собой наука в результате предшествующих открытий, так и проблемы, рождающиеся вследствие быстро меняющейся динамики социальных явлений). При этом гуманитарные науки пока что еще могут позволить себе рассматривать знание в номотетической и идиографической формах (в соответствии с типологией В. Виндельбанда [15]). Однако для дисциплин, использующих вычислительные технологии, данное деление теряет смысл – определять характер закономерностей и формулировать эмпирические законы в ряде случаев под силу системам искусственного интеллекта.

Следствием такого положения дел является еще один разрыв – между научным знанием и образованием. Если в XX веке задержка между появлением значимых теорий и их включением в учебные программы могла составлять десятилетия, то современные открытия затрагивают столь фундаментальные аспекты мироустройства, что требуют немедленного освоения (ярким примером чего служат достижения последних лет в области квантовой физики). Существенно сдерживает проникновение таких знаний в высшее образование банальная бюрократическая инерционность; однако мешает этому и проблема трудности освоения новых проблем. Если принять во внимание еще больший разрыв между новыми знаниями и школьным образованием, то в общей картине очевидным оказывается существенная разделенность образования, науки и практики. Представляемая здесь проблема разрыва приобретает в наши дни универсальный характер; в естественных науках она не так остра, как в гуманитарных и общественных (для естественных главными причинами тому служат, во-первых, бóльшая ориентация на запросы промышленности, требующей эффективных и скорых решений; во-вторых, контекст жесткой ориентации на эмпирическую верификацию результатов и их дальнейшее внедрение), однако ее сложность в любом случае оказывается неснимаемой в силу ее зависимости от образования, пока еще принципиально ориентированного на репродукцию парадигм, а не на исследовательский подход к новым знаниям.

Для университета комплекс таких проблем затрагивает вопрос его выживания как социального института. Университет давно не «башня из слоновой кости», однако обращение к этой метафоре часто является необходимой в качестве защитной стратегии (и это одна из главных причин, по которым идущий еще из античности идеал ценного самого по себе знания постоянно актуализируется представителями гуманитарных наук). Эта стратегия консервативна в контрпродуктивном смысле, т. к. в действительности говорит не о знании, а о сохранении социальных условий производства науки и образования вне какой-либо связи с их предметным содержанием. Впрочем, такой подход крайне важен как симптом: затрагивая, в первую очередь, проблему социального порядка в научном сообществе, он проблематизирует статус ценностей науки и образования, равно как и значимость аксиологических трансформаций в данной области.

2. ТРАНСФОРМАЦИИ ЭЛЕМЕНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Относя к структурным элементам образовательного процесса, прежде всего, совокупность его субъектов, объектов, средств, факторов, следует сказать, что все они претерпевают радикальные трансформации общесистемного характера.

В реальном статусе университета, пожалуй, еще не произошло качественных изменений. Но совокупность предрасполагающих к этому ценностно-ориентированных факторов уже достигла или вот-вот достигнет критической массы. Однако некоторые из этих факторов уже выходят на фундаментальный уровень, провоцируя постановку вопросов, обращенных к аксиологическим аспектам профессиональной деятельности, учитывающим не только технологическое, но и антропологическое ее содержание. В чем смысл образования, если оно неизбежно отстает от профессиональной деятельности? Если знание о мире является абсолютной и самодостаточной ценностью, то как тогда соблюсти сопряжение экономического обеспечения научно-образовательных процессов и требования социальной справедливости? Каков должен быть статус ученого и научно-педагогического работника: это человек занятый особой общественно полезной работой или обладатель всего лишь одной из множества профессий? Наконец, наука и обеспечивающее приобщение к ней образование должны быть универсальными или фрагментарными?

Некоторые из подобных вопросов особенно актуальны в современных российских условиях. Недавние события, связанные с реформами науки и высшего образования, действительно, требуют по-новому оценивать характер статуса ученого и профессора. Мы пока не знаем, как: не так давно навязанный библиометрический подход довольно быстро начал показывать как минимум недостаточную адекватность этой задаче; но и убедительной альтернативы пока не появилось. То же самое касается и ситуации с оценкой эффективности образовательных и научных организаций. Она, безусловно, нужна в силу множества причин, однако ее подчинение измерительному режиму соответствия ключевым показателям эффективности пока что выглядит в духе «террора», идею которого Ж.-Ф. Лиотар критически сформулировал словами «будьте операциональными, т. е. будьте взаимосоразмерными или убирайтесь» [10, с. 11]. Понятно, что «убраться» невозможно, и университет сейчас стоит перед необходимостью отказа от прежней системы легитимации знания, которая обеспечивает устойчивость социальной структуры сообщества и бесконфликтность социализации новых членов (понятие легитимации используется далее в лиотаровском понимании, указывающем на аспект не эпистемологической, а социальной детерминации знания, – правда, предлагаемом Лиотаром в достаточно широком смысле и принципиально недефинированном [10, с. 27]).

Кто же эти новые члены научного сообщества? Тут тоже много неоднозначностей. Классический образ профессора не исчезает и остается практически без изменений (если, конечно, не брать во внимание увеличения вменяемых обязанностей, требующихся для соответствия бюрократическим реформам), однако возникают и новые модели ученого-преподавателя в качестве ответа на трансформации научного знания и моделей обучения. Например, о популярной науке не так давно можно было сказать, что это «обычные» научные сведения, но существенно упрощенные, а порой умышленно искаженные ради большей понятности. В строгом смысле слова такое явление к науке отношения не имело, а субъект, обладающим соответствующими знаниями никак не мог быть

считаться ученым или «по-настоящему» образованным человеком, хотя вполне мог заслужить бытовое признание в качестве эрудита. Однако популярные форматы подачи научных знаний сейчас перестали видаться чем-то исключительно несерьезным. Действительно, сейчас существует множество образовательных проектов в формате эдьютейнмента, для описания сути которых недостаточно ограничиваться понятиями вроде «развлечение» или «поп-наука»; эдьютейнмент представляет собой современную педагогическую стратегию, направленную на научный по своей природе предмет и реализующую с помощью неформальных педагогических средств задачу привлечения и удержание внимания и интереса к нему [6]. Сейчас остается признать, что те преподаватели, которых ученики считали интересными, увлекающими, харизматичными, на своих занятиях реализовывали то, что, в сущности, и называется теперь эдьютейнментом [5]. Сейчас же происходит смена ценностных ориентиров, меняющих статус подобных практик с маргинальных на общепринятые, а в определенных случаях – в обязательные.

Отсюда вытекает и другой вопрос – о комплектовании образовательной программы. Не так давно получение определенной квалификации предполагало изучение вполне определенного комплекса дисциплин, – по крайней мере, в отечественном контексте. В этом большую роль в постсоветское время сыграла разработка блочно-модульного подхода к образованию, внедрение вариативных частей учебных программ, что позволило обучающемуся принимать участие в конструировании собственной образовательной траектории. В образовании, лицензируемом в соответствии с государственными стандартами, остается заметная предзаданность образовательных траекторий, обусловленная достаточно большим комплексом осваиваемых дисциплин. Но если вернуться к теме эдьютейнмента, то мы увидим, что некоторые из «развлекательных» проектов (например, научно-популярные видеоканалы) практически не отличаются от аналогичных проектов, предполагающих сертификацию по результатам итоговой аттестации, а иногда – и возможность учета результатов прохождения таких программ в рамках образовательных программ бакалавриата или специалитета (проект «Открытое образование»). Характерно, что изначально научно-популярные проекты могут эволюционировать, дополняясь со временем полноценными краткосрочными образовательными курсами (как например, в проекте «ПостНаука»).

Безусловно, такие инновации наносят заметный удар по прежней легитимности университета. Границы университета все больше размываются, фигура профессора становится не столь однозначной, исчезает строгая привязка его профессии к университету как социальному институту, теперь профессор может становиться медийной фигурой – что может становиться частью его рабочих обязанностей, – при этом не изменяя преподавательской и научной работе.

Современные тренды развития образования рука об руку идут с трансформациями в понимании статуса личности как в социальном, так и в антропологическом аспекте. Как отмечает Р. Барнетт, в настоящее время, когда мировоззрение релятивизируется и происходит делегитимация концептов «знание» и «истина», из языка, описывающего университет, исчезают «термины “Я”». «Речь идет о понятиях индивидуального развития, самореализации, раскрытия личности в

рамках университета. Проблема, с которой сталкиваются эти понятия, очень проста – все они опираются на веру в существование личной идентичности и в то, что задача высшего образования состоит в ее развитии. Но в эпоху постмодернизма понятие персональной идентичности само по себе становилось проблематичным. «Я» растворилось», – пишет он [2, с. 49]. Тезис, вполне соответствующий постструктуралистской логике интерпретации субъектности; интересно, что он без затруднений может быть применен и к коллективному субъекту – университету.

3. ДЕЛЕГИТИМАЦИЯ VS. НОВЫЕ ФОРМАТЫ ЛЕГИТИМАЦИИ

Идея переосмысления легитимации университета, исходя из идей Барнетта, состоит, в частности, в необходимости самоанализа университета как своего рода институциональной рефлексии – «коллективный самоанализ» [2, с. 51). Это своего рода легитимирующая практика второго порядка: она говорит о необходимости легитимировать средства легитимации. При этом такие средства уже не могут рассматриваться исключительно как статичные факторы, институциональная рефлексия должна приводить к постоянному пересмотру статуса университета в соответствии с характером его соотнесенности с интенсивно меняющимися социальными реалиями. Университет в таком виде предстает как аналог принципиально образом непродуцирующего сообщества (в терминологии Жана-Люка Нанси [12]), что предрасполагает к репрезентации университета как феномена ценного, ибо он ценен сам по себе. Нельзя не вспомнить об и аристотелевском образе оптимального знания – «из наук в большей мере мудрость та, которая желательна ради нее самой и для познания, нежели та, которая желательна ради извлекаемой из нее пользы» [1, с. 68], – знания суверенного, и не требующего внешних оправданий. Но если говорить об институализированном в университете знании, то оно всегда дополняется дискурсами, сопряженными и со знанием, и с университетскими практиками; в этом посредническом действии они выступают средством легитимации университета, снабжающим университет стержневыми доминантами – по сути, каркасами метанарративов.

Ауторефлексия университета, о которой размышляет Барнетт, является не только формой аутолегитимации, но и средством определения собственной идентичности. Удержание прежней идентичности, таким образом, и есть удержание прежними силами привычной метанарративной легитимации знания, опирающейся на веками формировавшийся образ университета. Сейчас университет, если и блочно-модульная структура, то не автономная: к нему могут быть не только пристроены внешние компоненты, да и он сам зачастую оказывается обязанным встраиваться в социальные отношения.

Открытым стоит пока что оставить вопрос о завершении легитимации в связи с делегитимационными тенденциями. Легитимировать или делегитимировать знание – значит занимать определенное властное отношение к нему. «Власть производит знание <...>; власть и знание непосредственно предполагают друг друга <...> Следует исходить из того, что познающий субъект, познаваемые объекты и модальности познания представляют собой проявления этих фундаментальных импликаций отношения “власть-знание” и их исторических трансформаций.

Словом, полезное для власти или противящееся ей знание производится не деятельностью познающего субъекта, но властью – знанием, процессами и борьбой, пронизывающими и образующими это отношение, которое определяет формы и возможные области знания», – утверждает Фуко [14, с. 37]. В свете этого размышления делегитимационные процедуры оказываются возможными только как создаваемые на основе иных формы легитимации.

Путей и аспектов развития университета сейчас множество, и каждый из них тесно связан с глубокой аксиологической трансформацией. Но помимо прочего университет оказывается перед серьезным легитимационным вызовом – делегитимация «стала неотъемлемой частью современности» [10, с. 36], а университету пока еще явно есть что терять в плане культурно-ценностных ориентиров. С одной стороны, назревает необходимость полной делегитимации: в этом случае университет перестает быть сколь угодно привилегированным проектом; размыкая свои границы и разделяя свои функции с другими социальными институтами, он может занять обычное место в ряду прочих институтов, чья претензия на собственное метанарративное обоснование не может претендовать на выход за собственные пределы. С другой стороны, пролиферирующая множественность общественных проблем и необходимость решать задачи в условиях растущих неопределенностей может стать основанием для становления новых легитимирующих парадигм. Поиск легитимационных оснований необходим университету как для консервативной самозащиты, так и во имя антифундаменталистской интенции, направляющей на постоянный поиск и переосмысление собственных оснований, а в итоге – и к готовности изменяться. А значит – и к готовности поиска новых легитимаций. В конце 1990-х Барнетт заявил о «смерти университета» и его ожидаемом воскрешении. Эта мысль, значимая и ныне, высказана не ради провокации: университет, конечно же, в буквальном смысле жив, и никакого буквального «конца университета» в обозримом будущем не намечается; эти слова говорят лишь о том, что «университет потерял свою старую легитимность. Однако его ждет новый вид легитимности» [2, с. 53], но «понимание того, чему должен служить университет в современном мире, оказалось утерянным» [2, с. 46]. Новые же легитимации нашей «постнарративной» эпохи уже не будут строиться по схеме универсальной консенсусной парадигмы (если не окажутся легитимациями в прежнем смысле), а, вероятнее, напротив, найдут себя в очертаниях множественности моделей, которые опираются на диссенсусный дух критики [7]. Традиционно можно сказать, что реалистичность одного из этих вариантов покажет время, – и я полагаю, что оно наступит довольно скоро.

Список литературы

1. Аристотель. Метафизика // Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 1. / Под ред. В. Ф. Асмуса. – М.: Мысль, 1976. – 550 с.
2. Барнетт Р. Осмысление университета // *Alma mater. Вестник высшей школы*. – 2008. – № 6. – С. 46–56.
3. Белоцерковский А. В. К вопросу о согласовании образовательных и профессиональных стандартов // *Высшее образование в России*. – 2015. – № 6. – С. 26–31.
4. Донских О. А. Дело о стандартах // *Высшее образование в России*. – 2015. – № 6. – С. 36–43.

5. Дьяконова О. О. Понятие «эдьютеймент» в зарубежной и отечественной педагогике // Сибирский педагогический журнал. – 2012. – № 6. – С. 182–185.
6. Железнякова О. М. Сущность и содержание понятия «эдьютеймент» в отечественной и зарубежной педагогической науке // Alma mater. Вестник высшей школы. – 2014. – № 2. – С. 67–70.
7. Карелин В. М. Диссенсус – фактор эффективной коммуникации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2015. – Т. 1 (67). – № 1. – С. 46–53.
8. Карелин В. М. Память, обучение, действие: конфликт парадигм в коммуникативных стратегиях образования // Субкультуры и коммуникативные стратегии информационного общества: Труды Междунар. науч.-теор. конф. – СПб.: Политехнический университет, 2014. – С. 242–243.
9. Карелин В. М. Проблема формирования и развития познавательной активности в педагогике // Дидактические проблемы модернизации российского образования: Материалы межвузовской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора Н. А. Сорокина. – Тула: Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 2003. – С. 260–263.
10. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.
11. Московская А. А. Должно ли высшее образование соответствовать спросу на рынке труда? // Высшее образование в России. – 2015. – № 10. – С. 75–84.
12. Петровская Е. В. Сообщество: идея без истории // Интеллектуальный язык эпохи: история идей, история слов / отв. ред. С. Н. Зенкин. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – С. 83–94.
13. Сенашенко В. С. О соотношении профессиональных стандартов ФГОС высшего образования // Высшее образование в России. – 2015. – № 6. – С. 31–36.
14. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. – 416 с.
15. Яковенко Б. Вильгельм Виндельбанд // Виндельбанд В. Избранное. Дух и история. Пер. с нем. – М.: Юрист, 1995. – С. 659–670.

Karelin V. M. Perspectives of University Education Legitimation // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2016. – Vol. 2 (68). – № 4. – P. 40–47

The article discusses the problem of the state of the University in the prospects of modern legitimacy challenges. The gap (the main traits of the gap are of temporal character) between university education and scientific practice as well as between university education and professional practice turns to be one of the reasons of axiological changes in education, which sets limits for the previous form of legitimacy; that old form of legitimacy deals both with justification of knowledge and with justification of any type of social institute. It is evident that university is located on the intersection of those legitimacies. Among these reasons are also the factors of changes of modern society, based on the loss of effectivity of so called great narratives (in terms of Jean-François Lyotard's conception of postmodern state of nowadays society). Actual radical transformation of the roles of main structure elements of educational process is also of high importance. That entire makes the necessity of post-historical approach to understanding of the University. That helps to represent university in the state of crisis of legitimacy, which develops on the basis of loss of effectivity of the great narratives mentioned above. Also, in that light the University could be represented by means of philosopho-anthropological problem of subjectivity. The article specifies the prospects of changes of forms of legitimacy in the context of its auto-reflexivity as a kind of institutional collective reflexivity (in terms of Ronald Barnett). The given approach shows the prospects of coming delegitimation. It is interesting that boosting of such tendency may appear to be a basis for new future models of legitimacy. Expected peculiarities of such models are non-universal multitude (as an alternative to the universal narrativity) and dissensual criticism position (as an alternative to the pragmatism of consensus). Both delegitimation and intended making of some new forms of legitimacy are considered possible for the point of view from the present time.

Keywords: delegitimation, crisis of the University, legitimacy, post-historicism, modern university.

References

1. Aristotle. *Metafizika* [Metaphysics]. Aristotel'. Sochinenija v chetyreh tomah [Works in Four Volumes]. Vol. 1. Pod red. V. F. Asmusa [edited by V. F. Asmus]. Moscow, Mysl', 1976, 550 p.
2. Barnett R. *Osmyslenie universiteta* [University Comprehension]. Alma mater. Vestnik vysshej shkoly [Alma mater. Gazette of High School], 2008, no. 6, P. 46–56.
3. Belocerkovskij A. V. K voprosu o soglasovanii obrazovatel'nyh i professional'nyh standartov [On the Issue of Harmonization of Educational and Professional Standards]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 2015, no. 6, P. 26–31.
4. Donskih O. A. Delo o standartah [The Thing about Standards]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 2015, no. 6, P. 36–43.
5. D'jakonova O. O. Ponjatie "jed'jutejnmnt" v zarubezhnoj i otechestvennoj pedagogike [The Notion of "Jed'jutejnmnt" in the Foreign and Domestic Pedagogy]. *Sibirskij pedagogicheskij zhurnal* [Siberian Pedagogical Journal], 2012, no. 6, P. 182–185.
6. Zheleznjakova O. M. Sushhnost' i sodержanie ponjatija "jed'jutejnmnt" v otechestvennoj i zarubezhnoj pedagogicheskoj nauke [The Nature and Content of Notion of "Jed'jutejnmnt" in the Foreign and Domestic Science]. Alma mater. Vestnik vysshej shkoly [Alma Mater. Gazette of High School], 2014, no. 2, P. 67–70.
7. Karelin V. M. Dissensus – faktor jeffektivnoj kommunikacii [Dissensus – Factor Reflective of Communication]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filosofija. Politologija. Kul'turologija* [Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Politology. Kulturology.], 2015, Vol. 1 (67), no 1, P. 46–53.
8. Karelin V. M. Pamjat', obuchenie, dejstvie: konflikt paradig v kommunikativnyh strategijah obrazovanija [Memory, learning, action: the conflict of paradigms in communication education strategies]. *Subkul'tury i kommunikativnye strategii informacionnogo obshhestva: Trudy Mezhdunar. nauch.-teor. konf.* [Subcultures and communication strategy for the information society. Proceedings of the International Scientific Conference]. SPb., Politehnicheskij universitet [Polytechnical University], 2014, P. 242–243.
9. Karelin V. M. Problema formirovanija i razvitija poznavatel'noj aktivnosti v pedagogike [The Problem of Formation and Development of Cognitive Activity in Pedagogy]. *Didakticheskie problemy modernizacii rossijskogo obrazovanija: Materialy mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoi konferencii, posvjashhennoj pamjati professora N. A. Sorokina.* [Didactic Problems of Modernization of Russian Education: Proceedings of the International Scientific-Practical Conference Dedicated to the Memory of Professor N. A. Sorokin]. Tula: Tul'skij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. L. N. Tolstogo [L. N. Tolstoy Tula State Pedagogical University], 2003, P. 260–263.
10. Liotar Zh.-F. *Sostojanie postmoderna* [The State of Postmodern]. Moscow, Institut jeksperimental'noj sociologii [Institute of Experimental Sociology]; SPb., Aletejja, 1998, 160 p.
11. Moskovskaja A. A. Dolzhno li vysshee obrazovanie sootvetstvovat' sprosnu na rynke truda? [Should Higher Education Correspond to the Demand in the Labor Market?]. *Vysshee obrazovanii v Rossii.* [High education in Russia], 2015, no. 10, P. 75–84.
12. Petrovskaja E. V. *Soobshhestvo: ideja bez istorii* [Community: the Idea Without History]. *Intellektual'nyj jazyk jepohi: istorija idej, istorija slov* [Intelligent Language of Epoch: History of Ideas, History of Words]. otv. red. S. N. Zenkin. [edited by S. N. Zenkin]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Review], 2011, P. 83–94.
13. Senashenko V. S. O sootnoshenii professional'nyh standartov i FGOS vysshego obrazovanija [The Relationship Between the Professional Standards and FSES Of Higher Education]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [High Education in Russia], 2015, no. 6, P. 31–36.
14. Fuko M. *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tjur'my* [Discipline and Punish: The Birth of Prison]. Moscow, Ad Marginem Press, 2015, 416 p.
15. Jakovenko B. *Vil'gel'm Vindel'band. Vindel'band V. Izbrannoe. Duh i istorija* [The Spirit and History]. Moscow, Jurist, 1995, P. 659–670.

УДК: 008

ПОНЯТИЕ КУЛЬТУРЫ В РЕФЛЕКСИВНОМ ПОЛЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Лазарев Ф. В.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: fellazarev@rambler.ru

В данной статье автор касается темы культуры, как важной составляющей развития общества. Культурное и человеческое, согласно данному рассмотрению вопроса – одного онтологического корня. Культуротворческая деятельность порождает и многообразную сферу культурных артефактов, и духовность, как коренное свойство личности. культура есть пространство производства человеческого в человеке, сфера предметно-практического, ментального и ценностного самовыявления его сущностных сил, направленных на универсальное освоение мира и ведущих к всестороннему интеллектуальному, физическому и духовному развитию личности. В тоже время автор поднимает вопрос напряженной дихотомии цивилизации и культуры, где первая отличается проблемой производства «массового продукта», копии в отличие от уникального творения культуры. В данном исследовании культура представляет себя, как открывающая человеку дорогу на вершины духа, учит его искусству «стоять в просвете бытия», наполняя существование светом высших смыслов. Но суть человека в том, что он есть пересечение конечного и бесконечного, единичного и общего, необходимости и свободы. Культура вписывает индивида в пространство ценностной иерархии, и именно это является ключевым моментом и важной ролью традиции, формирующей духовную жизнь общества. Новизна данной статьи заключается в том, что автор предлагает новое определение культуры наряду с новой концепцией её понимания.

Ключевые слова: культура, цивилизация, экзистенция, смысл.

КУЛЬТУРА КАК САМОВЫЯВЛЕНИЕ СУЩНОСТНЫХ СИЛ ЧЕЛОВЕКА: ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ РЕФЛЕКСИЯ

Известно, что в основе любой человеческой деятельности всегда лежат те или иные мотивы. Если главным мотивом выступает практический интерес, то мы имеем дело со сферой конечного – с миром утилитарно-практического бытия людей. Напротив, если материальная и ментальная деятельность подчинена стремлению к вечным ценностям – к истине, гармонии, добру, красоте и др., то она выводит нас к универсальной по своим предельным основаниям сфере человеческого существования – к миру культуры. Именно этот мир, а не социум – подлинная обитель Homo sapiens, изначальное пространство производства человеческого в человеке. Каковы же реальные основания этого специфического пространства? Данный вопрос отсылает к философско-антропологическому

измерению проблемы, к факту существования специфических хронотопов бытия, порождающих символическую реальность. Способность служить добру, познавать мир, наслаждаться красотой, устремленность к трансцендентному, желание практически преобразовывать действительность и потребность творить новые миры, смыслы и ценности – все это составляет ту родовую ипостась человека, которая связана с его сущностными силами.

Таков уж закон человеческого бытия, что сущностные силы человека могут развиваться свободно, полно и универсально лишь при условии, что люди в определенных ситуациях готовы в часы предельной сосредоточенности подчиняться надличностным мотивам и интересам, с исчерпывающей глубиной постигая истину, поклоняясь красоте, бескорыстно служа добру и выстраивая гармоничные отношения между человеком и миром. Единство этих моментов образует высшее благо. Такую устремленность человека философы называли мудростью. «Мудрость, – говорил Кант, – рассматриваемая теоретически, означает познание высшего блага, а рассматриваемая практически – соответствие воли с высшим благом».

Культурное и человеческое – одного онтологического корня. Если культура есть свет, как любил повторять Н. Рерих, то только в силу того, что она – пространство встречи человеческих сущностных сил и универсалий бытия как абсолютных интенций, обеспечивающее их взаимную сопричастность и взаимосвечение. В итоге культуротворческая деятельность порождает и многообразную сферу культурных артефактов, и духовность, как коренное свойство личности.

Исходя из сказанного, можно дать следующее определение: культура есть пространство производства человеческого в человеке, сфера предметно-практического, ментального и ценностного самовыявления его сущностных сил, направленных на универсальное освоение мира и ведущих к всестороннему интеллектуальному, физическому и духовному развитию личности [1, с. 3–4].

Предлагаемое определение основано на концепции, которая идейно примыкает в ряде моментов к известной культурологической традиции, связанной с именами Ф. Тенниса, А. Шпенглера, Г. Маркузе, А. Швейцера. В рамках названной традиции культура понимается как совокупность ценностей высшего порядка, а цивилизация рассматривается как система различных технологий, обеспечивающих прогресс в материальном положении людей. Культура в качестве творческого духовного начала противостоит здесь цивилизации, образующей утилитарно-технологическую сферу. Таким образом, оппозиция культуры и цивилизации выступает в рамках данного направления отправным пунктом анализа всей культурологической проблематики.

Об идейной близости развиваемого в данной статье взгляда на сущность культуры к отмеченной выше культурологической традиции свидетельствуют, например, следующее определение А. Швейцера: «Культура – это итог всех достижений отдельных лиц и всего человечества во всех областях и по всем аспектам в той мере, в какой эти достижения способствуют духовному совершенствованию личности и общему прогрессу» [2, с. 46].

Следует, однако, отметить, что наш подход в принципе не исключает использование понятия «цивилизация» в более широком смысле как различных исторически существовавших типов общества. В этом контексте можно говорить, например, о современной мировой цивилизации в целом (включая сюда и сферу культуры) или об отдельных локальных цивилизациях (в смысле культурно-исторических типов по Н. Данилевскому).

ПОНЯТИЕ КУЛЬТУРЫ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ

В современной научной литературе можно встретить десятки и даже сотни самых разных по смыслу дефиниций культуры. И в самом деле, ее как явление многомерное и все еще недостаточно проясненное на категориальном уровне можно определять по-разному. В самом этом факте нет ничего странного. Даже в физике, как показал А. Пуанкаре, определение понятия в ряде конкретных случаев – дело научной конвенции и в этом смысле условно. Что касается такой концептуально разноречивой дисциплины, как философия культуры, то здесь конвенциональность любых определений – исходный эпистемологический факт. Бессмысленно и беспредметно поэтому спорить о правомерности той или иной достаточно хорошо продуманной дефиниции как самой категории культуры, так и связанных с ней понятий. Каждый серьезный исследователь имеет право предложить свое толкование тех или иных культурологических концептов. Однако конвенциональность вовсе не означает какой-либо произвол и субъективизм в разработке научного аппарата. Принципиально важно, чтобы предлагаемые определения содержали в себе какую-то эвристику, какие-то объяснительные концептуальные возможности. Условность касается не сути дела, а выбора того или иного интервала рассмотрения объекта.

При этом все зависит от того, какую исследовательскую задачу мы ставим. Так, культуру можно рассматривать в двух планах – в широком смысле слова и в узком. Преимущество первого подхода заключается в том, что в этом случае термин «культура» будет включать в свой объем многое из того, что так или иначе касается функционирования культуросферы. Например, в культуру (в широком смысле слова) можно будет включить, с одной стороны, «высокую культуру», с другой стороны, различные молодежные, узкогрупповые субкультуры, вплоть до криминальной. Очевидно, сюда войдет и так называемая «массовая культура», андеграунд, контркультурные движения, «технокультура» и т. п. Удобство в том, что все эти явления можно рассматривать в пределах единого «предметного поля» анализа в их живой взаимосвязи.

Методологическая привлекательность узкого подхода выражается в том, что возникает возможность дать ценностную оценку тем или иным социокультурным тенденциям и проследить эволюцию культуротворческих процессов с точки зрения духовного прогресса современной мировой цивилизации. В этом случае определение культуры должно служить инструментом различения существенно разных или противоположных процессов в духовной жизни людей. Так, с аксиологической точки зрения очевидно, что высокая культура прямо противоположна «массовой» во многих ее проявлениях. Это различие носит

принципиальный характер, ибо касается аутентичной сущности человека как родового существа. Здесь культурология смыкается с философской антропологией. Поэтому-то и существует потребность в таком толковании культуры, которое содержит в себе соответствующие концептуальные средства.

Предложенное нами выше определение сущности культуры нацелено именно на то, чтобы решать исследовательские задачи обозначенного типа. Например, из определения однозначно вытекает оценка многих составляющих «массовой культуры» как антикультурного феномена. Тем самым мы получаем в рамках философской рефлексии достаточно четкий критерий понимания, анализа и оценки тех или иных явлений в культуросфере. Возьмем, к примеру, такое понятие, как «стиль жизни» отдельного индивида или социальной группы. В одних случаях мы говорим о «культурном стиле», в других – перед нами явление, отражающее состояние духовного одичания. Такие оценки мы можем давать при условии, что есть критерий, позволяющий дифференцировать подлинное и неподлинное, культуру и псевдокультуру.

Вообще, касаясь методологии вопроса, следует заметить, что любое определение в науке что-то стоит только тогда, когда оно вытекает из соответствующей концепции, другими словами, когда за ним скрывается целостная теория. В этом смысле определение исходных понятий, с одной стороны, выступает как начало, концептуальный базис текста теории, а с другой стороны, как итог теоретического исследования, как завершение аналитической работы восхождения от абстрактного к конкретному. Без соответствующего теоретического развертывания, если речь идет о гуманитарных дисциплинах, все такого рода определения становятся чистой игрой в слова.

Как создается теория? Она начинается с принятия определенных допущений о структуре и базовых свойствах объекта. Последний можно с помощью абстрагирования по-разному концептуально рассекать в зависимости от поставленной познавательной задачи. Концептуальные срезы объекта задают определенную интеллектуальную перспективу видения объекта, некоторый интервал абстракции. Последний не придумывается субъектам, а отражает объективную многомерность объекта.

Культуру можно изучать как на феноменальном уровне, фокусируя внимание на эмпирически наблюдаемых артефактах, так и на сущностном уровне, сосредотачиваясь на анализе базисных структур и тенденций. Когда мы обращаемся к вопросам культурогенеза, то можем заметить, что в основе тех или иных культурных явлений и образов часто лежат некие изначальные, судьбоносные в истории народа события (стихийные бедствия, войны, революции, эпидемии). Так, на формирование многих элементов русской культуры глубинное влияние оказали такие события, как крещение Руси, татаро-монгольское нашествие, Куликовская битва, реформы Петра I, Октябрьская революция и т. п. В сущностный слой культуры включены также и базисные первичные смыслы. Сюда можно отнести культурные традиции, архетипы, культурные коды, символы, религиозные образы, каноны и т. п. Бесспорно, что рефлексия над культурой предполагает анализ как феноменального, так и сущностного уровня. Эта проблема особенно остро встает

при исследованиях по культурной антропологии и этнографии, когда ученый обращает внимание не только на предметную сферу культуры, но и пытается выяснить, какие мировоззренческие модели и метафизические смыслы стояли у истоков формирования тех или иных культурных стереотипов, стиля жизни, древних обычаев, праздников, народной медицины и т. п.

Каждая значительная культурная система в своей эволюции проходит несколько этапов: 1) точка сборки, зарождение смысла ментального поля, отображающего некий хронотоп бытия людей, 2) конституирование канонов, «правил игры», формирование традиции, 3) реформирование классических образов и релятивизация смыслов, 4) этап технологизации, практическое использование культурного контента при отбрасывании и забвении его глубинных смыслов и оснований, его духовной нагруженности и его этоса. Четвертый из названных этапов Шпенглер в свое время в соответствии со своей концепцией обозначил как переход от культуры к цивилизации [3]. Для сравнения можно вспомнить, что русский философ К. Леонтьев выделяет следующие четыре этапа циклического развития культуры: «первобытная простота», «цветущая сложность», «вторичное упрощение», «смещение».

В культурологической литературе можно встретить два типа определений культуры – описательно-интуитивный и сущностно-концептуальный. Первый связан с мысленным охватом объекта исследования в целом на основе научной интуиции автора, второй вытекает из определенной концепции и направлен на отображение того или иного способа видения объекта в заданной познавательной перспективе. В зависимости от того, по какой линии проходит концептуальное сечение объекта, вытекающее из способа абстрагирования, исследователь получает разные содержательные трактовки изучаемого объекта. Примером второго типа определения культуры может служить концепция В. С. Степина, согласно которому культура есть система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности, обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях [4].

В этой связи можно указать также на теорию культуры М. С. Кагана и Э. С. Маркаряна. Последний связывает процессы культурогенеза со сферой технологической деятельности людей. Очевидно, что в современную технократическую эпоху человеческая деятельность немислима без технологического измерения, поэтому «мир технологий» естественным образом, по Маркаряну, вплетается в глубинные пласты культуросферы. Последняя есть способ адаптации человека к природе и социальной среде.

Существенно иную концепцию культуры развивает в своих работах В. С. Библер «...Культура, – пишет автор, – сфера деятельности человека, сфер его бытия, в которой осуществляется создание и восприятие произведений. Это форма общения людей, эпох, миров через («по поводу», «в форме») произведения [5, с 401]. В этом определении принципиально важным является понятие произведения. В отличие от продукта потребления, предназначенного, чтобы исчезнуть, произведение есть отстраненное от человека и воплощенное в плоть полотен, звуков, красок, камня собственное бытие личности как неповторимого индивида.

«Культура – в своих произведениях – позволяет нам – автору и читателю – как бы заново породить мир, бытие предметов, людей, свое собственное бытие – из плоскости полотна, хаоса красок, ритмов стиха, философских начал, мгновений нравственного катарсиса. Вместе с тем, в произведениях культуры этот, впервые творимый, мир с особой несомненностью воспринимается в его извечной, независимой от меня абсолютной самобытности» [5, с. 290]. Культура тем самым выступает как форма одновременного бытия и общения людей, форма диалога и взаимопорождения культур.

КУЛЬТУРА И ЭКЗИСТЕНЦИЯ: КОГНИТИВНАЯ РЕФЛЕКСИЯ

В потоке истории культура возникает как способ забвения индивидуального Я, укорененного и растворившегося в лоне традиции, выступающей в виде совокупности стратегий выживания рода. То потрясение, которое, покидая обыденность, переживает индивид при столкновении с метафизическими пластами бытия, становится точкой кристаллизации культурных смыслов и пробудившихся духовных устремлений. Поиск человеком своего положения в Космосе, выступая мотивом и неизбежной жаждой самоутверждения, открывает качественно новую перспективу видения себя и своего места в мире как доме бытия. Человек переступил границу между обыденным, профанным и сакральным, оказавшись транзитным существом, без твердой почвы под ногами, человеком «между», как бы парящим над мирами повседневности. То, что ранее было лишь средством – знания, умения, навыки обыденного опыта – становится целью, а то, что было целью, превращается в средство. Эта инверсия цели и средства положила начало великому расколу в самой сердцевине человеческого существования, в экзистенциальном самобытии. Происходит трансформация сознания индивидуального Я: сознание становится не только средством отображения наличного бытия, но и источником универсальных смыслов.

Всякие смыслы, в том числе и «смыслы жизни», являются интервальными, т. е. порождаются и существуют лишь внутри хронотопов человеческого бытия. Человек, чья жизнь не выходит за пределы обыденного существования, формирует свое сознание на основе тех целей, смыслов, забот и интересов, которые порождены мирами повседневности. Второй, более высокий слой смыслов обусловлен той культурной средой, теми духовными традициями, в которые стихийным образом частично или полностью погружен индивид. Наконец, может существовать третий, высший слой ценностного сознания, в рамках которого человеку открывается универсальный, трансцендентный смысл человеческого существования. Он выстраивается в человеческой душе сознательно, поэтому требуются постоянные усилия по восхождению на Гималаи духа. Эмпирически человек всегда находится в конечных, обыденных мирах. И нужен великий порыв духа, чтобы, подобно Федору Конюхову, постоянно преодолевать тяготение целей и смыслов повседневной жизни. Формирующуюся в течение всей жизни систему универсальных смыслов можно назвать личностным этосом индивида.

Культура, открывающая человеку дорогу на вершины духа, учит его искусству «стоять в просвете бытия», наполняя существование светом высших смыслов. Но

суть человека в том, что он есть пересечение конечного и бесконечного, единичного и общего, необходимости и свободы. Культура вписывает индивида в пространство ценностной иерархии. Но человеческая жизнь как экзистенция – вне любых иерархий, а если и принимается какая-либо иерархия, то только с одним условием – быть наверху, ибо любая индивидуальная жизнь – великий, бесценный и одновременно конечный дар. И здесь на пересечении культуры и экзистенции возникает своеобразная зона сингулярности. В этом пространстве самобытия человек проявляется в двух ипостасях – в качестве утешающего в мире культуры и в качестве утешаемого в мире экзистенции. В первом мире он устремлен к бесконечному, универсальному и трансцендентному, во втором – он как конечное существо находится в ситуации «лицом к смерти». Его судьба – трансцендировать и одновременно вглядываться в лики абсурда. В зоне сингулярности человек просыпается от забвения своего «Я». Ему открываются новые, внекультурные смыслы. Само его бытие предстает как проблема и говорит с человеком на языке, в котором субстанция смысла не отделена от того, что не может быть помыслено в рамках существующих понятий. Мы соприкасаемся со сферой, о которой трудно думать, ибо здесь нет четких понятийных троп. Концепты в качестве инструментов мышления также весьма расплывчаты, и мы не знаем, где скрывается источник смыслов – в сознании, бытии или небытии. Здесь мысль постоянно натывается на тайну, которая становится своеобразной конститутивной предпосылкой самого акта смыслопорождения в зоне сингулярности.

Список литературы

1. Лазарев Ф. В. Брюс А. Литтл. Вселенная культура: стратегемы и ценности. – Симферополь: СОНАТ, 2005. – 191 с.
2. Моль А. Социодинамика культуры. – М.: «Прогресс», 1973. – С. 46
3. Шпенглер О. Закат Европы. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 1998. – 468 с.
4. Степин В. С. Философская антропология и философия науки. – М., Высшая школа, 1992 – 191 с.
5. Библер В. С. От наукоучения – к логике культуры. – М.: Политиздат, 1991. – С. 401
6. Лазарев Ф. В. Лебедев С. А. Философская рефлексия: сущность, типы, формы // Вопросы философии. – 2016. – № 6. – С. 15–28.

Lazarev F. V. The Concept of Culture in a Reflexive Field of Culturological Discourse // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2016. – Vol. 2 (68). – № 4. – P. 48–55

In this article, the author of the topic of culture as an important part of the development of society. Cultural and human, according to the consideration of the issue – one of the ontological root. Cultural creativity gives rise to a diverse scope of cultural artifacts, and spirituality as a fundamental property of the person. Culture is the space in the production of the human person, the scope of subject-practical, mental and valuable self-revelation of his essential powers, aimed at universal peace and development leading to the full intellectual, physical and spiritual development of the individual. At the same time, the author raises the question of tense dichotomy of civilization and culture, where the first problem of different production of "mass product", copies as opposed to the creation of a unique culture. In this study, culture presents himself as a man opens the way to the top of the spirit, teaches him the art of "stand in the gap being", filling the existence of the higher senses light. But the essence of man is that he is the intersection of the finite and the infinite, the individual and the general, necessity and freedom. The culture of the individual enter into the space of the hierarchy of values, and this is crucial and important role of tradition, shaping the spiritual life of society. In the era of technocratic civilization people used to evaluate all the practical, functional point of view, and so in this sense,

culture is "overkill." Without it, in purely practical terms, you can always do. But if tehnotsivilizatsii ideal - one-time use, the principle of culture - to serve forever. If civilization is coming to the criterion of "necessary and sufficient", that culture is not aware of any "necessary" or "sufficient", she appears at the initiative of the creator and as something immense, it is always a gift of the Creator to people on culture always costs significantly less than the resulting "profit".

Key words: culture, civilization, existence, sence.

References

1. Lazarev F. V., Bryus A. Littl. Vselennaya kul'tura: strategemy i tsennosti [Universe Culture: Strategems and Values]. Simferopol', SONAT publ., 2005, p. 191.
2. Mol' A. Sotsiodinamika kul'tury [Sociodynamics of Culture]. Moscow, Progress, 1973, P. 46.
3. Shpengler O. Zakat Evropy [Decline of the West]. Rostov-on-Don, Feniks, 1998, p. 468.
4. Stepin V. S. Filosofskaya antropologiya i filosofiya nauki [Philosophical Anthropology and Philosophy of Science]. Moscow, 1992, p. 191.
5. Bibler V. S. Ot naukoucheniya – k logike kul'tury [From the Science of Knowledge – to the Logic of Culture]. Moscow, Politizdat, 1991, p. 401.
6. Lazarev F. V., Lebedev S. A. Filosofskaya refleksiya: sushhnost', tipy, formy [Philosophical Reflection: the Nature, Types, Shapes]. Voprosy filosofii [Problems of Philosophy], 2016, no. 6, P. 15–28.

УДК 929+16

ГОРОДА И ЛЮДИ В ЖИЗНИ СЕРГЕЯ ИННОКЕНТЬЕВИЧА ПОВАРНИНА

Сохор Т. Е.¹ Тоноян Л. Г.²

¹Санкт-Петербургский государственный университет, Институт Истории, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: sohor@mail.ru

²Санкт-Петербургский государственный университет, Институт Философии, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: tonoyan2003@list.ru

В статье на основе некоторых новых архивных документов воссоздается биография С. И. Поварнина (1870–1952), рассматривается его вклад в науку и в образование России рубежа XIX – XX веков. Поварнин Сергей Иннокентьевич – типичный представитель Серебряного века русской культуры. Философ, литературовед, литературный критик, издатель, педагог, переводчик – он желал непременно внести свой ощутимый вклад в отечественную культуру. В итоге С. И. Поварнин сосредоточил свои усилия на развитии логики и логического образования в России.

Его активная научная и учебная деятельность была прервана в 1923 г. более чем на 20 лет. В 1944 г., когда преподавание логики в нашей стране стало постепенно восстанавливаться, С. И. Поварнин стал первым профессором кафедры логики Ленинградского университета. Хотя память о С. И. Поварнине сохранили многие сотрудники факультета, имя его после смерти снова было почти забыто. Широкую известность оно получило после публикации в 1990 году в № 3 журнала «Вопросы философии» «Спор. О теории и практике спора». С тех пор эта работа была многократно переиздана. Между тем основные работы ученого не переиздавались. В 2015 году сотрудники кафедры логики СПбГУ переиздали наконец все логические труды профессора («С. И. Поварнин. Сочинения». СПб.: Институт иностранных языков, 2015. 800 с.) Издание остальных трудов С. И. Поварнина еще впереди.

В данной статье представлен ранний этап жизни и творчества С. И. Поварнина. Личный архив ученого, потерявшего всех родных и умершего в одиночестве, оказался в итоге на кафедре логики СПбГУ. Изучение этого архива, работа в библиотеках и в различных государственных архивах позволили авторам статьи воссоздать ранний период жизни и творчества С. И. Поварнина. В статье рассказано о людях, которые имели решающее влияние на становление С. И. Поварнина как философа и логика, а также о людях, на которых он сам повлиял.

Ключевые слова: С. И. Поварнин, А. И. Введенский, Н. О. Лосский, В. В. Розанов, Д. С. Лихачев, Санкт-Петербургский университет, история логики в России, логика отношений.

С. И. Поварнин (1870–1952) – один из российских философов, внесших серьезный вклад в логическую науку. Он сумел вырваться из социального слоя «солдатских детей» и перейти в разряд столичной интеллигенции. Замыслам философа не дано было полностью осуществиться, но уже к своему сорокалетию,

Поварнин достиг творческой зрелости, своего акме и успел реализовать некоторые свои начинания. В послереволюционный период изменилось отношение власти к логической науке, а вместе с ним и судьба С. И. Поварнина. Он не был выдворен из страны, как его коллеги по историко-философскому факультету, и не собирался сам ее покидать в последующие годы, ожидая разумных реформ образования и новых возможностей для самореализации в науке. Но этого не произошло: судьба на два десятилетия предначертала ученому развитие в совсем другом виде деятельности – библиотековедении. Только после Великой Отечественной войны для С. И. Поварнина, словно вспышка яркой звезды, появится возможность вернуться к преподаванию логики, но почти сразу за этим наступит период борьбы с космополитизмом, уход из университета и забвение трудов ученого еще на несколько десятилетий.

В *curriculum vitae* С. И. Поварнина встречались совершенно разные люди, которые оставили (или могли бы оставить) воспоминания об ученом, но этого, к сожалению, почти не случилось. В нашей работе мы попытаемся представить тех, с кем общался Сергей Иннокентьевич в разные периоды жизни; вспомнить те города, в которых он проживал, и аура которых повлияла на мироощущения ученого.

Сергей Иннокентьевич Поварнин родился 11(24) сентября 1870 г. в семье военного: отец Иннокентий Егорович (1810–1886)¹ на момент рождения сына был капитаном Брест-Литовской крепостной артиллерии, мать Анна Григорьевна (1834–?) воспитывала шестерых детей. Семья в тот период проживала в Брест-Литовске.

Брест-Литовск (ныне город Брест, Беларусь) имеет очень богатую историю благодаря своему пограничному расположению. Но во второй половине XIX века – это еще небольшой уездный городок, входящий в состав Гродненской губернии, расположенный возле крепости на границе с Польшей. С 1830-х годов крепость укреплялась, стимулируя развитие города: так в 1860 в нем насчитывалось 812 домов и 19 342 жителя, а в 1880 году уже 2 663 зданий и 41 615 жителей. Малая родина оставила в душе Поварнина только детские воспоминаний, в отличие от другого города – Брянска, в который в декабре 1877 года переводят И. Е. Поварнина «с назначением начальником артиллерийской команды». После устройства на новом месте главы семейства в Брянск переезжает вся семья, и маленького Сергея в 1879 г. отец записывает в первый класс Брянской мужской прогимназии².

Из небольшого количества сохранившихся семейных фотографий Поварниных выделяется одна, не подписанная, которая всегда хранилась с необыкновенной бережностью, была упакована в конверт из кальки, – так что даже и сегодня выглядит как новая. На ней изображен глава семейства Иннокентий Егорович Поварнин, бывший военный кантонист, дослужившийся до подполковника, и оказавший огромное влияние на своих сыновей.

¹ РГВИА. Ф. 409. П/с 363–434, л. 17А–25.

² Государственный архив Брянской области (Далее – ГАБО). Ф. 304. Оп. 1. Д. 63. Л. 26–28 с об.; Д. 23. Л. 34–42.

В Брянске семья обзаводится собственным деревянным домом на Петропавловской улице³, ведущей к храму. Во второй половине XIX века «город был ужасающе беден и столь же ленив; город – старинный, один из древнейших в России... Жители же играли в карты... Женщины постоянно пили чай... Городок жил лениво, празднично. Никому ни до кого не было дела. Жил свободно и в этом смысле радостно. Беднел» – вспоминал В. В. Розанов⁴, приехавший в августе 1882 года преподавать историю и географию в Брянскую мужскую прогимназию.

Обучение в прогимназии длилось 4 года, но другого учебного заведения для маленьких детей в городе не было, хотя В. В. Розанов очень неслестно отозвался о ней в «Сумерках просвещения»: «Распушенность доходила... до того, что учитель новых языков, например, только около 20 числа посещал гимназию, и ученики, смеясь, говорили ему это на уроке в глаза, а сам начальник брал с урока преподавателя математики играть к себе в шашки, оставляя класс на надзирателя, и также не скрывая от учеников, зачем берется от них преподаватель. Не удивительно, что ученики, переходившие для окончания курса из этой прогимназии в соседние полные гимназии, за редкими исключениями уже не в силах были в них кончить курс»⁵. С автором этих строк Розановым Сергей Поварнин встретится в Петербурге уже в следующем столетии.

Первым серьезным увлечением С. И. Поварнина, зародившимся в Брянске, была литература и поэзия. Душа юноши была полна впечатлениями и от богатой народной культуры, и природы средней полосы России, и от творчества своего знаменитого земляка – поэта и писателя А. К. Толстого⁶, а недостатки начального обучения выработали в нем стремление к самообразованию⁷. Юноша мечтал продолжить образование в Университете, но впереди были годы обучения в гимназии, прохождение «испытаний» на аттестат.

³ РГВИА. Ф. 409. П/с 363–434, Л. 17А–25; ГАБО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 228.

⁴ Розанов В. В. Богоспасаемый городок: Очерк // Розанов В. В. Собрание сочинений. Т. 27. Юдаизм (Статьи и очерки 1898–1901 гг.) / Под общ. ред. А. И. Николюкина. М.: Республика; СПб.: Росток, 2009. С. 646–647.

⁵ Розанов В. В. Сумерки просвещения // URL: http://dugward.ru/library/rozanov/rozanov_sumerki_prosvechenia.html#002 (Дата обращения: 16.06.2016 г.)

⁶ Это подтверждают рукопись С. И. Поварнина о поэзии А. К. Толстого (1817–1875), обнаруженная в черновиках при разборе его архива, и огромное количество примеров из творческого наследия поэта, которые ученый использует в своих работах. Поварнин С. И. А. К. Толстой. Критические наброски / Публ. и предисл. В. И. Кобзаря и Т. Е. Сохор // Вече: Альманах русской философии и культуры. СПб., 1998. Вып. 11. С. 113–128.

⁷ В фонде Брянской прогимназии сохранилась копия «Свидетельства об окончании курса №312»: «Поварнин Сергей, сын подполковника, вероисповедания православного, родившегося 11 сентября 1870 г., поступил в прогимназию в 1 класс в августе 1879 г., во время обучения пробыл 2 года в 4 классе, окончил полный курс при отличном поведении с оценками: закон Божий 5, русский язык 4, латынь 4, греческий яз. 4, математика 4, немецкий яз. 4, французский яз. 3, география 5, история 5, чистописание 3. Ученик Поварнин пользуется правами окончившего учебное заведение 3 разряда» (ГАБО. Ф. 304. Оп. 1. Д. 14. Л. 63. Л. 26–28 с об. В сохранившем кондуктном журнале прогимназии за 1878–1884 гг. Поварнин не упомянут ни разу, что служит показателем отличного поведения (ГАБО. Ф. 304. Оп. 1. Д. 23). – Как видно, успехи в обучении были не блестящие, и «догонять» одноклассников столичной гимназии Поварнину пришлось интенсивно и самостоятельно.

Дом, где проживала семья Поварниных, находился на улице, получившей свое название от расположенного на ней женского монастыря во имя святых Первоверховных апостолов Петра и Павла. Изначально, с XIII века – мужской, но с 1833 года он становится женским. Нештатный общежительный монастырь располагался на Петровской горе, над рекой Десною, что делало его необыкновенно живописным, располагающим к его посещению. Брянск, в который Поварнин периодически возвращался, жил в его душе звоном колоколов, верой в Бога и, конечно же, родным родительским кровом.

Семья Поварниных придерживалась патриархальных традиций, и Сергей Иннокентьевич всю жизнь оставался верующим человеком. Из сохранившегося письма сестры Клавдии к брату Сергею: «Милый Сережа, мы с мамой недавно были огорчены, знаешь, еще чем: Георгию дала читать твою статью об аскетизме, а Варя, верно, отдала в монастырь, ее и зачитали. Я никак не могу переварить этого – сама статья страшно нам нравилась и утешала меня в моем уединении, а потом твоя милая надпись на книжке, относящаяся к маме, была очень дорога. Мама гордилась, когда чужие читали эту надпись: “Милой маме, научившей меня молиться”»⁸.

Клавдия – младшая сестра Сергея, а книга, о которой она пишет – работа С. И. Поварнина «Об аскетизме», опубликованная на основе публичного доклада, прочитанного им в начале 1911 г. в пользу школы Ораторского мастерства в Санкт-Петербурге, и уже в следующем году опубликованного в приложении к журналу «Русский паломник»⁹. Через шесть лет, в 1918 г., статья «Об аскетизме» войдет в состав сборника «У истоков живой религии», где нашли отражение основные темы, волновавшие Поварнина. Страницы книги наполнены живым религиозным чувством, придающим светлое возвышенное настроение. У многих современников С. И. Поварнина из сферы культуры вера в науку постепенно заменяла веру в Бога, С. И. Поварнин же видел будущее в обновлении религии, в ее синтезе с современной наукой и искусством.

О религиозности Поварнина знали немногие. То, что он не разочаровался в вере, несмотря на удары судьбы и оголтелый государственный атеизм, подтверждает сохранившееся письмо брата Георгия, датированное 1931 годом: «Христос Воскресе! Дорогой мой брат Сережа! Поздравляю тебя со светлым праздником и Милу и желаю всего лучшего и больше всего бодрости духа. <...> Мы, я и Клавдия и бабушка внучат [т. е. жена Георгия – Варвара. – *Авт.*] <...> встретили праздник вместе: они ходили в церковь, а мне из-за обуви не пришлось. Встретились мы и разговелись. Пропели: Христос Воскресе. Дети же спали. А Манечка отсутствовала. У нее была нагрузка. Заставили ее “добровольно” быть режиссером над драматическим кружком учеников школы и ехать с ними в село Толмачево, где и разыграть антирелигиозную вещь. Вернулась только в 12 часов утра, не евши, и уставшая. Боялись мы за нее, как бы что не случилось. В этом селе как раз перед Пасхой закрыли церковь и народ злобствовал. Распорядитель их экскурсии держал наготове револьвер, а ей сказал отойти от окна: “А то кто-нибудь

⁸ Об этом напомнила С. Поварнину его сестра Клавдия в письме (Личный архив авторов статьи).

⁹ Поварнин С. И. Аскетизм (его сущность и оправдание) // Светоч (прилож. к журналу «Русский паломник»). 1912. Кн. 2. С. 277–318.

из проходящих не выстрелил бы в окно или не ударил в окно палкой!” Впрочем, все обошлось благополучно. <...> Ты пишешь, что некуда в церковь сходить. Это положение предстоит и нам. <...> Поэтому я считаю, что как не прискорбны все отчаяния, настроения и огорчения, но надо с ними мириться, не унывать, помнить, что бывало и хуже, и церковь не погибала. Ободришь мой милый Сережа! Не нам седовласым старцам унывать от ухищрений Князя Мира сего. Целую и обнимаю тебя и Милу и желаю всех благ»¹⁰. Без сомнения, вера в Бога и смирение помогли С. И. Поварнину выжить в самые трудные для него годы.

Но вернемся назад, в 1884 год, когда Сергей Поварнин закончил прогимназию, и надо было решать, где продолжать обучение: в губернском Орле или в Санкт-Петербурге. Первый находился ближе к родному дому, второй – далекий и столичный, притягивал богатой культурой, блестящими учебными заведениями, широкими возможностями. Выбор С. И. Поварниным был сделан раз и навсегда – Санкт-Петербург!

В 1890 г. Поварнин зачисляется на отделение восточных языков в Императорский Санкт-Петербургский университет¹¹, но бедность, сопровождавшая Сергея Иннокентьевича, и тут дала о себе знать: оплачивать обучение было нечем. Отчаявшись, он возвращается в Брянск, поступает вольнонаемным в Дорогобужский пехотный полк, пытаясь найти себя в военной карьере¹².

Несколько лет, проведенные в кругу семьи, дали возможность Поварнину определиться: любовь к литературе, желание получить образование и реализовать себя на этом поприще пересилили и вернули его в Петербург. Листок, с написанными в горькие дни строками стихотворения «Будь проклята навек столица! Ты все надежды отняла...» Поварнин хранил всю свою жизнь: как напоминание о минутной слабости и желании «сложить оружие без борьбы».

В 1895 году он подает прошение в Канцелярию университета о зачислении его на историко-филологический факультет¹³. Понимая, что придется оплачивать обучение, Поварнин начинает много и усиленно работать в различных журналах и газетах, публикуя критические работы на темы современной русской литературы, библиографические обзоры, свои стихи¹⁴. Слушая университетские лекции, он одновременно занимается самообразованием, и в 1900 году, завершая университетское образование, получает золотую медаль и диплом первой степени¹⁵. За проявленные в учебе успехи он был оставлен для подготовки к профессорскому званию¹⁶, еще через несколько лет отправлен за границу¹⁷.

¹⁰ Личный архив авторов статьи.

¹¹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 279557. Л. 1.

¹² Там же. Л. 10.

¹³ Там же Л. 27.

¹⁴ Библиография работ С. И. Поварнина // Поварнин С. И. Сочинения. СПб., 2015. С. 777–782.

¹⁵ Журнал заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1900 год. СПб., 1901. С. 25–26.

¹⁶ ЦГИА СПб. Ф. 14. Д. 16335. Св. 1142.

¹⁷ Архив МАПО. Личное дело № 12000. Л. 11.

В 1907–1914 годах Поварнин принимал участие в большом проекте «Словарь литературных типов», сначала в качестве сотрудника, а позднее в качестве главного соредактора. Главным редактором выпусков словаря был Николай Носков – однокашник Поварнина, профессиональный редактор и журналист, в дальнейшем его друг и коллега. На выход первых выпусков последовал шквал хвалебных рецензий в журналах и газетах того времени. Но самая весомая рецензия принадлежит перу маститого русского религиозного философа В. В. Розанова в газете «Новое время»: «Все в нем полно, умно, заботливо и – не расплывчато, без лишних слов (самая опасная сторона в подобных изданиях). “Словарь” – крепко, туго сколочен»¹⁸. Тот самый Розанов, который в 1880-е годы в Брянске обучал маленького Сергея начаткам географии, дает в 1911 г. блестящую характеристику работе Н. Носкова и С. Поварнина: «полнота “типов” – исчерпывающая»¹⁹.

С. И. Поварнин в политической жизни участия не принимал никогда, помня, как дорого далось ему получение образования. Оставаясь всю жизнь скромным, честным и деликатным человеком, он, переживший в юности свою личную драму на почве поиска истины, надежд на воплощение грандиозных общественных идей и собственных смелых замыслов, вряд ли понимал необходимость «разрушения до основания» старого установленного порядка вещей. Дистанцирование от политических баталий и полное принятие взглядов своего учителя А. И. Введенского, увеличивало пропасть между ним и его коллегами по университету, возможная дружба с которыми была так близка. Научная дискуссия между С.И. Поварниным и Н. О. Лосским, которая была спровоцирована Введенским, постепенно превращалась в откровенное противостояние, выковывая у Поварнина практический опыт аргументации. Этот опыт не мог не сказаться при написании его классического труда – «Искусство спора»²⁰.

Основной вклад в логику С. И. Поварнин внес магистерской диссертацией «Логика. Общее учение о доказательстве» (1915) и исследованием «Логика отношений. Ее сущность и значение» (1917). В своем подходе автор выделяет три взаимосвязанные, но разные по задачам, теории в логике. Первая – гносеологическая: ее образцом является логика А. И. Введенского. Вторая – теоретическая: ее образцом служит «Классификация выводов» М. И. Каринского, главной задачей которого было исследование умозаключений и доказательств. Поварнин относил сюда свою «Логика отношений», а также символическую (математическую) логику, отмечая при этом односторонность ее дедуктивного метода. Третья теория – практическая: в ней анализируются доказательства для использования этих результатов в научных исследованиях, в ораторском и «диалектическом» искусстве.

Опираясь на трехчленное представление суждения (субъект, предикат и отношение), Поварнин строит новую теорию умозаключения, теорию доказательства, предпочитая логику в целом определять как теорию вывода. В современной ему логике автор видит преимущественно несиллогистическую

¹⁸ Розанов В. В. Литературные типы // Новое время. 1911. 15 января. №12516, прилож.

¹⁹ Там же.

²⁰ Поварнин С. И. Искусство спора. Пг., 1923.

логику, – именно такая ее ориентация представлялась ему новаторским русским вкладом в разработку и переосмысление логики, осуществленным М. И. Каринским, Л. В. Рутковским и Н. Я. Гротом. Поварнин считал, что традиционное деление суждения на субъект и предикат является помехой, не позволяющей корректно и просто, без натяжек укладывать разнообразные рассуждения в ложе категорического силлогизма. Посему, логику обычного рассуждения без среднего термина лучше интерпретировать как «логику отношений». Позаимствовав из логики термин «логика отношений», Поварнин придал этому выражению иное, чем в математической логике значение: «Логика отношений» – учение о логическом замещении, упрощающее анализ многих доказательств и применение формул к частным случаям. Оно позволяет связать «непосредственные» умозаключения с «опосредованными», с категорическими и условными умозаключениями, показав их родство. В этом Поварнин усматривал научную новизну своего исследования.

О преподавании Поварнина в университете в 1920-е годы оставил воспоминания Д. С. Лихачев: «Из занятий в университете больше всего давали мне не “общие курсы” (они почти и не читались), а семинарии и просеминарии с чтением и толкованием тех или иных текстов. Во-первых, занятия по логике. С первого курса я посещал практические занятия по логике профессора А. И. Введенского <...> Когда лекции и занятия А. И. Введенского прекратились, один из наших “взрослых” студентов, помню – из числа участников гражданской войны – организовал группу по занятиям логикой на квартире у профессора С. И. Поварнина, автора известного учебника логики. Мы ходили к нему и читали в русском переводе “Логические исследования” Гуссерля, изредка для лучшего понимания текста обращаясь к немецкому оригиналу. Поварнин неоднократно повторял нам: языки надо знать хотя бы немного, хотя бы постоянно прибегая к словарю, ибо переводчикам научных и технических книг доверять нельзя. И это мы ощущали»²¹. Сам Сергей Иннокентьевич прекрасно владел тремя иностранными языками, двумя классическими и немного санскритом.

В 1924 году С. И. Поварнин уходит из университета, так как логика и философия перестают преподаваться в высших учебных заведениях. В последующие годы Поварнин испытывал огромные материальные трудности: подрабатывал в Публичной библиотеке, Педагогическом институте, библиотеке Института мозга, Институте «Живого слова», на курсах Техники речи и пр., но все это лишь давало возможность еле-еле сводить концы с концами.

В 1926 г. он получает место заведующего фундаментальной библиотекой Государственного Института до усовершенствования врачей (ГИДУВ)²². Наступивший с рубежом 1926/1927 годов пятнадцатилетний период жизни С. И. Поварнина – самый спокойный и стабильный в его многострадальной судьбе: он занимался делом, которое прекрасно знал и любил – библиотковедением. В период до 1944 года он полностью отдает себя работе в библиотеке.

²¹ Лихачев Д. С. Книга беспокойств: Воспоминания, статьи, беседы. М., 1991. (http://svitk.ru/004_book_book/16b/3559_lihahev-kniga_bespoikostv.php Доступно 16.06.2016).

²² Архив СПбГУ. Личное дело С. И. Поварнина. Л. 21.

О библиотекарях пишут мало, работа их тиха и незаметна, однако история сохранила для потомков несколько скупых, но весьма емких строк о том, что сделал для библиотеки ГИДУВа Сергей Иннокентьевич. «При нем начинается заново составляться алфавитный каталог, происходит инвентаризация книг, предпринято составление систематического указателя, схему которого разработал Поварнин. В 1928 г. разработан предметный указатель. Созданы передвижные библиотеки на кафедрах. Открыт межбиблиотечный абонемент»²³.

С началом блокады Ленинграда работа в библиотеке ГИДУВа была приостановлена, жалование не платилось. В марте 1942 г. от голода умирает супруга Поварнина – Милица Григорьевна, с которой они прожили более сорока лет. Для Сергея Иннокентьевича это было непоправимым несчастьем, и только младший брат Константин²⁴ (по специальности врач) сумел выходить и поставить его на ноги, отправив его сначала на лечение в госпиталь, а потом помочь с устройством на работу на биологическую станцию Физиологического института в Колтушах²⁵.

В августе 1944 г. Поварнина приглашают на философский факультет для преподавания логики на должность профессора! В СССР кафедры логики открылись лишь в 1947 году, когда логика стала вводиться в среднюю школу. Сказать, что за все годы «отлучения от университета» С. И. Поварнин не думал о формальной логике – нельзя. Просто время было не только против него самого, но и против формальной логики. Она объявлялась враждебной революционной теории рабочего класса, «служанкой метафизики и буржуазии». В вышедшем в 1938 году знаменитом «Кратком курсе истории ВКП (б)» С. И. Поварнин в разделе «О диалектическом и историческом материализме», написанном И. Сталиным, нашёл нужный «аргумент» для обоснования важности проблемы, изучаемой формальной логикой, и, воспользовавшись им, написал теоретическую работу «Логические исследования». В марте 1939 года, используя данный аргумент, он пишет письмо И. В. Сталину, в котором рассуждает об умении анализировать и проверять выводы и доказательства, предлагает «начать исследование заново», восстановив изучение логики: «Вам так дорого развитие науки и мысли в СССР. Может быть, Вы найдете правильным и своевременным как-нибудь столкнуть и этот вопрос с мертвой точки»²⁶. Насколько письмо Поварнина повлияло на этот процесс, судить трудно, но статус логики как учебной дисциплины вскоре был восстановлен. Война и идеологическая предвзятость лишь затормозили возвращение формальной логики в образовательный процесс.

²³ 75 лет Ленинградского государственного ордена Ленина института усовершенствования врачей им. С.М. Кирова. (1885–1960): Сб. материалов / ред. колл.: С.Н. Давиденков и др. Л., 1960. С. 348.

²⁴ Сохор Т. Е. Константин Иннокентьевич Поварнин – ученый, врач, педагог // Я.(А. Слинин) и Мы: к 70-летию профессора Ярослава Анатольевича Слинина. СПб., 2002. С. 633–641.

²⁵ ПФА РАН. Ф. 895. Оп. 3. Д. 876. Л. 9–10.

²⁶ Письмо С. И. Поварнина И. В. Сталину опубликовано: *Бачманов В. С.* С. И. Поварнин и его работа над проблемой соотношения формальной логики и диалектики в 1929–1944 гг. // *Вопросы диалектики и логики.* Л., 1971. Вып. 2. С. 89–92; *Кобзарь В. И.* Смысл жизни по Сергею Иннокентьевичу Поварнину // Санкт-Петербургский университет. 1996. № 20(3425), сентябрь 18. С. 13–14.

После выхода в 1946 году постановления ЦК ВКП(б) о преподавании логики и психологии в средней школе возникла и проблема педагогических кадров²⁷. В 1947 году на пяти философских факультетах университетов, а также и на 15 факультетах языка и литературы педагогических институтов были открыты отделения логики. Сразу же, с 1 сентября была организована и аспирантура по логике. Появившиеся после войны кафедры логики продолжают существовать до сих пор, а логика как учебная дисциплина, и как наука продолжает плодотворно развиваться. В истории Санкт-Петербургского университета память о С. И. Поварнине навсегда сохранится как имя первого профессора логики, прямого продолжателя традиций логико-философской школы Императорского Санкт-Петербургского университета.

Список литературы

1. 75 лет Ленинградского государственного ордена Ленина института усовершенствования врачей им. С. М. Кирова (1885–1960): Сб. материалов / ред. колл.: С. Н. Давиденков и др. – Л., 1960. – С. 348.
2. Бажанов В. А. Партия и логика. К истории одного судьбоносного постановления ЦК ВКП(б) 1946 года // Логические исследования. – М., 2005. – Вып. 12. – С. 32–49.
3. Бачманов В. С. С. И. Поварнин и его работа над проблемой соотношения формальной логики и диалектики в 1929–1944 гг. // Вопросы диалектики и логики. – Л., 1971. – Вып. 2. – С. 89–92.
4. Библиография работ С. И. Поварнина // Поварнин С. И. Сочинения. – СПб., 2015. – С. 777–782.
5. Журнал заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1900 год. – СПб., 1901. – С. 25–26.
6. Кобзарь В. И. Смысл жизни по Сергею Иннокентьевичу Поварнину // Санкт-Петербургский университет, 1996. – № 20 (3425). – сентябрь 18. – С. 13–14.
7. Кобзарь В. И. Сохор Т. Е. Тонян Л. Г. «Неизвестный мир» С.И. Поварнина // Поварнин С. И. Сочинения. – СПб., 2015. – С. 5–20.
8. Лихачев Д. С. Книга беспокойств: Воспоминания, статьи, беседы. М., 1991. – URL: http://svitk.ru/004_book_book/16b/3559_lihahev-kniga_bespokeystv.php. (Дата обращения: 16.06.2016).
9. Поварнин С. И. А. К. Толстой. Критические наброски / Публ. и предисл. В. И. Кобзаря и Т. Е. Сохор // Вече: Альманах русской философии и культуры. – СПб., 1998. – Вып. 11. – С. 113–128.
10. Поварнин С. И. Аскетизм (его сущность и оправдание) // Светоч (прилож. к журналу «Русский паломник»), 1912. – Кн. 2. – С. 277–318.
11. Поварнин С. И. Искусство спора. – Пг., 1923. – 128 с.
12. Розанов В. В. Богоспасаемый городок: Очерк // Розанов В. В. Собрание сочинений. Т. 27. Юдаизм (Статьи и очерки 1898–1901 гг.) / Под общ. ред. А. И. Николюкина. – М.: Республика; СПб.: Росток, 2009. – С. 646–647.
13. Розанов В. В. Литературные типы // Новое время, 1911. – январь 15. – №12516, прилож.
14. Розанов В. В. Сумерки просвещения. URL:http://dugward.ru/library/rozanov/rozanov_sumerki_prosvechenia.html#002. (Дата обращения: 16.06.2016 г.)
15. Сохор Т. Е. Константин Иннокентьевич Поварнин – ученый, врач, педагог // Я. (А. Слинин) и Мы: к 70-летию профессора Ярослава Анатольевича Слинина. – СПб., 2002. – С. 633–641.

²⁷ Бажанов В. А. Партия и логика. К истории одного судьбоносного постановления ЦК ВКП(б) 1946 года // Логические исследования. Вып. 12. М., 2005. С. 32–49.

Sokhor T. E., Tonoyan L. G. Cities and People in the Life of Sergey Innokentyevich Povarnin // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2016. – Vol. 2 (68). – № 4. – P. 56–66

In this article we reconstructed the biography of S. I. Povarnin (1870–1952), based on some new archive documents, we consider his contribution to the education and science in Russia on the border of the 19-20 centuries. It tells about the people who had significant influence on development of S. I. Povarnin as a philosopher, logician, author of an original logic system, called by him Logic of Relations, and author of a well known book *Dispute. The Theory and Practice of Dispute*.

Sergey Innokentyevich Povarnin is a typical representative of the Silver Age of the Russian culture. He is a philosopher, a literary critic, an editor, a teacher and a translator. As a result of his multilateral activities, S. I. Povarnin focused his efforts on the development of logic and logical education in Russia.

His active scientific and educational activity was interrupted in 1923 due to the termination of teaching of logic in the country. Only in 1944, when the teaching of logic in our country was being slowly recovered, S. I. Povarnin became the first professor of the department of logic of The Leningrad University. He taught logic for a short period of time from 1944 to 1947, but became an important link between a philosophical-logical school of M. I. Vladislavlev (1840-1890) (which was started in 19th century) and the modern school of the department of logic of the St. Petersburg State University. Although the memory of the S. I. Povarnin was kept by many faculty members, his name was again almost forgotten for a long time. He became widely known after the publication of his work *Dispute. The Theory and Practice of Dispute in the Problems of Philosophy journal*, No. 3, 1990. Since then, the book has been reprinted many times. Meanwhile, the main works of the scientist were not reprinted. In 2015, members of the department of logic of the St. Petersburg State University finally published the works on logic of the professor (S. I. Povarnin. Works." SPb.: Institute of Foreign Languages, 2015. 800 pp.).

This article presents an early stage in the life and work of S. I. Povarnin. The personal archive of the scientist, who lost all his family and died alone, was eventually brought to the Department of logic of the St. Petersburg State University. A study of his archive, the work in the libraries and various state archives enabled the authors of the article to reconstruct the early period of the life and work of S. I. Povarnin. The article tells about the people who had a decisive influence on the formation of S. I. Povarnin as a person, as a philosopher and a logician. Attention is drawn to the city, in which he lived, and which influenced his fate. S. I. Povarnin was born in Brest-Litovsk, spent his childhood and youth in Bryansk, and all further life he lived in St. Petersburg. In Bryansk the first serious hobby of S. I. Povarnin appeared – it was poetry and literary criticism. His inchurching also happened there. Povarnin remained a lifelong believer, despite the blows of fate. This is evidenced by his article *On Asceticism* (1912), which became later a part of the collection *At the Origin of Living Religion*" (1918). Povarnin came to St. Petersburg at the end of the 1880s, and for a couple of years later he was enlisted in the Imperial St. Petersburg University. He worked in magazines and newspapers, published critical articles, bibliographical reviews and his poems to pay for his tuition. At the same time he worked a lot on the theme of his thesis *Logic. General Theory of Proof*", the study *The Logic of Relations. Its Essence and Meaning*, and other works on logic. By the beginning of the events of 1917, S. I. Povarnin became a unique scholar and logician, who could have become a future classical author of the logical argumentation theory.

Keywords: S. I. Povarnin, A. I. Vvedensky, N. O. Lossky, V. V. Rozanov, D. S. Likhachev, Saint-Petersburg University, history of logic in Russia, logic of relations

References

1. 75 let Leningradskogo gosudarstvennogo ordena Lenina instituta usovershenstvovaniia vrachei im. S. M. Kirova [75 Years of the Leningrad State Order of Lenin Institute of Improvement of Doctors named after S. M. Kirov]. (1885–1960): Sb. Materialov, ed. S. N. Davidenkov i dr. Leningrad, 1960, p. 348.

2. Bazhanov V. A. Partiia i logika. K istorii odnogo sud'bonosnogo postanovleniia TsK VKP(b) 1946 goda [Party and Logic. The History of One Fateful Decree of the Central Committee of the CPSU(b), 1946]. Logicheskie issledovaniia [Logical Investigations], 2005, no. 12, P. 32–49.
3. Bachmanov V. S. S. I. Povarnin i ego rabota nad problemoi sootnosheniia formal'noi logiki i dialektiki v 1929–1944 gg. [S. I. Povarnin and His Work on the Problem of the Relation of Formal Logic and Dialectics in the 1929–1944 years] Voprosy dialektiki i logiki [Questions Dialectics and Logic]. Leningrad, 1971, no. 2, P. 89–92.
4. Bibliografiia rabot S. I. Povarnina [Bibliography of S. I. Povarnin]. Povarnin S. I. Sochineniia. St. Petersburg, 2015, P. 777–782.
5. Zhurnal zasedanii Soveta Imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo universiteta za 1900 god [Board Meetings Journal of the Imperial University of St. Petersburg, 1900]. St. Petersburg, 1901, P. 25–26.
6. Kobzar' V. I. Smysl zhizni po Sergeiu Innokent'evichu Povarninu [The Meaning of Life for Sergei Innokentevich Povarnin]. Sankt-Peterburgskii universitet [St. Petersburg State University]. 1996, no. 20 (3425), September 18, P. 13–14.
7. Kobzar' V. I. Sokhor T. E. Tonoian L. G. «Neizvestnyi mir» S. I. Povarnina [“Unknown World” S. I. Povarnin]. Povarnin S. I. Sochineniia. St. Petersburg, 2015, P. 5–20.
8. Likhachev D. C. Kniga bespokoistv: Vospominaniia, stat'i, besedy [The Book Concerns: Memories, Articles, Interviews]. URL: http://svitk.ru/004_book_book/16b/3559_lihahev-kniga_bespokoistv.php (Accessed: 16.06.2016).
9. Povarnin S. I. A. K. Tolstoi. Kriticheskie nabroski [Critical Sketches]. Publ. i predisl. V. I. Kobzaria i T. E. Sokhor. Veche: Al'manakh russkoi filosofii i kul'tury [Veche: Almanac of Russian Philosophy and Culture]. St. Petersburg, 1998, no. 11, P. 113–128.
10. Povarnin S. I. Asketizm (ego sushchnost' i opravdanie) [Austerity (Its Essence And Justification)]. Svetoch (prilozh. k zhurnalu «Russkii palomnik»). [Candle (App. To the "Russian Pilgrim" magazine)]. 1912, Vol. 2, P. 277–318.
11. Povarnin S. I. Iskusstvo spora [The Art of Debate]. Petrograd, 1923, 128 p.
12. Rozanov V. V. Bogospasaemyi gorodok: Ocherk [God-preserved town: Essay]. Rozanov V. V. Sobranie sochinenii. Vol. 27. Iudaizm (Stat'i i ocherki 1898–1901 gg.) [Judaism (Articles and Essays 1898–1901.)]. Pod obshch. red. A. I. Nikoliukina. Moscow, Respublika; St. Petersburg, Rostok, 2009, P. 646–647.
13. Rozanov V. V. Literaturnye tipy [Literary Types]. Novoe vremia [New Time]. 1911, January 15, no. 12516, app.
14. Rozanov V. V. Sumerki prosveshcheniia [Twilight of the Enlightenment]. URL: http://dugward.ru/library/rozanov/rozanov_sumerki_prosvechenia.html#002. (Accessed: 16.06.2016)
15. Sokhor T. E. Konstantin Innokent'evich Povarnin – uchenyi, vrach, pedagog [Konstantin Innokentievich Povarnin – Scientist, Doctor, Teacher]. Ia.(A. Slinin) i My: k 70-letiiu professora Iaroslava Anatol'evicha Slinina [I (A. Slinin) and We: the 70th Anniversary of Professor Yaroslav Anatolyevich Slinin]. St. Petersburg, 2002, P. 633–641.

УДК:130.2

МЕТАМОРФОЗЫ ПОСТАНТИЧНОСТИ

Шоркин А. Д.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: alexshorkin@mail.ru

В настоящей статье рассмотрены два периода мировой динамики инноваций (V–IX вв. н. э. и IX–XV вв. н. э.). Подчеркивается, что первый период в значительной мере был определён процессами становления постантичного мира – христианского общества и мусульманской уммы. Наряду с набравшим мощь христианством родилась новая мировая религия – ислам, в Европе прочно сложился новый гуманитарный идеал христианской святости. Появилась первая печатная книга, началось производство пергамента. Среди важных инноваций отмечены: технологии приподнятых полей и террасного земледелия, открытие и распространение ветряных мельниц и корабельного руля, технологии производства фарфора и сахара. В качестве особенности данного периода подчеркивается тенденция снижения среднегодовой инновационной продуктивности, которая достигала лишь чуть более половины средневзвешенной продуктивности осевого времени. Анализируются причины указанной тенденции, в числе которых отмечается роль, которую сыграл отказ «язычников» и «варваров» от ряда избыточных для их традиции античных технологий¹.

Последующий этап характерен заметным ростом технологической активности. К рубежу XII–XIII веков средневековая культура достигает своего расцвета. К лидирующим инновациям периода автор относит: технологии рыцарства и эмпирические инновации поздней схолии, введение трёхпольной системы земледелия, оснащение лошадей хомутами и подковами, использование угля и распространение доменных печей, появление огнестрельного оружия и первых мануфактур, механизация текстильного производства, вытеснение бартера монетарными отношениями. Демократические технологии, строительные технологии новой урбанизации в Европе представлены инновациями становления городского самоуправления, возникновением сословия лавочников и купцов, готическими строениями и башенными механическими часами, витражами и каминами. В качестве важной особенности второго периода отмечается тенденция роста годовой нормированной инновационной продуктивности, которая в сравнении с предшествующим периодом выросла примерно в три с половиной раза, и почти вдвое превзошла продуктивность осевого времени. Автор делает вывод, что именно благодаря тенденции роста инновационной продуктивности Средиземноморская культура пережила крах Римской империи и Западная Европа превратилась из отсталой зоны в интенсивно развивающийся регион, который в отдельных сферах стал к концу этапа даже лидировать в сравнении с достижениями дальневосточного и азиатского регионов.

¹ Понятие «технология» автор ограничивает областью средств техники, тогда как более широкое понятие «технологии» относятся также к сферам гуманитарных и социокультурных установлений (см. первую из данной серии статью автора «К истории технологической оснащённости человечества» в «Учёных записках Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Философия. Политология. Культурология», Том 1 (67), 2015, №1).

Ключевые слова: христианское общество, рыцарство, мусульманская умма, бомбарды, пополаны, лидирующие технологии, инновационная продуктивность.

СТАНОВЛЕНИЕ ХРИСТИАНСКОГО ОБЩЕСТВА И МУСУЛЬМАНСКОЙ УММЫ (V-IX ВВ. Н. Э.)

Четырёхсотлетний период с V по IX века был редким этапом истории, на котором прирост технологических новаций оказался более низким, чем на предшествующем этапе. Идеологи Возрождения и Просвещения зачислили его в «тёмные века» клерикальной догматики, преследования науки и всякого инакомыслия. Как «провал культурной динамики», происшедший с недостатком эмпирических технологий, его по традиции характеризует Питирим Сорокин, происшедшие со времён античности перемены в литературе нередко именуется «катастрофическими». Действительно, согласно нашим подсчётам, годовая инновационная продуктивность, нормированная на количество людей, тогда составляла лишь немногим больше половины продуктивности осевого времени. Она снизилась даже в сравнении с предшествующим, также неблагоприятным, периодом (когда число ежегодных продуцируемых новшеств в сопоставлении с осевым временем сократилась на треть).

Однако причины этого несомненного застоя всё же, на наш взгляд, не сводятся к господству спекулятивного мышления и клерикальной догматики: новые церковные институты того времени просто не имели того практического влияния, которое им приписывается. За IV и V века сложился, конечно, новый гуманитарный идеал, в котором христианский святой уверенно вытеснял прежнего философа и книжника. Но вплоть до VIII века христианство в основном оставалось религией только восточной, грекоговорящей части империи. Рим сокрушили не христиане, а кочевники восточных степей и язычники Северной Европы. Они-то и провели новую селекцию технологий: из античных техник оставили нужные для вооружения и, отчасти, строительства; предметы быта привели к своим невзыскательным стандартам, декоративный дизайн и прочие искусства свели к минимуму. Социальные и гуманитарные античные технологии в основном были заменены германцами и готами своими, издавна сложившимися на более ранних этапах. Некоторые исследователи фиксируют даже период «оживления» придворной культуры, связанный с Остготским и Вестготским «возрождениями» VI и начала VII веков [8]. То есть, главная причина стагнации состояла не в засилье церковной спекулятивной догматики, а в отказе от части античного наследия в пользу традиционного.

Христианские общины, разделённые десятками конкурирующих толкований «таинств веры», тогда не составляли единой силы. Когда предоставлялась возможность, они, правда, с охотой крушили идолов многобожия и вводящие в грех похоти скульптуры, соскребали безнравственные фрески и жгли свитки с идеологически непотребными текстами. Античные памятники пострадали от христиан, скорее всего, больше, чем от поборников ислама. Мусульмане располагали для этого меньшим (на несколько столетий) временем, а также, в силу

особенностей арабской философии, они менее агрессивно отнеслись к античным текстам.

Хозяйственный упадок, таким образом, в Средиземноморье был в основном вызван не клерикальными происками, а отказом от ряда технологий античности теми «варварами», которые победили Римскую империю. Упадку способствовали мощные процессы миграций народов, ранее удерживаемых на своих территориях технологиями имперского порядка. До трети полей в эти столетия оставались невозделанными вовсе не потому, что люди забыли, как это делается, а вследствие «порчи» (Э. Роттердамский) социальных условий. Голодные люди перекрывали торговые пути разбойничьими шайками. Между разобщёнными регионами не прекращались военные распри.

В планетарном масштабе эти средиземноморские коллизии, однако, были бы менее заметны, если бы в густонаселённом Китае с III века также не началась деструктивная полоса раздробленности страны и вооружённых междоусобиц. И там традиционные технологии конфуцианства начинают терять авторитет, внимание образованных слоёв общества притягивают даосизм и буддизм. По распространению буддизма здесь можно судить о степени инакомыслия и о развитии смуты. В конце III века некий выходец из Восточного Туркестана умудрился организовать крупный буддийский центр в столице одного из государств Китая, а расцвет социальной деструкции и, синхронно, буддизма (отчасти всё же приспособленного к китайским традициям) приходится на VI–VIII века.

Тем не менее, в планетарном масштабе количество технологий продолжало прирастать, хотя и меньшими темпами. В Китае была найдена технология фарфора, начал применяться корабельный руль современного типа, впервые была отпечатана, а не переписана книга. Индийцы открыли секрет изготовления сахара, арабы оснастили водяные часы циферблатом и стрелкой. На Юкатане майя разработали систему террасного земледелия и технологию приподнятых полей, использовали оригинальные технологии строительства многочисленных городов и храмов, создали точный календарь, в котором учтена тонкая небесная механика, солнечные и лунные затмения. В Европе, к западу от Пиренеев, появились ветряные мельницы, а народы, обитающие к северу от Альп, заменили импортируемый папирус технологией пергамента. На полях Средиземноморья появились новые, колёсные плуги. Человечество отнюдь не погрузилось тогда, вопреки нередким упрёкам, во «тьму невежества» или в состояние «летаргического сна».

Неспорные эти коллизии технологической активности, присущие данному этапу, в культуре Средиземноморья оказались комплементарными процессам становления христианского и мусульманского обществ, которые складывались как метаморфозы античного мира.

Гонитель христиан Диоклетиан развалил Римскую империю на восточную её часть и западную, что через два с половиной столетия парадоксально оказалось обстоятельством, способствующим становлению новой, теперь уже первой христианской империи. После церковных соборов в Эфесе и Халкедоне, когда непреодолимость теологических разногласий в христианстве стала очевидной, константинопольские первосвященники при поддержке императоров сумели

перехватить у римских епископов верховный статус. Византийская империя вполне сложилась, тогда как латинской церкви второй половины V века в условиях упадка Западной Европы и политического ничтожества Рима ещё предстоял трудный путь грядущего объединения народов. Новую гуманитарную технологию как обновлённую доктрину католического христианства в начале этапа создал гиппонский епископ Августин. Однако только ближе к концу VIII века благодаря инициативам времён Карла Великого Западная Европа начинает обретать целостность и постепенно превращается в новый, особый тип общества.

В начале этапа её в основном населяли мелкие сельскохозяйственные общины, конституированные кровнородственными связями, спецификой языческих религиозных представлений и сотнями разных языков. Прежние города за ненадобностью опустели, несколько их сотен вообще обезлюдели; если Константинополь превратился в крупнейший город Евразии, то население Рима сократилось к концу VII века в десятки раз. До VIII века политическая карта региона оставалась аморфной и текучей. К X веку, однако, начинает складываться география современной Западной Европы – национальных территорий, которые объединены идеологией, управлением и языком. По сути, франки сумели колонизировать Европу, используя преимущества социальной новации феодального общества, которое оказалось эффективным при сосредоточении жизни в сельской местности (не только крестьян, но также монастырей, аристократии и франкских королей). Крестьяне надёжно закреплялись на землях, подчинённым суверенам (графам), грамотные христиане исполняли должностные обязанности в централизованной системе сбора налогов и иных государственных служб. Разнообразные договоры пронизывали все слои общества. С некоторым преувеличением исследователи зачастую противопоставляют прежнюю (до VIII века) «невежественную» эпоху Меровингов – «Каролингскому ренессансу». К концу IX века, таким образом, в Западной Европе, которая издавна, постоянно и заметно уступала Востоку в экономическом и политическом развитии, был заложен фундамент процветания. Государство уже могло успешно позиционировать себя в качестве модели для подражания: прочная, эффективно организованная христианская империя, двор сюзерена, где ценятся благочестие и учёность.

Экспансионистским устремлениям как западной, так и восточной христианских империй противостояли экспансионистские амбиции другой из постантичных метаморфоз – арабского и персидского мусульманских халифатов. Арабско-мусульманская экспансия началась после первой трети VII века быстрым покорением Аравийского полуострова, большей части территорий восточного Средиземноморья, где ранее доминировало или успешно распространялось христианство. Сфера влияния Византии резко сократилась. На протяжении шести десятилетий Константинополь дважды (правда, безуспешно) подвергался осаде, а территории Византии заметно съёжились, окружные кольцом враждебных сил. Её североафриканские города были потеряны при проходе исламских войск к Испании. Экспансии же западных франков дамаский халифат Омейядов ко второй трети VIII века противопоставил захват Пиренейского полуострова. Аббасиды, которые вскоре перевели столицу халифата из Дамаска в Багдад, многие столетия сохраняли все эти

завоевания, хотя и не слишком стараясь их расширить. Ибо в фокусе интересов халифов оказалось восточное направление – Месопотамия и Персия, через чьи земли пролегал шёлковый путь в Китай. Возможно, это продлило жизнь Византии и частично обезопасило судьбы Западного христианского мира. Но вследствие этой политики халифата контакт с дальневосточными культурами для европейцев был почти полностью блокирован, – так же, как были блокированы и новшества народов Ближнего Востока, свободно транслируемые ранее в Европу на протяжении многих тысячелетий. После середины VIII века взаимная изоляция разных культур заметно возросла.

Одним из известных символов непростых коллизий метаморфоз постантичного мира и лидирующих технологий данного этапа является история сакрального комплекса Ай София.

В VI веке знаменитый собор святой Софии украсил столицу христианской Византии, которая всегда настойчиво позиционировала себя в качестве преемницы и наследницы Рима. В невиданно короткие сроки, за пять лет этот новый тип храма, размерами превышающего все выдающиеся римские сооружения, был создан и воплощён греческими архитекторами из Милета. Из Рима и Эфеса, из Фригии, Нумидии и Фессалии, со всех сторон в Константинополь приходили транспорты с колоннами и отделочными материалами разбираемых античных храмов, с выдающимися произведениями античных каменотёсов и скульпторов. В его строительстве применили множество новейших техник: центральный купол был сложен легчайшими горшками из Родосской глины, известь приготавливалась на ячменной воде, цемент – с добавлением масла. Через его сорок окон в нижней части купола свет продуманно заливал храм, где его сияющее драгоценное убранство создавало нужное впечатление ослепительного и вечного великолепия. Спустя девять столетий в турецком Стамбуле этот комплекс, однако, был дополнен минаретами и переоборудован в мечеть – не менее величественную и прекрасную. Христианский мир и более поздняя метаморфоза античности – мусульманская умма одинаково активно, хотя и выборочно, осваивали античное наследие, остро конкурировали в борьбе за умы и сердца, за территории и сферы влияния.

В качестве лидирующих инноваций данного периода, таким образом, отметим социальные технологии христианского общества и мусульманской уммы. Родилась новая мировая религия – ислам, сложился новый гуманитарный идеал христианской святости. Появилась первая печатная книга, началось производство пергамента. Среди важных инноваций – технологии приподнятых полей и террасного земледелия, открытие и распространение ветряных мельниц и корабельного руля, технологий производства фарфора и сахара. Водяные часы с циферблатом и стрелкой символично возникли в предчувствии наступающих времён ускорения темпа социокультурных перемен.

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА КАК НОВЫЙ АКТОР МИРОВОЙ ДИНАМИКИ ИННОВАЦИЙ (IX-XV ВВ. Н. Э.)

Данный этап технологических укладов (особенно с учётом появления в числе акторов мировой динамики инноваций прежде отсталого региона Западной Европы)

можно было бы метафорически назвать «рыцарским»: ибо здесь франкские рыцари в своих доспехах более трети тысячелетия (!) не знали поражений. Удерживает от этого современная доминирующая высокопарная коннотация «рыцаря» как носителя чего-то непременно возвышенного. Тогдашние, настоящие рыцари были иными. К тому же латники, увы, оказались беспомощными с появлением огнестрельного оружия. Рыцари были безупречны в бою и поединках, их место – на вольных ристалищах, в просторах природы или в гулких огромных залах замков феодалов. Но они неуместны в тесноте и суете городских улиц. Былая куртуазная стилистика рыцарских романов к концу этапа, в XII–XIV веках дополняется вульгаризмами Декамерона, а ещё через некоторое время, начиная с «Дон Кихота» Сервантеса, остаётся лишь грустным объектом ностальгии и даже оказывается мишенью для открытых насмешек.

Реальный рыцарь действительно был носителем (символом и объектом сосредоточения) многих лучших технологий. Технические – таких, как искусная работа с металлом и кожами оружейников, кузнецов и шорников; социальных – ибо рыцари были великолепными бойцами из аристократического сословия суверенов, полновластных в своих владениях, но безоговорочно преданных сюзерену; а также гуманитарных – таких, как честь, верность, бесстрашие или вечная любовь. Доспехи франкского рыцаря (как и меч самурая) были баснословно дорогими, ценой в имение, но приобретались даже в случаях болезненного ущемления иных потребностей. С X века до середины XIII рыцари победоносно распространяются по Европе, и в любом её королевстве к XIV веку получают имущественное и политическое господство. Возглавляемые рыцарями крестовые походы XI века органично вписаны в модель католическо-франкской экспансии. Под впечатлением этих походов в следующем веке в европейских и мусульманских сочинениях, собственно, и складывается такая новая идентификация, как «христианский народ».

Рондо Камерон считает, что уже в VIII–IX веках манориальная система экономической и социальной организации приобрела совершенную форму [5, с. 64–65]. Стремительный рост населения Европы (согласно Роджеру Осборну [7, с. 256], оно удвоилось за промежуток XI–XIV веков), а также рост объёмов сельскохозяйственной продукции и коммерческих сделок были обеспечены не только технологиями стабильности франкской рыцарской гегемонии, но и новыми социальными технологиями возрождающейся городской жизни. Былой тренд дезурбанизации сменяется противоположной тенденцией: теперь города выполняют иные, чем когда-то функции, и с XI века уверено растут и богатеют.

Поначалу обезлюдившие остатки городских строений просто использовались устроителями ярмарок (ими тогда были графы и епископы) в качестве мест для складирования товаров, но пришедшие с товарами и поселившиеся в определённых кварталах городов торговцы и ремесленники быстро ассоциировались в гильдии (цеховые организации) и взяли на себя функции квартального самоуправления. Цеховые организации ремесленников и, в меньшей мере, купеческие гильдии изначально складывались на основах самоуправления, строго прописанных в самостоятельных уставах цехов. В то время как сельский быт был подчинён

произволу обитающей в нём аристократии, новый город постепенно превращался в убежище от феодальной системы.

Большей частью они поначалу всё же управлялись «коммунами» – семьями немногих проживающих в городах аристократов. Показательно, однако, что раздоры между ними (для наблюдения за действиями своих конкурентов семьи умудрялись сооружать в тогдашних маленьких городках даже специальные деревянные башни чуть ли не до сотни метров высотой) привели во многих городах Итальянского королевства к власти режимы «пополанов» – гильдейских слоёв. Элитные «коммуны» утратили прерогативу на власть, башни были разобраны, а независимые города, уклоняющиеся и обороняющиеся от феодального диктата, стали расти и процветать.

Создание феодальных замков и монастырей в сельской местности наряду с процессами возрождения городов вызвал «безудержный поток каменного строительства» [7, с. 243]. Такие грандиозные сооружения, как собор Парижской богородицы или многокупольный собор Софии в Киеве задавали образцы новых архитектурных стилей и строительных технологий. Системы стрельчатых сводов на рёбрах открыли возможность готических сооружений большой высоты, техники крестовых сводов позволяли возводить надёжные купола церквей. Огромные домкраты на колёсах поднимали и перемещали тяжести. На башнях городов появляются механические часы, которые к концу XIII века уже оснащались одной стрелкой. В городах делают водопроводы и устраивают прачечные. В домах начинают строить камин. Ремесленники Узбекистана и Европы владеют улучшенными технологиями производства цветного стекла для витражей. Расширяется производство венецианского стекла. Процессы стеклоделия Теофил Пресвитер описывает в специальном трактате. Экзотической демонстрацией диапазона и дерзости поиска новаций в строительстве может служить минарет в столице Марокко Марракеше, стены которого, о чём восторженно говорят сотни лет, пахнут мускусом.

Городские ремесленники германских земель изготавливают цветные набивные ткани технологией штампов. Функционируют механические шерстобойни, усовершенствованные станки многократно увеличивают скорость ткачества и прядения. Появляются механизированные технологии вязки одежды. Домашние ремесленные мастерские уступают место цеховому производству в городах, где возникают разнообразные мануфактуры – по изготовлению, например, зеркал, шёлка, столовых ножей, пуговиц (именно тогда они появились, до этого фрагменты одежды скреплялись завязками), пергамента. В Париже мастерами одного из цехов изготавливались «церы» – покрытые воском дощечки для деловых записей. Подобные разнообразные складывающиеся тогда мануфактуры чуть позже, с XIV века, начинают уже доминировать, вытесняя натуральное хозяйство. Во многих областях производственных технологий заметен устойчивый подъём, с ростом производительности труда оживляется торговля.

Возникает сословие лавочников и купцов, торговые связи которых сопровождались новой монетарной, а не только прежней бартерной политикой. Города и страны Европы стали чеканить золотую и серебряную монету. Технологии

цветных металлов получили новый импульс к развитию. Растущая длина торговых путей и объёмов перевозок коррелирует с развитием технологий навигации и транспортных средств.

В Китае этого времени конструируют двухкамерные шлюзы. К концу периода шлюзы появляются также в Европе, что позволило превратить реки в основные транспортные пути на многие столетия. Водяные колёса, установленные на быстрых реках и водопадах, снабжали ремесленное и сельскохозяйственное производство нужной энергией. Около 1000 года в Китае вывели новый сорт риса, который позволял получать два урожая в год, и население страны за период VII–XIII веков выросло с 50 до 100 миллионов человек. Примерно эта же дата – рубеж тысячелетий, согласно Роджеру Осборну, знаменует и закладку фундамента будущего процветания Европы [7, с. 233].

В европейские ландшафты уже прочно вписаны ветряные мельницы. В практику упряжи животных внедряются хомуты. В новую упряжку можно было запрячь несколько лошадей, которых начали оснащать ещё и подковами. С XI века рожь перестаёт считаться сорняком (как в Греции или Риме), урожаи зерна заметно растут. Становится привычной трёхпольная система земледелия, а наряду с плугом почва теперь обрабатывается и бороной. Именно на этом этапе в сельском хозяйстве Европы получают окончательное доминирование железные орудия труда.

Совершенствуются и распространяются технологии цементации и сварки металлов, в Западной Европе появляются доменные печи. В кузнечном деле начинают применять уголь. Китайские мечи XII века отличались непревзойдённой и столетия спустя прочностью: там освоили технологии хромирования. В XIII веке при обороне Пекина войско Чингисхана было обстреляно каменными ядрами, выпущенными из первых пушек. «Китайской стрелой» тогда же называли пороховые ракеты. Чёрный порох стал применяться не только для фейерверков, но также для взрывных работ, в военном деле и в огненных машинах. Ракетное оружие впоследствии появилось и в мусульманских странах, и в Европе. Распространённым и очень эффективным оружием становится арбалет.

Применение арбалетов и, особенно, пороха и огнестрельного оружия положило конец военному доминированию латников. С появлением в XIV веке пищалей и тяжёлых осадных орудий, длинноствольных пушек для дальней стрельбы и короткоствольных «бомбард» для навесной стрельбы – всего этого «подлого и бесчестного» с традиционной точки зрения арсенала – и начался закат рыцарского сословия. В общем, данный период в Средиземноморье характерен ясным трендом: от рыцарей и аристократических городских коммун – к бомбардам и пополам.

Пик технологического созидания и экономического динамизма Р. Камерон [5, с. 62] и М. Монтанари [6, с. 72] обоснованно датируют 1150–1250 годами, схожим образом П. Гайденко и М. Шеню считают XII век временем «поворота», «существенного сдвига» и началом «технической революции» [2, с. 448–449]. Вместе с тем, согласно документальным свидетельствам, едва ли не каждые 10 лет случались общеевропейские неурожаи, сопровождаемые жесточайшим голодом, а продолжительность экономически вынужденных и рекомендуемых церковью постов достигала 150 дней в году.

Крупнейшим центром философской (в нынешней терминологии – научной) мысли в данном периоде стала Средняя Азия. Нередко высказывается мнение, что в странах ислама IX–XIII веков общий уровень материальной и культурной жизни даже «значительно превосходил» уровень Европы [4, с. 103]. Это время расцвета новоперсидской «науки» и литературы. Там создаются обсерватории и энциклопедии астрономических знаний, трактаты по математике и описательной географии. Ал-Хорезми открывает алгебру, Ал-Хазен – основы оптики. Бируни создаёт приборы для определения удельных весов, конструирует рычажные весы с передвижной гирей, разнообразные астрономические инструменты и механический календарь. Для письма используется местная высококачественная бумага. В Китае ещё в конце XI века построено пятиэтажное механическое устройство, отсчитывающее календарное и суточное время, демонстрирующее движения Земли и небесных тел. В Европе учёность поддерживалась и развивалась схоластами, некоторые из них обращались к вопросам естествознания и даже, как Роджер Бэкон, занимались техническим изобретательством. В середине XIV века схоласт Джованни Донди сконструировал планетарий. Общее состояние европейской техники середины XIII века удостоено было тогда специального описания в трактате Виллара де Гоннекура.

В Китае, Тибете и Корее технологиями ксилографии печатаются книги. Затем, в середине XI века, там изобретаются передвижные литеры, которые в конце XIV века изготавливаются из металла. В Средиземноморской культуре Кирилл и Мефодий создают глаголицу. Распространение практик письма в Европе облегчается использованием специальных так называемых «цветных линеек», которые способствовали выравниванию строчек на бумаге. В XII веке здесь появляются первые доски для ксилографической печати. Мануфактурное производство бумаги начинается с конца XIII века в городах Итальянского королевства, а в следующем столетии осуществляется также во Франции и Германии. Но лишь большие монастыри или королевские дворцы имели свои «скриптории» (мастерские писцов), книга оставалась для большинства недоступной роскошью.

В целом, мировая динамика технологий в IX–XIV веках характерна возрастающими темпами. Годовая нормированная инновационная продуктивность, по нашим расчётам, выросла в сравнении с предшествующим периодом примерно в три с половиной раза, и, что очень показательно, почти вдвое превзошла продуктивность осевого времени. Наконец-то, кривая развития возвратилась к утраченному ранее аттрактору. Во многих областях продолжали лидировать Китай и Средняя Азия. Однако Средиземноморская культура уже вполне оправилась после краха Римской империи, и Западная Европа превратилась из отсталой зоны в интенсивно развивающийся регион, который в отдельных сферах стал к концу этапа даже лидировать. Применяемые в Европе технические устройства, как правило, не уступали дальневосточным или азиатским, а в XIV веке даже стали превосходить некоторые из них.

Найденные европейцами и систематически обновляющиеся социальные технологии довольно эффективно способствовали экономическому росту.

Гуманитарные технологии христианского мира и мусульманской уммы окрепли, а затем сотни лет успешно выполняли конструктивную роль. Художественные новации Джотто, возродившего изображения в прямой перспективе, по их дерзкой футурологической сути антропоцентричны и персоналистичны. Данте, который первым из европейцев сделал литературу национальным искусством, берёт в свои проводники римлянина Вергилия, предворяя тем самым ренессанс античности, которая уже перестаёт быть опасной для окрепшего христианского мира, а может даже стать ему полезной.

Краткая сводка лидирующих инноваций данного периода, подытожим, включает в себя: технологии рыцарства и эмпирические инновации поздней схолии, введение трёхпольной системы земледелия, оснащение лошадей хомутами и подковами, использование угля в кузнях, распространение доменных печей, появление огнестрельного оружия и первых мануфактур, механизацию текстильного производства, вытеснение бартера монетарными отношениями. Демократические технологии и строительные технологии новой урбанизации представлены инновациями становления городского самоуправления, возникновением сословия лавочников и купцов, готическими строениями и башенными механическими часами, витражами и каминами.

Список литературы

1. Banch B. Hellemans A. The History of Science and Technology. Bryan Banch, Alexander Hellemans. – Boston, New York: Houghton Mifflin Company, 2004. – 776 p.
2. Гайдено П. П. Эволюция понятия науки. Становление и развитие первых научных программ. – М.: Наука, 1980. – 567 с.
3. Даймонд Дж. Ружья, микробы, сталь. История человеческих сообществ. Джаред Даймонд; пер. с англ. М. Колопотина – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. – 604, [4] с.
4. Дьяконов И. М. Пути истории: От древнейшего человека до наших дней / И. М. Дьяконов; изд. 2-е, испр. – М.: КомКнига, 2007. – 384 с.
5. Камерон Р. Краткая экономическая история мира. От палеолита до наших дней / Рондо Камерон; пер. с англ. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. – 544 с.
6. Монтанари М. Голод и изобилие. История питания в Европе/ Массимо Монтанари; пер. с итал. А. Миролобовой. – СПб.: «Александрия», 2009. – 279 с.
7. Осборн Р. Цивилизация. Новая история Западного мира / Роджер Осборн; пер. с англ. М. Колопотина. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2008. – 764, [4] с.
8. Санников С. В. Критерии «варварства» эпохи Остготского Возрождения // Идеи и идеалы. – 2014. – Том 2. – № 2 (20). – С.120–129.
9. Ханников А. А. Техника: от древности до наших дней – URL: http://historylib.org/historybooks/Aleksandr-Aleksandrovich-KHannikov_Teknika-ot-drevnosti-do-nashih-dney

Shorkin A. D. Post-Antiquity Metamorphoses // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2016. – Vol. 2 (68). – № 4. – P. 67–77

This article discusses two periods of global innovation dynamics: 400 – 800 years of the new era and the subsequent 800 – 1400 years. The first of them was mainly defined by the processes of Post-Antiquity world becoming – the Christian community and the Muslim Ummah. Alongside with the might of Christianity the new world religion Islam was born and in a new humanitarian ideal of Christian holiness was established.

The first printed book appeared, the production of parchment began. There were technologies of raised fields and terraced agriculture, the discovery and dissemination of windmills and ship's wheel, porcelain production technology and sugar among the major innovations. However, the average productivity of innovation continued to decline and reached a little more than half of the average productivity of the axial age. The reason for this is, however, not the dominance of speculative clerical dogma by which the authors from the era of the Enlightenment generally referred to, but the refusal of "heathens" and "barbarians" from the number of odd for their ancient traditions technologies.

The next stage is characterized by a noticeable increase in technology activity. By the edge of XII – XIII centuries, the medieval culture reaches its peak. By that time the leading innovations include: technologies of knighthood and empirical innovations of the later scholium, the advent of the three-field farming systems, the providing horses with collars and horseshoes, coal usage and distribution of the blast furnace, the appearance of a firearm, and the first factories, the mechanization of the textile industry, the displacement of a barter by monetary relations.

Democratic technologies and building technology of the new urbanization in Europe are presented by innovation formations of municipal government, the origin of shopkeepers and merchants, Gothic buildings and tower mechanical clocks, stained glass windows and fireplaces. Annual standardized innovative productivity has increased three and half times in comparison with the previous and surpassed the productivity of the axial age almost twice. In many spheres China and Central Asia continued to lead. However, the Mediterranean culture has completely recovered from the collapse of the Roman Empire and Western Europe evolved from a backward area in the rapidly developing region, which in some even started to lead. Applicable in Europe technical devices, as a rule, were not inferior to the Far Eastern or Asian, and in the XIV century even surpassed some of them.

Keywords: Christian society, knighthood, the Muslim Ummah, bombards, popolans, leading technologies, innovative productivity.

References

1. Banch B. Hellemans A. The History of Science and Technology. Bryan Banch, Alexander Hellemans. Boston, New York, Houghton Mifflin Company, 2004, p. 776.
2. Gaidenko P. P. Evolyuciya ponyatiya nauki. Stanovlenie i razvitie pervykh nauchnykh program [The Evolution of the Concept of Science. The Formation and the Development of the First Scientific Programs]. Moscow, Nauka, 1980, p. 567.
3. Diamond J. Evolyuciya ponyatiya nauki. Stanovlenie i razvitie pervykh nauchnykh programm [Guns, Germs and Steel. The History of Human Communities]. Jared Diamond; trans. from English. M. Kolopotina. Moscow, AST Moscow, 2009, p. 604[4].
4. Djakonov I. M. Puti istorii: Ot drevneyshego cheloveka do nashikh dney [The Ways of History: from Ancient man to the Present Days]. I. M. Djakonov; ed. 2nd, rev. Moscow, KomKniga, 2007, p. 384.
5. Cameron R. Kratkaya ekonomicheskaya istoriya mira. Ot paleolita do nashikh dney [The Brief Economic History of the World. From the Paleolithic Age to the Present Days]. Rondo Cameron; trans. from English. Moscow, Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2001, p. 544.
6. Montanari M. Golod i izobilie. Istoriya pitaniya v Evrope [Hunger and Abundance. The History of Power in Europe]. Massimo Montanari; trans. from it. By A. Mirolyubov. St. Petersburg, Alexandria, 2009, p. 279.
7. Osborne R. Civilizaciya. Novaya istoriya Zapadnogo mira [Civilization. The New History of the Western World]. Roger Osborne; trans. from English. By M. Kolopotina. Moscow, AST, AST MOSCOW, KhRANITEL, 2008, p. 764 [4].
8. Sannikov S. V. Kriterii «varvarstva» epokhi Ostgot'skogo Vozrozhdeniya [Criteria of "Barbarity" of the Ostrogothic Renaissance Era]. Ideas and Ideals, 2014, Vol. 2, no. 2 (20), P. 120-129.
9. Hannikov A. A. Tekhnika: ot drevnosti do nashikh dney [Techniques: from Antiquity to the Present Days]. URL: http://historylib.org/historybooks/Aleksandr-Aleksandrovich-KHannikov_Tekhnika-ot-drevnosti-do-nashih-dney

УДК 327

ЧЕРНОМОРСКИЙ РЕГИОН: ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ

Никифоров А. Р.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: nandrey@bk.ru

Черноморский регион многие века является ареной масштабных политических событий. В своём современном виде он начинает складываться с 90-х гг. прошлого века, а уже в начале нынешнего предпринимаются попытки его политологического концептуального осмысления. В этом контексте следует отметить концепцию «Большого Черноморского региона» Р. Асмуса, согласно которой в его состав, помимо стран, непосредственно прилегающих к черноморскому побережью, включаются Азербайджан, Армения и Молдавия. Концепция Асмуса легла в основу документов, определяющих стратегию в регионе Европейского союза. Тем не менее, следует отметить отсутствие чёткости в определении пространственных параметров Черноморского региона. В этом плане, в виду отсутствия универсального идентификатора, предлагается довольствоваться на данный момент общим принципом, который звучит следующим образом: Причерноморский регион есть **совокупность территорий, тяготеющих к Азово-Черноморскому бассейну**. Что касается черноморского геополитического времени, регион, начиная с рубежа 80–90-х гг. XX века, вступает в деструктивную фазу третьего геополитического цикла своего развития. Продолжающийся процесс фрагментации береговой линии Чёрного и Азовского морей вновь возникающими независимыми государствами свидетельствует о восходящей линии деструкции региона. Тем не менее, Черноморский регион в последние годы вновь оказался в центре внимания мировых центров силы. И эта тенденция носит устойчивый и долговременный характер.

Ключевые слова: Черноморский регион, Большой Черноморский регион, территориальные параметры региона, геополитические циклы и фазы развития региона.

Черноморский регион – понятие, сравнительно недавно введённое в политологический оборот. Это утверждение может показаться парадоксальным, ведь берега Чёрного моря не раз становились ареной масштабных политических событий. Тем не менее, ещё совсем недавно о берегах Чёрного и Азовского морей как о ядре целостного политического региона говорили не иначе как в прошедшем времени. Своего рода резюме такому положению вещей дал ещё в середине прошлого века классик геополитики К. Хаусхофер: «Каким бы важным для культурного бытия Европы не было обильно смешанное с солдатской кровью военно-стратегическое пространство Чёрного и Каспийского морей, для будущего нового передела геополитического пространства оно будет второстепенным» [1, с. 15].

В текстах, анализирующих актуальную политику, до недавнего времени чаще упоминался «Черноморско-Каспийский регион» (ЧКР), эпицентром которого принято было обозначать как раз каспийский компонент – один из источников углеводородного сырья для мировых рынков. Черноморский придаток данного региона рассматривался как один из коридоров доставки каспийского сырья на эти рынки. Известный немецкий политический аналитик и журналист А. Рар следующим образом обозначил состояние и перспективы ЧКР: «В Черноморско-Каспийском пространстве соперничают четверо: США, Россия, Китай и Европейский союз». ЧКР, по его мнению, «...опасен потенциальными конфликтами, грозящими в любой момент разрастись в серьезные локальные войны» [2, с. 15]. Повторю, что главным призом предстоящей борьбы виделось пространство, прилегающее к Каспию, Причерноморье шло в комплекте с ним, таким «прицепом».

Правда, в начале 90-х гг. прошлого века мода на интеграционные проекты не обошла стороной и Причерноморье. Президент Турции Тургут Озал ещё в 1990 г. выступил с идеей создания «Черноморской зоны процветания и сотрудничества», предполагавшей участие в этом проекте всех государств, имевших на тот момент выход к Чёрному морю: СССР, Турции, Румынии и Болгарии. Через два года усилия Турецкой Республики увенчались подписанием 25 июня 1992 г. Стамбульской декларации – документа, провозгласившего создание организации «Черноморское экономическое сотрудничество» (ЧЭС). Соучредителями ЧЭС стали Албания, Армения, Азербайджан, Болгария, Грузия, Греция, Молдавия, Румыния, Российская Федерация, Турецкая Республика и Украина (в дальнейшем к ним добавилась Сербия) [3]. На саммите организации, проходившем в Ялте, 5 июня 1999 г. был принят её Устав и учреждены надгосударственные структуры, после чего она приобрела свой нынешний вид и своё современное название – Организация Черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС). Правда, за почти два десятилетия ОЧЭС не реализовала ни одного масштабного проекта и практически не продвинулась по пути экономической интеграции Черноморского региона. В начале нынешнего столетия настало время осмысления Причерноморья как региона политического.

Ещё в октябре 2003 г. старший научный сотрудник, а затем – глава брюссельского отделения Фонда Маршалла «Германия–США» Рональд Асмус опубликовал статью, в которой предлагалось приступить к разработке «более последовательной стратегии по отношению к Черноморскому региону и государств, расположенных на Восток от Каспия» [4]. В дальнейших работах Р. Асмуса была сформулирована концепция «Большого Черноморского региона» (БЧР), в состав которого им была включена территория девяти государств: Азербайджана, Армении, Болгарии, Грузии, Молдавии, России, Румынии, Турции и Украины. Концепция, по мнению её автора, должна «заложить новую политическую и стратегическую основу для стратегии Запада, которая объединит воедино разные дискуссии относительно Турции, Украины, Южного Кавказа, и в которой стратегическое целое было бы больше, чем сумма составляющих частей» [5].

Собственно, надо думать, именно наличие такой синергии и отличает регион от случайной или формальной суммы территорий.

С другой стороны, ряд экспертов, рассуждающих о черноморской социально-политической целостности, продолжают оценивать скептически как наличие, так и перспективы черноморской региональной идентичности. Скажем, болгарский эксперт П. Димитров констатирует: «Не существует такой вещи, как черноморская политическая и культурная идентификация. Люди, живущие на побережье Чёрного моря и вокруг него, идентифицируют себя как жители Балкан, кавказцы, турки и даже как бывшие советские люди, но никогда как люди Черноморской зоны» [6]. На основании этой констатации делается следующее заключение «Вот почему любые попытки создания региональной организации, основанные на географическом принципе, а priori обречены на провал» [6]. Практически к такому же выводу приходит грузинский исследователь Т. Кентчадзе [7, с. 113] и украинский автор С. Дацюк. Последний утверждает, что «Регион Чёрного моря не является направлением для какой-то отдельной геополитики. Точнее, Чёрное море создает направление специфической политики, например, политики в сфере экологии. Но про черноморский регион мы вынуждены говорить, поскольку столкновение интересов ЕС, России и США происходит именно там, и уже давно не в виде геополитики – в виде инфраструктурной политики» [8].

Для своеобразной «линии Асмуса» в политическом анализе характерен также тезис, согласно которому данный регион никогда ранее не существовал и впервые формируется только в последние два-три десятилетия. Так британская исследовательница Лили ди Пуппо утверждает, что большинство из стран, имеющих выход к Чёрному морю, получили свою независимость в начале XX века, а стратегическое значение он стал приобретать только после окончания «холодной войны», когда за влияние в Причерноморье развернулось соперничество мощных сил, черноморская акватория стала использоваться для транзита энергоносителей Каспия, оружия и наркотиков, а вблизи черноморских берегов угнездилась целая серия замороженных конфликтов. При этом Чёрному морю отказывается в праве считаться историческим регионом, на том основании, что оно являлось пограничьем трёх империй: Османской, Российской и Персидской [9].

Британская экспертиза всего, что касается морского ландшафта, несомненно, заслуживает внимания. Однако, несмотря на это, недоумение по поводу приведённых выше тезисов остаётся. Насколько уместно начинать историю России и Украины с 1918 г. (с момента провозглашения РСФСР и УНР), Турции – с 1923 г. (с момента провозглашения Турецкой республики)? Но даже признание правомочности такой трактовки (далеко не бесспорной) не даёт оснований для того, чтобы отбросить всю предшествующую многовековую историю региона. А самое главное – такой подход выглядит совершенно не конструктивно, поскольку существенно искажает представление о динамике и содержании политических процессов в Причерноморье.

Ещё более загадочно звучит тезис Л. Ди Пуппо, согласно которому Причерноморью отказывается в праве считаться историческим регионом на основании того факта, что оно являлось персидско-османско-российским

имперским пограничьем (этот же тезис содержится в статье Р. Асмуса и Б. Джексона «Чёрное море и пределы свободы» [10]).

Очевидно, что отбрасывание насыщенного разнообразной динамикой времени, предшествующего включению Причерноморского региона в орбиту интересов современного Запада, призвано как бы обнулить показатели на циферблате черноморских часов и перезапустить их. По всей видимости, такое отсечение корней упрощает задачу включения региона в новые западные модели и стратегии.

Скажем, по Р. Асмусу, БЧР рассматривается как отдельная геополитическая единица, являющаяся составной частью Европы и евроатлантического сообщества, требующая по отношению к себе более динамичной и целенаправленной политики. [17]. Р. Асмус отмечает важность евроатлантического освоения БЧР для глобальных задач, стоящих перед Западом по дальнейшему распространению демократии, в частности – в ключевом для глобальной политики Брюсселя и Вашингтона регионе «Большого Ближнего Востока». В его совместной с Б. Джексоном публикации [10] отмечается, что ситуация, с которой Запад сталкивается в БЧР (этническими конфликтами, постконфликтными обществами и экономической разрухой), аналогична той, с которой он столкнётся в пространстве «Большого Ближнего Востока». Как отмечают авторы, в значительной степени повышение интереса США (и НАТО) к региону связано именно с эскалацией их ближневосточной военной и политической активности: «В то время, как НАТО расширяет свою роль в Афганистане и делает приготовления к долгосрочной операции, а также рассматривает возможность взятия на себя дополнительных обязательств в Ираке, Большое Причерноморье начинает проступать в ином свете: вместо периферийного положения на европейском континенте, оно начинает выглядеть как ключевой компонент стратегического тыла Запада. В простых выражениях, зона соприкосновения между Евро-Атлантическим сообществом и Большим Ближним Востоком проходит через Чёрное море» [10].

Не требуется особых усилий для того, чтобы обнаружить явный антироссийский тренд в концептуальных построениях Р. Асмуса. Политику Москвы в регионе он характеризует следующим образом: «Вместо совместного регионального подхода к сотрудничеству в сфере безопасности, российские военные базы только способствовали распространению оружия, поддержанию климата угроз и защиты рэкетиров» [10].

Отмечается важность Черноморского региона для Европы и в Резолюции Европарламента от 20 января 2011 года, посвященной стратегии ЕС в Чёрном море. В ней дается следующая характеристика Причерноморья: «Регион Чёрного моря является стратегическим мостом, соединяющим Европу с бассейном Каспийского моря, Центральной Азией и Ближним Востоком, а далее, с Юго-Восточной Азией и Китаем, и характерен своими тесными связями и огромным потенциалом, но также и многообразием и соперничеством» [11].

Сказанного представляется вполне достаточно для того, чтобы обозначить неоднозначность, важность и актуальность установления пространственных и временных координат Причерноморья.

Начнём с поисков территориальных параметров региона. Будем считать, что они определяются совокупностью принадлежащих к региону государств, территории которых и формируют его пространство. Конечно, точность такого измерения ограничена, поскольку присутствующие в Причерноморье государства зачастую включают территории, далеко отстоящие от черноморских берегов и крайне слабо с ними интегрированные. Скажем, когда ОЧЭС характеризуется как организация, распространяющая свою деятельность на территорию в 20 млн. квадратных километров, с населением около 350 миллионов человек и потенциалом внешнеторговой деятельности на сумму 300 млрд. долл. в год, имеет место просто арифметическое суммирование параметров всех государств-членов этой организации. Очевидно, что отнесение к Причерноморью Сибири, Дальнего Востока и т. п. в данном случае происходит исключительно по формальному признаку. Но для более точного измерения нужен специальный инструментарий, который ещё предстоит разработать.

Далее. Непосредственный выход к берегам Черного и Азовского морей исчерпывающим критерием принадлежности к Причерноморскому региону быть не может. Это не позволило бы включить в его состав целый ряд государств, бесспорно к этому региону относящихся, но прямого выхода к морским берегам не имеющих. Как в современных региональных межгосударственных объединениях, так и разного рода доктринально-концептуальных текстах к побережным государствам региона традиционно (и вполне обоснованно) добавляют Молдавию, а также Азербайджан и Армению. Мало того, к этому перечню в документах Евросоюза традиционно добавляется Греция. Впервые это произошло в 2008 г. при формировании т. н. «еврорегиона «Чёрное море»» [12, с. 2], а затем перечень включённых в него государств был полностью повторён в Резолюции Европарламента по черноморской стратегии: Болгария, Греция и Румыния – как члены ЕС, Турция – как страна-кандидат, Армения, Азербайджан, Грузия, Молдавия и Украина – как страны-партнёры, и Российская Федерация – как стратегический партнёр ЕС [9].

Что же касается Албании и Сербии, их присутствие в регионе связано с членством в ОЧЭС. Членами организации могли стать также Македония и Республика Кипр. Но вступление в ОЧЭС первой ветировала Греция, а второй – Турция.

Таблица 1.

Государства Черноморского региона в региональных объединениях и концептуально-доктринальных построениях

ОЧЭС	Еврорегион «Чёрное море»	Государства «Черноморской синергии»	Государства БЧР (по Р. Асмусу)
Азербайджан	Азербайджан	Азербайджан	Азербайджан
Албания	-	-	-
Армения	Армения	Армения	Армения
Болгария	Болгария	Болгария	Болгария

Греция	Греция	Греция	-
Грузия	Грузия	Грузия	Грузия
Молдавия	Молдавия	Молдавия	Молдавия
Россия	Россия	Россия	Россия
Румыния	Румыния	Румыния	Румыния
Сербия	-	-	-
Турция	Турция	Турция	Турция
Украина	Украина	Украина	Украина

Причина очевидного расхождения «европейской» и «черноморской» номенклатур государств региона видится в отсутствии чётких критериев, на основании которых государства относятся к Причерноморью или оказываются за его пределами.

Мало того, надежного критерия принадлежности того или иного государства к Причерноморскому региону, по всей видимости, быть и не может, поскольку речь идет не столько о стабильном статусе, сколько о тенденции. Потому причерноморскими уместнее называть территории, стремящиеся к Черному морю. Очертания этих территорий подвижны и меняются в соответствии со степенью притягательности черноморской акватории в тот или иной исторический период. Исходя из этого, можно предложить обозначение пространственных очертаний Причерноморского региона как **совокупности территорий, тяготеющих к Азово-Черноморскому бассейну**. Это – не более чем ключ для поиска неформальных критериев и инструментария, необходимых для определения пространственных параметров региона.

Немаловажно также определение геополитического времени на часах Причерноморского региона. Дело в том, что анализ исторического развития территорий, тяготеющих к Черному морю, позволяет установить цикличность в развитии черноморской истории. В ней чётко проступают три геополитических цикла, каждый из которых включает в себя по четыре последовательно сменяющих друг друга фазы, что было подробно рассмотрено в моей публикации 2008 года [13, с. 61–63].

Согласно предложенной модели, в последнее десятилетие прошлого века Крым вступил в завершающую (четвёртую) фазу третьего геополитического цикла, характеризующуюся, как и аналогичные фазы предыдущих циклов (III–V вв. н. э. и вторая половина XI – середина XIII вв.) деструктивными политическими тенденциями. В ходе четвертой фазы регион как бы «разбирается» на элементы. Сила притяжения Чёрного моря в этот момент падает до минимума. Не удивительно, что в такие периоды истории Черноморья особенно затруднительно определить границы данного региона: они становятся максимально размытыми. Именно в такие моменты правомочна постановка вопроса: является ли Причерноморский регион реальной целостностью, или это просто конгломерат территорий, лишенных политического (культурного, экономического) единства.

Применение циклической модели геополитического развития Причерноморья даёт лишь самое общее представление о том, каковы современные тенденции

развития региона и позволяет лишь приблизительно дать ответ: где, на каком отрезке очередного витка, мы сейчас находимся. Ведь при общей продолжительности черноморского геополитического цикла порядка 700–800 лет, предыдущие фазы деструкции региона длились около 2–3 веков. Реальная же политика оперирует годами, в лучшем случае – несколькими десятилетиями. Попробуем приблизить масштаб измерения к потребностям реальной политики.

Для этого попытаемся определить, какую стадию (восходящую или нисходящую) деструктивной фазы геополитического цикла мы переживаем в данный момент. Такое измерение потребует определиться с единицей измерения политической деструкции Причерноморья. Думается, наиболее подходящей единицей будет число независимых государств, имеющих прямой выход к Азово-Черноморскому побережью. Данный индикатор наиболее наглядно демонстрирует политическую фрагментацию региона. Следует оговориться, что под «независимым государством» мы понимаем государство, независимость которого де-юре признана хотя бы одним из государств региона. Итак, если в 80-е гг. XX века таких государств было четыре, то в 90-е их стало шесть, а в первое десятилетие XXI века – семь.

Таблица 2.

Динамика изменения числа независимых государств, имеющих прямой выход к АЧП

№/№	Временной период	Количество независимых государств, имеющих прямой выход к АЧП
1.	80-е гг. XX в.	4
2.	90-е гг. XX в.	6
3.	1-е десятилетие XXI в.	7

Как видим, в течение последних десятилетий деструкция Причерноморского региона нарастает. И очевидно, что эта тенденция еще не исчерпана. Достаточно вспомнить, что в 2014 г. (т. е. во 2-м десятилетии XXI века) о своей суверенности уже заявила Донецкая Народная Республика (ДНР), де-факто контролирующая на сегодняшний день фрагмент побережья Азовского моря. Мало того, дальнейшая политическая фрагментация Украины сегодня выглядит куда более вероятной, чем, скажем, три-четыре года назад. Таким образом, мы находимся на восходящей стадии деструктивной фазы третьего причерноморского геополитического цикла. Тот факт, что практически все государства региона испытывают дефицит безопасности, а многие – еще и проблемы с сохранением территориальной целостности, можно обозначить как веление черноморского геополитического времени.

Но это вовсе не приговор региону. Учитывая неблагоприятные для интеграции и консолидации тенденции, государствам Причерноморья следовало бы внести соответствующие изменения в стратегию региональной политики, сделав ставку не столько на объединительные усилия, сколько на выработку режима мирного сосуществования в Причерноморье.

В целом, можно согласиться с выводом, к которому приходит в своей недавней публикации руководитель сектора Ближнего Востока Российского института стратегических исследований, кандидат филологических наук А. В. Глазова: «По мере возрастания геополитической, экономической и энергетической роли Черноморского региона, его значимость для России будет только усиливаться. Это означает, что борьба за стратегическое влияние в данном регионе должна стать одним из приоритетных направлений российской внешней политики. Кроме того, в условиях усиливающейся конкуренции за влияние с державами, имеющими четко обозначенную стратегическую цель и приоритеты, актуальной становится задача разработки цельной, просчитанной на длительную перспективу стратегии РФ в отношении Черноморского региона» [14].

Список литературы

1. Хаусхофер К. Геополитическая динамика меридианов и параллелей // Элементы. Евразийское обозрение. – 1992. – № 1. – С. 14–18.
2. Рар А. Интересы и стратегия ЕС в вопросах транспортировки каспийской нефти // Украина и проблемы безопасности транспортных коридоров в Черноморско-Каспийском регионе. Материалы международной научно-практической конференции (Севастополь, 8–9 июня 1999 г.). – К., 1999. – С. 14–18.
3. Декларация о Черноморском Экономическом Сотрудничестве. Подписана в Стамбуле, 25 июня 1992 г. // Парламентская Ассамблея Черноморского Экономического Сотрудничества. Избранные документы. URL: <http://www.pabsec.org/pabsec/aksisnet/file/rus/09%20BSEC%20declr%201992.pdf>
4. Asmus R. Rebuilding the Atlantic Alliance // Foreign Affairs. – September – October 2003. – P. 20–31. – URL: http://www.kas.de/db_files/dokumente/7_dokument_dok_pdf_2804_2.pdf
5. Next steps in forging a Euroatlantic strategy for the wider Black Sea region. – Washington: The German Marshall Fund of the U.S., 2006 – 262 p. URL: <http://www.gmfus.org/doc/BSBook.pdf>
6. Dimitrov P. Wider Black Sea and the New Frontiers of European Geopolitical Space. URL: http://www.aiprg.net/UserFiles/File/black_sea_conf_papers/Plamen_Dimitrov_paper.pdf.
7. Кентчадзе Т. ГУАМ: взгляд из Грузии // Центральная Азия и Кавказ. – 2008. – № 3–4 (57–58). – С. 110–119.
8. Дацюк С. Зіткнення інтересів ЄС, Росії та США в Чорному морі в інфраструктурній політиці. URL: http://dialogs.org.ua/dialog.php?id=58&op_id=992#992.
9. Ди Пуппо Л. Эликсир молодости для черноморского сотрудничества. URL: <http://dialogs.org.ua/ru/cross/page8233.html>.
10. Асмус Р. Джексон Б. Чёрное море и пределы свободы. Православное информационное агентство со ссылкой на Policy Review. URL: <http://www.rusk.ru/st.php?idar=102145>.
11. Резолюция Европарламента от 20 января 2011 года по стратегии ЕС в Черном море. URL: <http://www.blackseanews.net/read/10041>.
12. Крим, Україна, Чорноморський регіон і розвиток (Аналітична доповідь Центру Разумкова) // Безпека і оборона. – 2011. – № 4–5 (122–123). – С. 2–21.
13. Никифоров А. Р. Ритмы Большого Черноморского Пространства: сверим часы // Проблемы безопасности Причерноморья и нейтральный статус Украины. Сборник материалов. – Симферополь: СОНАТ, 2008. – С. 60–67.
14. Глазова А. В. Зона особых интересов России // Национальная оборона. – 2016. – № 9. URL: <http://oborona.ru/includes/periodics/geopolitics/2012/1106/13439485/detail.shtml>

Nikiforov A. R. Black Sea Region: Space and Time // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2016. – Vol. 2 (68). – № 4. – P. 78–87

The Black Sea region for many centuries has been a stage for large-scale political events. In its present form, it started taking shape in the 90s of the previous century, and in the beginning of this century there are attempts

of its conceptual understanding in political science. In this context, we should abolish the concept of the 'Greater Black Sea region' of R. Asmus. According to it, in addition to the countries directly adjacent to the Black Sea coast, the region also includes Azerbaijan, Armenia and Moldova. Asmus concept formed the basis of documents defining the strategy of the European Union in the region. However, the lack of clarity in the definition of the spatial parameters of the Black Sea region should be noted. In this respect, at the moment, in the absence of a universal definition, it is proposed for the moment to settle for the general principle, which reads as follows: The Black Sea region is a set of areas gravitating to the Azov-Black Sea basin. Regarding the Black Sea geopolitical time, the region, since the turn of 1980-1990s, is experiencing the destructive phase of the third geopolitical cycle of its development. The ongoing process of fragmentation of the coastline of the Black and Azov Seas by newly emerging independent states indicates ascending of the destructive tendencies in development of the region.

However, the Black Sea region in recent years, was once again the focus of the world's power centres. And this trend has a stable and long-term nature.

Keywords: Black Sea Region, Greater Black Sea Region, region's territorial parameters, geopolitical cycles and phases of development of the region.

References:

1. Haushofer K. Geopoliticheskaja dinamika meridianov i paralelej [Meridians and Parallels Dynamics]. Elementy. Yevraziyskoye obozreniye, 1992, no. 1, P.14–18.
2. Rar A. Interesy i strategija ES v voprosah transportirovki kaspijskoj nefti [Interests and the EU's Strategy in Matters of Transporting Caspian Oil]. Ukraine and transport corridors security issues in the Black Sea-Caspian region. Proceedings of the international scientific-practical conference (Sevastopol, 8-9 June 1999), Kiev, 1999, P. 14–18.
3. Deklaratsiya o Chernomorskom Ekonomicheskom Sotrudnichestve [Declaration on Black Sea Economic Cooperation. Signed in Istanbul, June 25, 1992]. The Parliamentary Assembly of the Black Sea Economic Cooperation. URL: <http://www.pabsec.org/pabsec/aksisnet/file/rus/09%20BSEC%20declr%201992.pdf>.
4. Asmus R. Rebuilding the Atlantic Alliance. Foreign Affairs. September – October 2003, P. 20–31. URL: http://www.kas.de/db_files/dokumente/7_dokument_dok_pdf_2804_2.pdf.
5. Next steps in forging a Euroatlantic strategy for the wider Black Sea region. Washington, The German Marshall Fund of the U.S., 2006, 262 p. URL: <http://www.gmfus.org/doc/BSBook.pdf>.
6. Dimitrov P. Wider Black Sea and the New Frontiers of European Geopolitical Space. URL: http://www.aiprg.net/UserFiles/File/black_sea_conf_papers/Plamen_Dimitrov_paper.pdf.
7. Kentchadze T. GUAM: vzgljad iz Gruzii [GUAM: A View from Georgia]. Tsentral'naya Aziya i Kavkaz, 2008, no. 3–4 (57–58), P. 110–119.
8. Dacjuk S. Zitknennja interesiv ES, Rosii ta SShA v Chornomu mori v infrastrukturnij politici [The Clash Interests EU, Russia and the United States in the Black Sea in Infrastructure Policy]. URL: http://dialogs.org.ua/dialog.php?id=58&op_id=992#992.
9. Di Puppo L. Jeliksir mladosti dlja chernomorskogo sotrudnichestva [Elixir of Youth to the Black Sea Cooperation]. URL: <http://dialogs.org.ua/ru/cross/page8233.html>.
10. Asmus R. Dzhekson B. Chjornoe more i predely svobody [Black Sea and the Limits of Freedom]. Orthodox news agency with reference to the Policy Review. URL: <http://www.rusk.ru/st.php?idar=102145>.
11. Rezoljucija Evroparlamenta ot 20 janvarja 2011 goda po strategii ES v Chernom more [Resolution of the European Parliament on January 20, 2011 on the EU strategy in the Black Sea]. URL: <http://www.blackseanews.net/read/10041>.
12. Krim, Ukraina, Chornomors'kij region i rozvitok (Analitichna dopovid' Centru Razumkova) [Crimea, Ukraine, the Black Sea State and Development (A Report of Analytical Razumkov Center)]. Bezpeka i oborona [Safety and Defense], 2011, no. 4–5 (122–123). URL: http://www.razumkov.org.ua/ukr/files/category_journal/NSD122-123_ukr.pdf.
13. Nikiforov A. R. Ritmy Bol'shogo Chernomorskogo Prostranstva: sverim chasy [Rhythms of the Greater Black Sea Space: Check Our Watches]. Problemy bezopasnosti Prichernomor'ya i neytral'nyy status

Ukrainy. Sbornik materialov [Security Issues and the Neutral Status of the Black Sea Region of Ukraine. Collection Of Materials], Simferopol, SONAT, 2008, P.60–67.

14. Glazova A. V. Zona osobyh interesov Rossii [The Zone of Special Interests of Russia]. Natsional'naya oborona [National Defence], 2016, no. 9. URL: <http://oborona.ru/includes/periodics/geopolitics/2012/1106/13439485/detail.shtml>

УДК 1(06)/304.2

ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ – ИДЕНТИЧНОСТЬ – ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Останина О. А.

Вятский государственный университет, г. Киров, Российская Федерация

E-mail: oa.ostanina@yandex.ru

Эпоха глобализации характеризуется как глубокой трансформацией исторического сознания, так и обострением проблемы идентичности. Историческое сознание понимается как часть общественного сознания, включающая в себя совокупность представлений об историческом прошлом; оно представляет собой сложное взаимопереплетение памяти, предвосхищений, переживаний, созерцаний, знаний, рефлексии, обусловленных как социальным бытием, так и способностями сознания. Взаимосвязь исторического сознания и идентичности представляется очевидной, а их содержание будет определяться типом грядущего цивилизационного развития. Рассмотрение данной взаимосвязи в контексте глобализации составляет один из аспектов новизны статьи; другим аспектом новизны является анализ ряда тенденций изменения, как содержания исторического знания, так и его осмысления, отношения к нему. Понятия «историческое сознание», «идентичность», несмотря на их широкое распространение, являются дискуссионными и требуют отдельного исследования.

Идентичность характеризуется неопределенностью, что представляет серьезную проблему, поскольку идентичность – одно из условий поддержания целостности как общества, так и личности. Особенности исторического сознания и идентичности связаны с состоянием современного общества, его кризисом. Критичность исторического сознания выражена в трансформации репрезентации исторических фактов, принципов их отбора. Для массового сознания характерно падение интереса к истории; знание и понимание истории противоречивы, так как включают в себя взаимоисключающие мнения, идеи; в нем новое содержание и архаизмы оказываются тесно переплетенными. Кризис исторического сознания и идентичности в условиях глобализации закономерен. Глобализация меняет роль государств, форм коммуникации; она влияет на образование, язык; изменениям подвержены все формы идентичности. Пересматривается отношение к великим историческим событиям, имеет место ревизия идеологий XX века, переживает своеобразный ренессанс религиозное сознание (что также обусловлено стремлением обосновать идентичность); идет борьба за выбор типа цивилизационного развития, которая отражается в отношении к истории и содержанию идентичности.

Ключевые слова: идентичность, историческое сознание, глобализация

Исследование исторического сознания, особенно в кризисные, переломные моменты развития общества, имеет и теоретическое, и мировоззренческое значение. Историческое сознание понимается как часть общественного сознания, включающая в себя совокупность представлений об историческом прошлом; оно представляет собой сложное взаимопереплетение памяти, предвосхищений, переживаний, созерцаний, знаний, рефлексии, обусловленных как социальным бытием, так и способностями сознания. Историческое сознание обладает сложной структурой: оно может быть рассмотрено как общественное, групповое,

индивидуальное; оно представлено разными уровнями (переживание, знание, ценностный, рефлексивный уровни); в нем выражено и определенное знание истории, и оценочное отношение к ней. Историческое сознание – необходимое условие самоидентификации и социума, и личности. Взаимосвязь исторического сознания и идентичности очевидна, своеобразие данной взаимосвязи в XXI веке во многом определяется процессами глобализации. Такая постановка вопроса придает статье характер новизны.

Примечательно, что до XX века идентичность не рассматривалась как проблема, актуализация этой проблемы связана с отступлением от теологических и религиозных допущений [2, с. 139], в обосновании идентичности большую роль начинают играть историческая память, исторический опыт (опыт переживания истории), историческое знание. Хотя, как увидим ниже, данная роль противоречива, неоднозначна. В общем смысле слова, идентичность можно определить как символическое средство объединения с одними [людьми, общностями] и дистанцирование от других. Существует много типологий и классификаций идентичности: их подразделяют на «индивидуальные» и «групповые», «позитивные и негативные», «локальные» и «надлокальные», «фундаментальные» и «релятивные». Наиболее значимыми принято считать расовые, этнические, национальные и цивилизационные идентичности, связанные с антропологическими, языковыми, культурными и религиозными различиями людей.

Национальная идентичность в современных условиях – это самоотождествление индивидов с комплексом представлений, ассоциирующихся с национально-государственной общностью, с обязательствами и правами по отношению к другим членам этой общности и государству. Различаются ориентации на страну (общая территория), на государство (общие институты, символы, язык), нацию (общее происхождение, исторический опыт и судьба). Существуют различные подходы и к пониманию, и к формированию национальной идентичности.

Так, один из широко распространенных подходов (назовем его евразийский) настаивает на том, что в нашей национальной культуре есть константы, базовые ценности, которые, в сущности, никогда не менялись. К ним, как правило, относят: постоянный поиск Россией себя, особенно в сравнении с Западом, ее неопределенность; бинарный (антиномичный) характер русской культуры; двоemiрие в русской культуре; ярко выраженное коллективистское начало, соборность, потребность в единстве, единство в многообразии; идея Земли-Родины, перед которой все равны; специфическое понимание социальной справедливости – успешность человека должна быть связана с трудом, а не с результатами предпринимательской активности; мессианская идея и универсалистский характер русского мессианства (можно назвать идеи митрополита Иллариона, доктрину Филофея «Москва – третий Рим», русскую идею славянофилов, почвенников, религиозных философов и даже русских марксистов); высокая степень адаптивности русской культурной традиции; противоречивое отношение к труду, которое отражено в знаменитых русских пословицах; низкая притязательность к жизненным благам; низкий протестный потенциал [3, с. 10–11].

Сами по себе перечисленные константы не хороши и не плохи. Их качество зависит от обстоятельств, в которых они проявляются и играют исторически разную роль.

Другой подход (представленный в трудах Н. Данилевского, А. Тойнби, С. Хантингтона) исходит из того, что более адекватным является понятие «цивилизационная идентичность», поскольку процессы глобализации, как указывалось выше, ведут к нивелированию национального начала, в том числе национально-государственного. Роль национальной идентичности в современных условиях падает, возникает опасность формирования псевдоидентичности, тем более что при ослаблении роли государства и идеологии «пробуждаются» архаичные слои ментальности, соответствующие жизненным практикам еще допетровских времен.

В рамках развития понятия цивилизационной идентичности возможно объединение разных видов идентичности (гендерной, профессиональной, конфессиональной, групповой, субкультурной) и снятие противоречий между ними с целью выявления наиболее общих тенденций развития нашего общества. Более целесообразно, утверждает данный подход, вести речь о формировании особого типа культуры как основы цивилизации, который не был бы подражанием Западу.

Таким образом, все равно встает вопрос о национально-культурной идентичности, только в другом ракурсе, в связи с определением культурного кода цивилизации, ее культурных констант и доминант. И вот тут-то, при попытке выявить культурно-национальный код, и возникают серьезнейшие проблемы и трудности методологического порядка. Можно выяснить, исследовать содержательно-смысловой инвариант той или иной ценности, который, впрочем, в чистом виде никогда не обнаруживается, а всегда в конкретной социально-исторической ситуации, конкретных социальных отношениях и взаимосвязях, что показано самыми различными философскими направлениями и школами (марксизм, герменевтика, феноменология и др.).

При определении же национально-культурных констант некоторая доля произвола и субъективизма не исключена, поскольку возможности доказательства, верификации и, тем более, фальсификации ограничены [3, с. 11–13].

Третий подход, постмодернистский, и исходит из того, что со второй половины XX века происходит диффузия ценностей, они заменяются «симулякрами». Идентичность существует в пределах «тусовок», которые постоянно меняются. Развитие сетевой коммуникации тоже обостряет проблему идентификации, потому что сети, «работа командами» по выполнению конкретного задания, после которого команда распадается и, как в калейдоскопе, реорганизуется, не способствуют укреплению идентификационных связей. Кроме того, Интернет создает возможности для формирования виртуальной идентичности, для образования особых виртуальных сообществ, вне-, над- и транснациональных. Следовательно, рассуждения о национальной идентичности не могут не учитывать новых явлений общественной жизни.

На наш взгляд, важно рассматривать различные подходы к пониманию национальной идентичности во взаимодополнении. Речь идет о преемственности, о

сохранении базовых национально-культурных ценностей, содержание которых меняется в соответствии с реальностью, то есть идентичность не остается той, какой она была, например, два-три десятилетия назад [3, с. 13].

Более того, как верно замечает А. Мегилл, «в мире, в котором альтернативные реальности постоянно входят друг с другом в конфликт, и в котором множество возможных идентичностей выставлено напоказ, неопределенность идентичностей, возможно, является неизбежным побочным продуктом» [2, с. 138]. Такая ситуация, с одной стороны, дает «эффект свободы» [2, с. 141]. С другой стороны, «когда идентичность становится сомнительной, повышается ценность памяти» [2, с. 138], исторического опыта, исторического образования, формирующих историческое сознание.

Возникает закономерный вопрос, что представляет собой современное историческое сознание и как оно влияет на содержание идентичности. Если воспользоваться классификацией видов истории Ф. Ницше (история монументальная, антикварная, критическая), то можно сказать, что современному этапу исторического развития соответствует история критическая и, следовательно, критическое историческое сознание [5, с. 123].

Для критического исторического сознания характерна трансформация, заключающаяся в новой конфигурации представления исторических фактов, которая, в свою очередь, обусловлена изменением принципов их отбора, смещением акцентов, оценок и т. п. Понятно, что переосмысление истории в рамках критического сознания не является самоцелью, а опосредовано целями и задачами, стоящими перед обществом, направлено на будущее, на реализацию наметившихся тенденций исторического развития. Если дело обстоит не так, то сознание не может быть определено, с нашей точки зрения, как собственно историческое. Сдвиги, дрейф содержания исторического сознания в российском обществе свидетельствуют, как представляется, не о его трансформации, а, скорее, о его конце. Разумеется, это одна из существующих ныне альтернатив эволюции сознания, но она пока, как мы полагаем, остается ведущей. Что имеется в виду и каковы основания для такого вывода?

Во-первых, нельзя не обратить внимание на явное расхождение между декларируемыми, как правило, «сверху», целями развития нашего общества, призванными детерминировать доминанты исторического сознания, и реальным положением дел. Это расхождение фиксируемо буквально во всех сферах, формах социального бытия: экономике, образовании, политике и т. д. Получается, есть некое «официальное» историческое сознание, оно и декларируется; и есть реальное сознание, крайне неоднородное. Налицо бывшее характерным для России культурное, по меньшей мере, двоемирие (о чем упоминалось выше). Это одна сторона проблемы; другая заключается в том, что такое расхождение, такая двойственность приводят вообще к растерянности, неопределенности и дезориентированности сознания.

Во-вторых, современному сознанию присущи парадоксальность, так называемый «кентавризм», когда в нем уживаются, сосуществуют взаимоисключающие образы, понятия, оценки, что никак не способствует

историческому самоопределению народа. Известно, что в сознании и индивидов, и социальных групп, и общества одновременно могут быть современные взгляды и идеи и целые пласты, по сути, архаичного сознания, казалось бы, давно исчезнувшего. Очевидно, когда расшатываются и отгесняются на периферию общественной жизни базовые ценности, разрушается сущностно-смысловой стержень, как бы цементирующий различные сегменты сознания, обеспечивающий его целостность, тогда и обнаруживаются компоненты, содержания сознания, возникшие в прежние исторические эпохи и не дававшие о себе знать. С другой стороны, и в историческом бытии вскрылись, похоже, такие архаичные пласты.

В-третьих, бросается в глаза явное падение интереса к истории, в том числе и потому, что современная жизнь с ней никак не связана. Об этом свидетельствует и уровень исторических знаний, например, выпускников школ. Здесь же можно сказать о «клиповости» подачи исторической информации и знаний, отсутствии в обществе согласия по важнейшим вопросам нашей истории, как, впрочем, и по видению нашего будущего.

Падение интереса к истории означает утрату исторического опыта, то есть опыта переживания истории, «прочувствования» ее своей историей. О каком же историческом сознании можно, в таком случае, вести речь?

Более того, можно говорить и об утрате чувства времени, что выражено в установке «жить сегодняшним днем», без прошлого и будущего, без того «просвета», «схождения времен», которое М. Хайдеггер считает важнейшей характеристикой исторического сознания. Осознанная устремленность в будущее рождает ответственность за настоящее, а значит, за историю, вводит в сознание новые идеи, понятия, указывая тем самым на значимость их будущего осуществления.

В-четвертых, мы знаем, что объективные процессы глобализации изменили статус государств и наций; идет дискуссия о судьбе государства в современную эпоху. А как же тогда национальная история и ее судьба? С чем можно и нужно соотносить историческое сознание? Вопрос, очевидно, заключается в исследовании диалектики взаимосвязи национальной и глобальной истории [5, с. 124–125].

Но, так или иначе, эпоха глобализации характеризуется глубокой трансформацией исторического сознания. Изменения исторического сознания обусловлены мировыми войнами XX века, включая холодную войну, которые потрясли философские основания Модерна и вызвали разочарование в прогрессистских учениях; перекраиванием политической карты мира – это распад СССР и мировой системы социализма, усиление блока НАТО, рост значения азиатских государств и др. Закончилась, по словам А. Бадью, историческая революционная эпоха, продолжавшаяся с Великой Французской революции (1789 г.) до китайской культурной революции (1976 г.). Предпринимаются попытки создать новые или, наоборот, реанимировать старые символические формы, найти возможность создать новую вдохновляющую идею.

В основе исторического сознания всегда находится некий архетип – это, как правило, реальное историческое событие, интерпретации и варианты мифологизации которого могут быть различны. В более ранние эпохи архетип

отсылал к священным текстам (Библия, Коран и др.). При кардинальном преобразовании общества, в процессе нового нациестроительства архетип менялся с целью сохранения и поддержания социального порядка. Такую смену архетипа и даже конфликт архетипов мы можем фиксировать в современном российском обществе; двойственность архетипов рождает амбивалентность исторического сознания. Поясним, о чем идет речь. Новый архетип, который формируется как символ национального единства, – это победа нашего народа в Великой Отечественной войне. Но попытки сформировать данный архетип ломают прежний архетип, которым была Великая Октябрьская социалистическая революция; и победа в Великой Отечественной войне рассматривалась как подвиг народа, как результат определенного типа общественного развития. Суть происходящего изменения заключается в том, чтобы оторвать победу в войне от «социалистического прошлого» нашего общества и найти, таким образом, новую точку отсчета отечественной истории XX века [4, с. 102].

Приведенный пример поиска архетипа и, вместе с ним, национальной или цивилизационной идентичности России (что важно в эпоху глобализации в ситуации угрозы размывания национально-цивилизационных архетипов) не единственный. В этой связи можно назвать относительно новую «красную дату календаря» – 4 ноября, День народного единства как день, символизирующий начало российской цивилизации, формирующейся в борьбе с польско-шведской интервенцией. А в 2014 году активно обсуждалась тема царствования Ивана III, при котором путем присоединения многих земель, было образовано территориальное ядро русского государства. Продолжаются, таким образом, поиски архетипа исторического сознания российского общества, пишутся новые учебники по отечественной и зарубежной истории, но вопрос, к сожалению, пока остается открытым. Или возникает еще один вопрос – возможен ли плюрализм архетипов в условиях кризиса национально-государственной формы организации общества?

Другой существенной особенностью и характеристикой исторического сознания можно считать пересмотр отношения к революциям – прежде всего, к Французской и Русской. Революция рассматривается как ярко выраженное проявление насилия, которое, разумеется, оценивается негативно. Распространение получают, с одной стороны теории заговора, результатом которого и оказывается революция; с другой стороны, выдвигается идея мирного, консенсусного развития. При этом почему-то «забывается», что война, даже самая праведная, – это тоже форма насилия, и победы не бывает без применения насилия (победа всегда над кем-то). Здесь возникает закономерный вопрос о природе насилия, его видах, справедливом и несправедливом насилии. Так или иначе, оценка насилия меняется: в одних случаях оно резко и безоговорочно отрицается, в других – как будто не замечается, например, в многочисленных «бархатных», «цветных» и «цветочных» революциях. Кроме того, революции возникают все-таки в результате реальных противоречий в обществе, дезинтеграции общества и государства.

Далее, на смену прогрессистским и нерелигиозным убеждениям приходят религиозные ценности, усиливается роль религии и религиозных организаций [1]. Это можно объяснить рядом обстоятельств. В контексте кризиса, размытости

ценностей, вообще неопределенности, турбулентности современной социокультурной, социально-политической и социально-экономической ситуации проявляет себя стремление к трансцендентному, приобретающее религиозное выражение. О «прорыве к трансцендентному», о «возвращении к бытию» писали в свое время К. Ясперс, М. Хайдеггер, имея в виду изменение способа философствования. Но для массового сознания философия, конечно, менее доступна и более сложна по сравнению с религией.

Глобализация ведет к разрушению национальной идентичности, которая может быть заменена религиозной, будто бы гарантирующей «возвращение к корням», к «почве». Хотя религия не может быть «первичной матрицей идентичности», главными ее составляющими являются семейная генеалогия, язык, географическая среда, этничность, кроме тех случаев, когда человек посвящает религии жизнь. Несмотря на всю важность религии, не религиозная сущность определяет поведение людей и вытекающее из него социальные и политические системы.

Недоверие к идеологиям XIX–XX вв., к революциям, с которыми связывают насилие, стремление этого насилия избежать заставляет обратиться к прошлым формам общественного сознания, то есть к религии. Игнорируется насилие и нетерпимость религиозных войн, отношения к инакомыслящим (еретикам), связь религии и церкви с властью (сама религия характеризуется организацией и институционализацией, а значит, и проявлениями власти, насилия).

Современные цивилизации, прежде всего западная, техногенная, цивилизация, испытывают страх за свое будущее: все великие цивилизации рано или поздно гибнут, происходит столкновение цивилизаций, о котором писал С. Хантингтон. В стремлении победить и погубить соперника цивилизация обращается к религии. Так, политическая элита США, не скрывая своих претензий на господствующую роль в мире, в новом цивилизационном порядке, говорит о восстановлении «традиционных ценностей», использует в политике религиозно-этическую риторику – «империя зла», «ось зла». Вообще, морализация становится характерной чертой политики и политиков (как и демонизация некоторых религий, например, ислама, в ситуации угрозы терроризма). Традиционные ценности, как правило, связаны с протестантизмом, особенность которого заключается в том, что он внедряет религиозность непосредственно в повседневную жизнь, социальное и религиозное оказываются взаимосвязанными.

Кризис переживают и философии истории, основанные на принципах рационального постижения истории; истоки западноевропейской цивилизации смещаются с греко-римского периода на время возникновения христианства.

Активизация религиозного сознания объясняется и экзистенциальной тревогой, желанием спасти разрушенные «основания» и природного, и социального, и человеческого бытия.

Несмотря на такой своего рода «религиозный ренессанс», нельзя не признать, что все-таки религия оказывается подчиненной политическим целям. Это не возвращение религиозности, в буквальном смысле слова, а новое применение религии в новых политико-экономических условиях, ее инструментализация, в том

числе и в вопросе о формировании идентичности. В каком-то отношении воспроизводится обоснование идентичности, распространенное до XX века.

В историческом сознании меняются также представления об историческом пространстве и историческом времени. Так, организуются новые места памяти: Санкт-Петербург (Ленинград) – уже не «колыбель революции», все больше экскурсий и туров организуются по «священным местам» и т. п. Время, линейное или спиралевидное, заменяется временем эсхатологическим, и происходящие события, в том числе конфликты (войны) трактуются как эсхатологические.

Можно говорить и об образе исторического героя, который играл важную воспитательную и идентификационную роль в классической древности, в проекте «Модерн» и которого, кажется, нет в наше время [4, с. 104].

Все выше сказанное свидетельствует о глубокой трансформации исторического сознания, его кризисе. Повторим, кризис идентичности и кризис исторического сознания оказываются теснейшим образом взаимосвязанными и усугубляются в условиях глобализации. Каковы варианты преодоления этой критической ситуации? Сторонники сохранения или возрождения проекта «Модерн» (Ж. Корм, Ю. Хабермас) предлагают опереться на коммуникативный разум и выйти из библейского архетипа, переобосновать мир, признав возможность мультикультуризма и идеалов Просвещения. На наш взгляд, идет сложный процесс формирования нового типа мировоззрения, идеологии, и обращение к религии, эсхатологии является лишь его временным этапом. Тип общества, который возник из проекта «Модерн», очевидно, себя исчерпал, обнаружив пределы роста; этим, в определенной степени, объясняется пересмотр его начал, оснований, поиск иных точек отсчета истории. Фиксация контуров будущего общества позволит выявить и адекватные ему тенденции в общественном сознании. Все зависит от того, какой из конкурирующих, борющихся друг с другом сценариев цивилизационного развития победит.

Список литературы

1. Корм Ж. Религиозный вопрос в XXI веке. Геополитика и кризис постмодерна / Ж. Корм. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2012. – 288 с.
2. Мегилл А. Историческая эпистемология / А. Мегилл. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2009. – 480 с.
3. Останина О. А. К вопросу о национальной идентичности России // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2013. – № 2 (1). – С. 9–14.
4. Останина О. А. Историческое сознание в эпоху глобализации / О. А. Останина // Бытие – Язык – История: материалы Всероссийской заочной научной конференции 19 ноября 2015 г. – Киров: ООО «Радуга-ПРЕСС», 2015. – С. 101–105.
5. Останина О. А. Трансформация или конец исторического сознания? / О. А. Останина // Социогуманитарные науки в трансформирующемся обществе: Человек в информационном обществе: сборник статей и тезисов докладов X Всероссийской научной конференции (Май 2012 г.). – Липецк: Изд-во ЛГТУ, 2012. – С. 123–125.

Ostanina O. A. Historical Consciousness – Identity – Globalization // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2016. – Vol. 2 (68). – № 4. – P. 88–97

Identity may be considered as one of components of the historical consciousness. On the other side the historical consciousness is one of the factors of formation and steadiness of the identity, individual or collective. The historical consciousness is a part of the public consciousness, which includes the set of views about the historical past. It represents the complex weave of memory, anticipations, experiences, knowledge, and reflection. They are due the social being as well as capabilities of the consciousness. Different forms and levels of the historical consciousness can be allocated. The article deals with the identity, the historical consciousness and their relationship in the context of the process of the globalization; this feature forms one of the aspects of its novelty. The other aspect of novelty is the analysis of some tendencies of changing of the historical knowledge and its understanding, relation to it.

Identity determines also the selection of historical data, the configuration of history in its representation; it determines historical memory as well. At the same time our identity is characterized as uncertain. At the first sight this uncertainty seems favorable for freedom of choice. But really the situation is rather serious and even dangerous because the identity is a necessary condition of the wholeness both of the society and the personality, of normal being of community.

Undoubtedly such state of the historical consciousness and the identity is mediated by the contemporary society, its crisis. And we can define the historical consciousness as critical. It is transformed; the configurations of the representation of historical facts, principles of their selection are changed. The transformation of the historical consciousness in Russia is full of contradictions.

Thus there is a great difference between the “official”, declarative historical consciousness and the real, mass consciousness. Then the historical consciousness contains incompatible opinions, ideas (“kentavrism”), new views and knowledge get on with archaisms. The interest in history falls, the feeling of the historical time is lost, etc.

The question about the identity is complex; there is a discussion about its sense and meaning. Is it entirely subjective or are there objective foundations of the identity? If yes, what are the real features of our identity, how do they transform, develop? Is it possible that the identity is situational? All these questions must be thoroughly investigated, only declarative words are not enough.

The crisis of the historical consciousness and the identity is not accidental; and one of its circumstances is the process of the globalization.

The globalization changes the role of states and nations, the forms of communication, of movement of people; borders between countries become more open; the education, the language change and so on. The globalization leads to the destruction of the national identity which is substituted by other identities, religious in particular. Appraisals about great historical events are revised as also ideologies of the XX century.

The modern type of society is outdated; different tendencies of the future development, existing civilizations fight with each other. The content of the historical consciousness and the identity will depend on such type of the civilization which will win. The philosophical reflexion can determine contours of the future society, the senses of the happening events; it is significant for the historical reconstruction and representation and accents in the identity.

Key words: identity, historical consciousness, globalization

References

1. Corm J. Religiozny Vopros v XXI Veke. Geopolitika i Krizis Postmoderna [The Religious Question in the XXI Century. Geopolitics and the Crisis of Postmodernity]. Moscow, Institute Obshchegumanitarnyh Issledovaniy [Institute for Humanities Research], 2012, 288 p.
2. Megill A. Istoricheskaya Epistemologiya [The Historical Epistemology]. Moscow, Kanon+, ROOI Reabilitatsiya [Rehabilitation], 2009, 480 p.

3. Ostanina O. A. K voprosu o Nationalnoy Identichnosti Rossii [On the Question of Russian National Identity]. Vestnik Vyatskogo Gosudarstvennogo Gumanitarnogo Universiteta [Journal of the Vyatka State University of Humanities], 2013, no. 2 (1), P. 9–14.
4. Ostanina O. A. Istoricheskoye Soznanie v Epohu Globalizatsii [Historical Consciousness in the Era of Globalization]. Bytie – Jazyk – Istorija. Materialy Vserossijskoj zaochnoj nauchnoj konferencii 19 nojabrja 2015 g. Kirov, OOO “Raduga-PRESS” [Genesis – Language – History. Proceedings of the All-Russia Correspondence Scientific Conference November 19, 2015 Kirov, OOO "Rainbow-PRESS"], 2015, P. 101–105.
5. Ostanina O. A. Transformatsiya ili Konets Istoricheskogo Soznaniya? [The Transformation or End of Historical Consciousness?]. Sociogumanitarnye Nauki v Transformiruyushchemsya Obshchestve: Chelovek v Informatsionnom Obshchestve. Sbornik statey i Tezisev Dokladov X Vserossiyskoy Nauchnoy Konferentsii [Social Sciences and Humanities in a Transformed Society: the Man in the Information Society: a Collection of Articles and Abstracts X All-Russian Scientific Conference. May 2012], Lipetsk, Publ. LGTU, 2012, P. 123–125.

УДК 008:79:304.2

РОЛЕВЫЕ ИГРЫ ЖИВОГО ДЕЙСТВИЯ КАК СПОСОБ АКТУАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОСТИ

Тяглова М. А.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

E-mail: tyamar@rambler.ru

В XX веке игра остается одной из важнейших составляющих культурного поведения. Одним из проявлений популярности игры можно считать распространение ролевых игр, традиции которых сформировались в России и в зарубежных странах в конце XX века. Будучи формой досуга, ролевые игры могут также служить образовательным целям, быть инструментом познания мира. Кроме того, игры становятся площадкой для политической и исторической рефлексии, способны поднимать различные социокультурные проблемы. При этом в игре транслируются поведенческие модели, которые могут как позитивно, так и негативно проявляться в реальной жизни.

Ключевые слова: ролевые игры живого действия, игры в образовании, политический активизм.

Известный историк культуры Й. Хейзинга полагал, что источник всех культурных институтов находится в игре. Рассматривая игровые проявления в различных сферах культуры, он полагал, что в XX веке игра исчезнет как таковая и будет вытеснена пуэрилизмом (этим термином Хейзинга обозначал не возврат к детской непосредственности, а деградацию к инфантильности), останется её имитация, даже фальсификация. Однако, несмотря на такие прогнозы, в наши дни игра становится одной из наиболее заметных форм поведенческой культуры, игрофикации постепенно подвергаются практически все сферы человеческой деятельности. Если еще до недавнего времени игра воспринималась, как нечто несерьезное, относящееся только к ювенильным формам поведения, то на данное время игры популярны как в молодежной среде, так и у людей старшего поколения. Во многом это связано с всеохватывающей распространённостью компьютерных игр и мобильных приложений, которые признаются обычной и уже практически общепринятой формой досуга. Игровые технологии внедряются в учебный и рабочий процессы, используются в информационных и маркетинговых проектах.

Игры способны формировать досуговые общности, что наиболее ярко проявилось в возникновении ролевого движения в России и зарубежных странах. Вокруг увлечения ролевыми играми живого действия (LARP или LARPG – Live action Role-playing game в зарубежной терминологии) сформировалась целая отдельная субкультура.

В России ролевые игры известны с конца 80-х годов XX века. Первые крупные игры проводились по произведениям Дж. Р. Р. Толкина, но впоследствии их тематика стала гораздо шире. На данное время источниками являются литературные произведения, фильмы и сериалы, компьютерные игры, реальные исторические события и так далее.

В России, однако, их осмысление и использование связано с более ранними традициями отечественной педагогики, издавна учитывающей их огромное образовательное значение. И до сих пор в России действуют организации и объединения, развивающие обучающий потенциал ролевой игры – например, Всероссийская ассоциация по играм в образовании (Russian Association for Games in Education, RAGE). Ассоциация до 2015 года ставила задачи по формированию сообщества ролевых игр в России, осуществляла коммуникационную и издательскую деятельность – в том числе проведение конференций и издание сборников публикаций, посвящённых использованию игровых форм в образовании. Кроме того, ассоциация занималась подготовкой кадров в сфере игротехники и исследовала философские и социокультурные аспекты игры.

Существуют также объединения, занимающиеся разработкой социальных тренажеров, что может быть использовано в обучающих программах в качестве способа развития социальных и профессиональных навыков. Ролевые игры внедряются в образовательный процесс, в частности, в Центре интерактивных образовательных технологий МГУ им. М. В. Ломоносова. Это игры, проводимые как в рамках университетских занятий, так и в летних школах, профориентационные игры в детских домах.

Ролевые игры могут превращаться в научно-образовательные проекты в сфере политики и применяться для моделирования политической ситуации в различных странах. Подобные игры проводились при содействии Центра интерактивных образовательных технологий МГУ им. М. В. Ломоносова, например: «Украина-2010» (2008), моделировавшая избирательную кампанию президентских выборов в Украине; «Чили: 1970–73» (2009), основанная на событиях в Чили, начавшихся с избрания президента С. Альенде и закончившихся диктатурой А. Пиночета; игра «Римский сенат» (2011), целью которой было ознакомление студентов-политологов с особенностями политического процесса.

Одновременно значительно вырос уровень теоретической рефлексии участников. С 90-х годов в России проводятся ролевые конвенты, тренинги и семинары, участники которых обсуждают теоретические и практические проблемы в сфере ролевых игр.

Примерно с середины нулевых годов происходит социализация ролевого сообщества, что выражается в его большей открытости, улучшении информационной составляющей, появлении ряда новых мероприятий, где затрагиваются проблемы, связанные непосредственно с психологией и социологией игрового взаимодействия (например, психотравма на ролевых играх, вопросы гендерной проблематики, проигрывание ролевой модели в реальности и т. д.). Из хобби, популярной формы досуга ролевые игры в наши дни превращаются в площадку для обсуждения актуальных проблем современности.

В то же время представители российского ролевого сообщества устанавливают контакты с представителями ролевого сообщества в зарубежных странах, посещая иностранные конвенты. Наиболее известным ролевым конвентом Европы считается «Knutpunkt», который проводится в североευропейских странах с конца 90-х годов. Представители ролевого движения северной Европы образуют сообщество, называемое «Nordic LARP», которое имеет свою собственную игровую культуру и игровые традиции. Если в России долгое время идет дискуссия об определении ролевых игр, считать их искусством многим не позволяет их невоспроизводимость, то в европейских странах исследователи называют ролевые игры формой перформативного искусства (performance-art). В европейских странах также признается образовательный потенциал ролевых игр, кроме того, они видятся инструментом политических и социальных преобразований.

Европейские ролевые конвенты рассматривают вопросы, касающиеся самой разнообразной тематики. По результатам конвента издаются альманахи и сборники статей. В данных сборниках изучается игровая механика, проблемы написания сценариев для игр, психологические аспекты игрового взаимодействия и многие другие вопросы, касающиеся практической и теоретической сторон создания игр. Некоторые темы представленных статей (2013–2016 гг.) на момент их написания отражают актуальную социально-политическую обстановку в Европе. Это проблемы, связанные с проявлением неонацизма, ксенофобии, с проблемой отношения к беженцам, гендерной проблематикой и так далее. Это вопросы как отражения политики в ролевых играх, так и собственно политики внутри них, личного отношения игроков и мастеров к этим проблемам и того, как это может влиять на сами игры.

Игры формируют определенные поведенческие модели, механизмы принятия решений и морально-этического выбора. Сам сюжет игры может быть построен таким образом, чтобы стимулировать возникновение и трансляцию таких моделей.

Например, итальянские игры «Local Fair of St. Martino 1939» (2014, 2015) и «The Rebels of the Mountain» (2015) были посвящены теме фашизма. Первая игра воспроизвела жизнь маленькой итальянской деревушки, где приход к власти фашистов воспринимался как нечто отдаленное и даже полумифическое. При этом сюжет фокусировался не на глобальных событиях, а на повседневной рутине, обычной жизни, протекающей на фоне судьбоносных исторических катаклизмов. Сюжет второй игры вращался вокруг итальянского движения сопротивления и во многом отразил проблемы конкретного морально-этического выбора. Организаторы игр посвятили эти проекты 70-летию победы над фашизмом и постарались вызвать у игроков размышления о личном выборе и личной ответственности не только в рамках игры, но и применительно к событиям реальной жизни. Игра «The Rebels of the Mountain» явилась последней в серии из трёх игр, посвященных анализу авторитаризма и механизмов угнетения, применяемых властью [3]. В игре «Inside Hamlet» (2015) по шекспировской трагедии «Гамлет» действие переносится в 1939 год. Акценты в структуре игры переводят проблему столкновения морали и власти из области личной трагедии в политический план [11].

Многие ролевые игры, согласно авторскому замыслу, призваны активизировать историческую и политическую рефлексию. Так, ролевая «Игра-поэма 1905» (Москва, 2015 г.) освещала события русской революции 1905 года, русско-японской войны, обеспечивая погружение в предреволюционную эпоху. Одной из целей игры, провозглашенной мастерской группой, была историческая рефлексия, к которой приходили игроки после завершения игры, что явилось попыткой не только осмыслить события в связи с историческими коллизиями начала XX века, но также увидеть события начала прошлого века через призму проблем, актуальных в наши дни [9].

Ролевые игры не только моделируют социальные отношения, но и создают их, способны оказывать влияние на них и в реальном мире. Игры могут быть способом политического действия, видом политического акционизма. Традиционно они включают игровое погружение всех участников, там нет зрителей, однако в качестве политической акции они могут разыгрываться публично, в рамках общественного пространства, (например, в парках и на площадях). Акции-игры могут сопровождаться мультимедийными инсталляциями, что приближает их к политическому искусству и затрагивают обычно актуальные социальные и политические проблемы, позволяя привлечь к ним внимание, вызвать общественную дискуссию, дебаты. Это, например, игры «System Danmarc» (2005), «Books of Just a Little Lovin'» (2011) и некоторые другие [10]. Многие из них направлены на рассмотрение того, как политика влияет на частную жизнь индивида, и стремятся вызвать определенные эмоции, погружение в ситуацию, её проживание.

Ролевые игры затрагивают проблемы не только политические. Например, серия игр «Baltic Warriors», прошедшая в странах Балтийского бассейна (2014–2015), была посвящена экологической тематике, в частности загрязнению Балтийского моря промышленными отходами. Этот игровой проект совместно с освещением темы в прессе должен был привлечь к проблеме внимание международной общественности. Ролевые игры здесь стали частью целой кампании, проводившейся в семи странах Балтийского бассейна при поддержке и финансировании со стороны Гёте-Института Финляндии. Сюжет игры строился на политической сатире и вращался вокруг квази-дебатов касательно участи Балтийского моря, которые, в случае долгой затянутости, прерывались атаками зомби-викингов, поднявшихся из «мертвых» зон моря. Для победы над ними участники дебатов должны были объединить силы, что являлось аллегорией решения экологической проблемы. В то же время при проведении игр в разных странах моделировались ситуации, в которых изучался процесс принятия политических решений и того, как на него могли повлиять различные группы. С другой стороны, игра должна была объединить участников общей целью улучшения экологической обстановки. Кроме того, игры сопровождались лекциями и выступлениями реальных ученых, политиков и экспертов, что также увеличивало масштаб мероприятия и вызывало к нему большой интерес [8].

Отдельные игры в Европе затрагивают гендерную проблематику. Некоторые участники игр видят в требованиях к внешнему облику и реальному полу персонажа формы угнетения и дискриминации, вызванные укоренившимися в обществе

стандартами красоты и полоролевыми стереотипами. Участники могут отсеиваться на кастингах ввиду неподходящей физической формы, наличия излишнего веса, не подходящего к роли цвета кожи и так далее. Зачастую выбор персонажей для женщин ограничивается небольшим перечнем, заимствованным из массовой культуры. Нередко этот перечень включает такие роли как целительница, жена главного мужского персонажа, «дама в беде» и куртизанка. Выходом из такой ситуации видится система слепых кастингов, где персонажи создаются гендерно-нейтральными, а их роли и характеристики в игре не определяются полом. Эта проблема инициирует исследования, где изучается роль женщины в политике и общественных отношениях в разные исторические эпохи. Также подобную проблему может решить создание выпуклых и разносторонних женских персонажей. Примером игры, где эта проблема была учтена, можно назвать «Completorium» (2012), действие которой было помещено в XIII век, в монастырскую обитель сестер-цистерянок. Игра детально воспроизвела атмосферу и уклад жизни средневекового монастыря с его обычными занятиями – часами молитв и трудов. Согласно монастырской иерархии, монахини подчинялись аббатисе, которая воплощала для них власть не только духовную, но и светскую. В сюжете игры присутствовали и мужские персонажи – священники, паломники и папские посланники, но их роли не были центральными [4].

Другой игрой, где было множество женских персонажей, можно назвать игру «Viena 1918: tovereit ajaheim ov eljiä» (2014), которая была посвящена окончанию Первой мировой войны и гражданским войнам в России и Финляндии. Силы Красной Армии на этой игре в основном были представлены женскими персонажами, поскольку, по замыслу мастеров, там главенствовала идея равенства. Также женскими персонажами были в основном представлены жители сельской Карелии. Роли крестьянок были более традиционными, но в целом игра предоставляла возможность выбора разных ролей. Данные игры проводились финской мастерской группой, и сама забота о разносторонности женских персонажей объясняется тем, что в ролевом движении Финляндии соотношение женщин и мужчин составляет 70 и 30 процентов соответственно [там же].

Ролевая игра может быть средством для воспитания культуры гостеприимства и принятия «другого», что в особенности касается проблемы притока беженцев в страны центральной и северной Европы. Некоторые мастерские группы занимаются организацией игр, которые имеют социальную направленность и способствуют возрастанию эмпатии и сострадания по отношению к беженцам.

Мастерские группы в Норвегии поддерживают международные программы, в частности проекты по построению гражданского общества в недемократических странах, например, в Палестине и Сирии. Норвежские ролевики устанавливают контакты с заинтересованной молодежью данных стран и проводят игры на нейтральных площадках, постепенно вплетая в сюжеты игр социально-политическую проблематику. В то же время такие программы могут стать инструментом культурной и политической экспансии, способом экспорта «оранжевых революций», по ироничному замечанию одного из участников ролевого движения России [1, с. 80].

Игра, таким образом, может расцениваться как способ управления общественным мнением и общественным поведением и одновременно как социальный эксперимент. Если отвлечься от темы сюжетных ролевых игр, любопытным примером служит ныне очень популярная игра – мобильное приложение «Pokemon Go», созданная по мотивам одноименного аниме-сериала. Покемоны (от англ. pocket monster), размещаемые в реальных локациях, становятся объектом охоты игроков. Роль охотника, принимаемая каждым её участником, пробуждает древние охотничьи инстинкты, унаследованные от далёких предков. Редкий покемон, размещенный в сентябре 2016 г. на острове Одайба в Японии, привлек игроков со всей страны. Люди отпрашивались с работы и уходили с учебных занятий, чтобы добраться до редкого экземпляра. Ловцы покемонов парализовали движение транспорта и хаотически перемещались по проезжей части. Для того, чтобы наладить движение, потребовалось вмешательство полиции, которая выступила с официальной просьбой к разработчикам игры убрать покемона из этой локации [2]. Таким образом, перемещение большой массы людей контролировалось с помощью игры.

Ролевые игры рассматриваются также не только как хобби, а как труд, форма занятости, куда включаются проектирование, менеджмент и логистика, поскольку мастерская группа отвечает за множество нюансов во время проведения игр: организация игры, техническое обеспечение, питание и размещение игроков и, в случае необходимости, оказание медицинской помощи. Существует категория участников ролевых игр, которую в Великобритании называют «monsters». Так характеризуют добровольцев, которые помогают в организации и проведении игр. Часто такие добровольцы также исполняют игротехнические роли монстров (отсюда и название), отрицательных персонажей, посланников богов, и другие роли, позволяющие повернуть течение игры в нужном по общему сюжетному замыслу направлению. На некоторых играх эти добровольцы получают определенную реальную плату. Многие побывавшие в роли монстров участники игр отмечают, что это не только интересный опыт преображения, но в то же время и способ исследования границ дозволенного и недозволенного, морального измерения личности [7]. В российских играх существуют так называемые игротехнические роли, которые исполняют сами мастера или приглашенные ими игроки. Они же занимаются и приготовлениями к игре.

Некоторые игроки и в России, и в Европе, решив сыграть роль, близкую к их реальной профессиональной деятельности, оказываются в ситуации, когда им приходится включаться не только в игру в рамках своей роли, но использовать настоящие профессиональные навыки, что мешает эмоциональному погружению в игру, однако предоставляет новый опыт для личностной рефлексии. В тоже время становится профессией само создание и проведение игр. Они используются не только в рамках развлекательных мероприятий, но и для организации тренингов, образовательных интерактивных занятий. В Дании и Швейцарии ролевые игры имеют государственную поддержку и считаются частью образовательного процесса для детей.

Ролевые игры направлены на получение опыта самопознания и изучение человеческого взаимодействия. В рамках игрового взаимодействия игроки пытаются найти для себя ответы на вопросы, чем являются такие феномены человеческого бытия, как «любовь», «ненависть», «дружба» и сама игра. Одной из черт «Nordic LARP» называют «иллюзию 360°» – полного погружения в игру, проживания судьбы персонажа, что предусматривает воссоздание целого игрового мира, а также ситуационный, эмоциональный и физический реализм [6]. При этом возникает проблема границы между личностями игрока и персонажа игры. Каждый игрок привносит в игру свою систему ценностей, которую проецирует на поведение персонажа. Это как представления о добре и зле, так и понимание причинно-следственной связи между выбором, действием и его последствиями. Игры, таким образом, становятся способом исследования этической проблематики – вопросов свободной (а также злой и доброй) воли и, что является немаловажным, воспитывают эмпатию, позволяют появиться взаимопониманию, что облегчает коммуникацию в реальной жизни.

Итак, на данное время ролевые игры – это актуальный феномен культуры не только в России, но и в европейских странах. Имея ряд отличий, российские и европейские ролевые игры имеют и важное сходство: они направлены на познание современной действительности и современного человека через игровое взаимодействие.

Проблематика проводимых в России и Европе ролевых игр очень обширна. Ролевые игры могут выступать во множестве аспектов: как хобби, способ обучения, труд, искусство, форма политического и экологического активизма. Огромный потенциал ролевых игр в моделировании и прогнозировании структурных изменений в социокультурных процессах, а также кризисных состояний социальных систем, поскольку это экспериментальная площадка, где могут воплощаться как практики современного искусства, так и различные научные междисциплинарные подходы в изучении человека и общества. Ролевые игры могут быть инструментом политических и социальных изменений, способствовать консолидации общества для решения конкретных проблем.

Ролевые игры – это социально направленная деятельность, способная преобразовывать социокультурную среду и поведенческие модели индивидов. В то же время существует некоторая опасность – воспринимаемые в игре модели поведения, ценностные матрицы, которыми может руководствоваться индивид, в реальной жизни могут нести деструктивный характер, игра может становиться способом манипуляции сознанием и поведением людей.

Список литературы

1. Рожков В. We are the world! / В. Рожков // Ролевые игры. Глядим назад, следов не видя там: сборник статей / под. ред. А. И. Федосеева. – М., МАКС Пресс, 2013. – с. 70–82.
2. Толпы игроков в Pokemon Go устроили в Токио сущий хаос. URL: <http://searchnews.info/pokemon-go/186317-tolpy-igrokov-pokemon-go-ustroili-v-tokio-suschiy-haos.html>
3. Amantini A. A Trilogy of Power and Oppression / A. Amantini, M. Miceli / Larp Politics: Systems, Theory, and Genderin Action / ed.: K. Kangar, M. Lopenen, M. Sarkijarvi. – Solmukohta: Ropeconry, 2016. – P. 28–33.

4. Heimola M. Gender and Historical Larps: Two Case Studies of Women's Roles in Historical Settings / M. Heimola // *Larp Politics: Systems, Theory, and Gender in Action* / ed.: K. Kangar, M. Lopenen, M. Sarkijarvi. – Solmukohta: Ropeconry, 2016. – P. 158–169.
5. Kasper L. Playing Stress, Guilt and Identity – This Ain't Politics, This Is Syria / L. Kasper, T. Leipoldt // *Larp Politics: Systems, Theory, and Gender in Action* / ed.: K. Kangar, M. Lopenen, M. Sarkijarvi. – Solmukohta: Ropeconry, 2016. – P. 59–64.
6. Koljonen J. Eye-Witness to the Illusion / J. Koljonen // *The Foundation Stone of Nordic Larp: Official book of Knutpunkt 2014* / ed.: E. Saitta, M. Holm-Andersen, J. Back. – Denmark: ToptrykGrafisk, 2014. – P. 89–103.
7. Mitchell L. Beauty or the Beast? / L. Mitchell // *Crossing theoretical borders: the official book series of Knutpunkt 2013* / ed.: K. Jacobsen Meland, K. Øverlie Svela. – Norway: Fantasi for bundet, 2013. – P. 37–45.
8. Pettersson J. Saving the Baltic Sea with Larp / J. Pettersson // *Larp Politics: Systems, Theory, and Gender in Action* / ed.: K. Kangar, M. Lopenen, M. Sarkijarvi. – Solmukohta: Ropeconry, 2016. – P. 43–49.
9. Pihl E. Larp-poem 1905: re-writing Russian History / E. Pihl // *Larp Politics: Systems, Theory, and Gender in Action* / ed.: K. Kangar, M. Lopenen, M. Sarkijarvi. – Solmukohta: Ropeconry, 2016. – P. 17–27.
10. Rantanen T. Larp as a Form of Political Action: Some Insights from the Theories of Political Science Political Larps: Two Audiences / T. Rantanen // *Larp Politics: Systems, Theory, and Gender in Action* / ed.: K. Kangar, M. Lopenen, M. Sarkijarvi. – Solmukohta: Ropeconry, 2016. – P. 111–118.
11. Räsänen S. «These but the trappings and the suits of woe»: Tragedy and Politics in Inside Hamlet / Räsänen S // *Larp Politics: Systems, Theory, and Gender in Action* / ed.: K. Kangar, M. Lopenen, M. Sarkijarvi. – Solmukohta: Ropeconry, 2016. – P. 12–16.
12. Steinbach D. Refugees Are Welcome: Larp as a Method for Creating a Culture of Welcoming and Acceptance / D. Steinbach // *Larp Politics: Systems, Theory, and Gender in Action* / ed.: K. Kangar, M. Lopenen, M. Sarkijarvi. – Solmukohta: Ropeconry, 2016. – P. 52–58.

Tyaglova M. A. Live Action Role-Playing Game as a Method of Actualization of social and political problems of the present // *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology*. – 2016. – Vol. 2 (68). – № 4. – P. 98–106

In 20th century game remains one of the predominants of civilized behavior. One of manifestations of the game popularity is emerge of subculture of live action role-playing games which formed in Russia and foreign countries in the end of 20th century. Being of the kind of leisure role-playing can be transformed into scientific and educational projects. Furthermore role-playing becoming a tool of political and historical reflection could raise different sociocultural issues. In that time, behavior models transmitted at the game could be both positive and negative.

Keywords: live action role-playing games, playing in the education, political activism

References

1. Rozhkov V. We are the world! Rolevyie igry. Glyadim nazad, sledov ne vidya tam: sbornik statey [We Are the World! Role-Playing Games. Looking Back, Seeing No Traces There: A Collection Of Articles]. Moscow, 2013, P. 70–82.
2. Tolpy igrokov v Pokemon Go ustroili v Tokio sushchiy kaos [Crowds of Pokemon Go Players Arranged Chaos in Tokyo. URL: [//searchnews.info/pokemon-go/186317-tolpy-igrokov-pokemon-go-ustroili-v-tokio-suschiy-haos.html](https://searchnews.info/pokemon-go/186317-tolpy-igrokov-pokemon-go-ustroili-v-tokio-suschiy-haos.html)]
3. Amantini A. A. Trilogy of Power and Oppression. Solmukohta, Ropeconry, 2016, P. 28–33.
4. Heimola M. Gender and Historical Larps: Two Case Studies of Women's Roles in Historical Settings. Systems, Theory, and Gender in Action. Solmukohta, Ropeconry, 2016, P. 158–169.
5. Kasper L. Playing Stress, Guilt and Identity. This Ain't Politics, This Is Syria. Larp Politics: Systems, Theory, and Gender in Action. Solmukohta, Ropeconry, 2016, P. 59–64.

6. Koljonen J. Eye-Witness to the Illusion. The Foundation Stone of Nordic Larp: Official book of Knutpunkt 2014. Denmark, Toptryk Grafisk, 2014, P. 89–103.
7. Mitchell L. Beauty or the Beast? Crossing theoretical borders: the official book series of Knutepunkt 2013. Norway, Fantasiforbundet, 2013, P. 37–45.
8. Pettersson J. Saving the Baltic Sea with Larp. Larp Politics: Systems, Theory, and Gender in Action. Solmukohta, Ropeconry, 2016, P. 43–49.
9. Pihl E. Larp-poem 1905: re-writing Russian History. Larp Politics: Systems, Theory, and Gender in Action. Solmukohta, Ropeconry, 2016, P. 17–27.
10. Rantanen T. Larp as a Form of Political Action: Some Insights from the Theories of Political Science Political Larps: Two Audiences. Larp Politics: Systems, Theory, and Gender in Action. Solmukohta, Ropeconry, 2016, P. 111–118.
11. Räsänen S. «These but the trappings and the suits of woe»: Tragedy and Politics in Inside Hamlet. Larp Politics: Systems, Theory, and Gender in Action. Solmukohta, Ropeconry, 2016, P. 12–16.
12. Steinbach D. Refugees Are Welcome: Larp as a Method for Creating a Culture of Welcoming and Acceptance. Larp Politics: Systems, Theory, and Gender in Action. Solmukohta, Ropeconry, 2016, P. 52–58.

УДК 32.019.51

РЕЧЕВОЙ КОМПОНЕНТ В ИМИДЖЕ КАНДИДАТА НА ВЫБОРАХ В РОССИИ

Халанская Л. Г.¹Басамак М. С.²

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

¹*E-mail: larazbritskaya@gmail.com*

²*E-mail: mary.basamak94@mail.ru*

Имидж кандидата состоит из целого ряда звеньев. Обычно эти звенья зависят от уровня выборов, от аудитории, на которую они направлены, но чаще всего они складываются из таких компонентов как: внешность, речь, биография, программа кандидата и т. д.

Успешной карьере политического деятеля предшествует создание его положительного имиджа в роли кандидата на выборах разного уровня, который, в свою очередь, состоит из ряда необходимых компонентов, которые создаются, корректируются для того, чтобы в итоге «сыграть на кандидата» и достичь поставленных целей, некоторые из них представлены в данной статье.

Это телевизионные дебаты, публичные выступления, которые дают возможность избирателю воочию оценить кандидата и его возможности, а также в полной мере могут раскрыть его как личность, и с положительной, и с отрицательной стороны. Еще один из компонентов – предвыборная программа, создаваемая для того, дабы обозначить те волнующие избирателей моменты, которые кандидат обязуется реализовать или умело «сделать вид», что все пункты программы осуществляются. Но, как правило, широкие слои населения не знают программ даже самых известных политиков и выделяют лишь одно-два положения в лучшем случае.

Именно поэтому, при формировании имиджа кандидата следует учитывать наличие как внешних (программы, например), так и внутренних компонентов личности кандидата (привлекательность, например). Самое важное, чтобы эти компоненты гармонично сочетались и переплетались для создания успешного имиджа.

Ключевые слова: имидж кандидата, телевизионные дебаты, речь, предвыборная программа.

В последнее время вопрос формирования имиджа приобрел огромное значение. И это понятно, ведь та часть нас, которую мы демонстрируем и выставляем напоказ, оказывает большое влияние на большую часть нашего окружения. Поэтому правильный подход к формированию имиджа кандидата, является залогом успеха любого избирательного процесса. Именно поэтому объект исследования данной статьи заключается в процессе формирования имиджа кандидата на выборах с помощью конкретных компонентов.

Предметом исследования, в свою очередь, выступает имидж политического кандидата, формируемый в процессе выборов в РФ в 2010–2015 гг.

Перед проведением исследования обозначены задачи для их реализации:

1. Обозначить понятие «имидж политического кандидата»;
2. Выделить речевые компоненты в имидже кандидата на выборах в России;
3. Провести прикладной анализ предвыборных программ кандидатов в Президенты РФ в 2012 г, для более детального рассмотрения этого речевого компонента.

Базой для проведения исследования стали работы таких авторов как Гуревич П. С., Левчик Д. А., Горшкова Е. Г., Басков А. Д. и др.

Имидж политического кандидата представляет собой сложную, многокомпонентную и многоуровневую систему. Получив свое начало из оригинального понятия «имидж», распространившись на сферу политики и конкретизировавшись в ходе политического процесса имидж кандидата призван отвечать на запросы населения, соответствовать их ожидания и презентовать кандидата в наилучшем свете.

Имидж политического кандидата – это целенаправленно сформированный образ, целью которого выступает достижение победного результата, используя при этом множество стратегий и механизмов формирования имиджа, для привлечения, как можно большего количества электората.

Одним из важных факторов воздействия на избирателей, одной из той самых стратегий, является владение политиками ораторским искусством. То, что мы говорим и пишем, и как это делаем, во многом определяет успех в достижении поставленной цели, ибо конкретность, логичность, образность и убедительность речи являются обязательными условиями общения с избирателями.

От речевого поведения политика во многом зависит успех или провал на выборах. Речь – его «визитная карточка».

Специфика общественно-политической речи как одной из важных форм современной коммуникации представлена целым рядом структурирующих признаков. Политическая речь представляет собой процесс коммуникации и один из видов социального действия, как само политическое действие. Выступление перед большими группами людей имеет свои системные особенности и осуществляется по определенным правилам. [1].

Например, телевизионные дебаты – это неотъемлемый элемент общественного доверия и инструмент, который помогает кандидату в привлечении определенного количества кандидатов или наоборот может сыграть с кандидатом в «злую игру» и «обнулить» его рейтинги.

«Теледебаты в наилучшей степени раскрывают личностные особенности участников избирательного процесса. Они концентрируют внимание зрителей на имидже кандидатов, а не на сущности политических проблем. Поэтому такой способ персонификации в полной мере соответствует как запросам массовой аудитории, так и интересам политических группировок» [3, с. 65].

«Последние теледебаты с участием кандидатов в президенты РФ Владимира Жириновского и Михаила Прохорова были показаны 28 февраля вечером в эфире

канала «Россия 1». Словесный поединок кандидатов быстро принял скандальный характер, главным образом, благодаря традиционно красочной риторике главы ЛДПР, посылавшего оппонента то в могилу, то в Лондон. Прохоров не остался в долгу и обвинил Жириновского в “торговле голосами” избирателей. СМИ обратили внимание, прежде всего, на скандальную сторону поединка Жириновского с Прохоровым», отмечает Newsru.com [5].

Анонсируя эти дебаты в своем микроблоге, В. Соловьев отметил словесный поединок Владимира Вольфовича и Аллы Пугачевой, который был переполнен эмоциями, экспрессией и оскорблениями, в частности, в сторону оппонента Жириновского. Соловьев заявил, что столкновение В. Жириновского и А. Пугачевой станет классикой. Комментируя итоги дебатов, пользователи Интернета единогласно сошлись во мнении о том, что своими словами политик практически ставит крест на своей репутации. При этом журналист Олег Кашин высказал мнение в микроблоге: «Не важно, что Владимир Жириновский вычеркнул себя из круга приличных людей, ведь он никогда в нем не находился» [8].

Не менее важным речевым компонентом имиджа политического кандидата выступает его предвыборная программа, которая должна нести в себе явно или неявно выраженную идею. Программный текст, составленный из набора разнородных, гладких фраз, рассчитанных на то, что каждый в нем найдет что-то для себя, не вызывает обычно никакой реакции. Идею программы чаще всего отражает ее название. Если название не привлекает, не интригует, то программа, скорее всего, останется непрочитанной [7, с. 49].

Несмотря на то, что большая часть избирателей, чаще всего, не читает и не вникает в предвыборную программу, а видит ее только на стендах в избирательных участках, это неотъемлемая часть имиджа кандидата. Она должна быть запоминающейся, простой и доступной. Одним из главных аспектов программы должно быть что-то «свое»: пункты, которые выгодно отличаются от программ конкурентов.

Важно учитывать, что программа имеет, прежде всего, пропагандистское значение и поэтому должна быть простой, небольшой по объему и понятной большинству избирателей. Чем более лаконично, внятно, компетентно и убедительно будет изложена программа, тем позитивнее будет и образ кандидата в глазах избирателей.

Для того чтобы понять, удачно сложена предвыборная программа или нет, актуальны ли вопросы, освещенные в ней, сравним две предвыборные программы кандидатов в Президенты России на выборах 2012 года: Геннадия Зюганова, занявшего второе место и получившего 17,18 % голосов, а также Михаила Прохорова, оказавшегося на 3 месте с 7,98 % голосов. Именно эти два кандидата были выбраны потому, что вошли в тройку лидеров в борьбе за президентский пост, но уступили победителю.

1. Обращение:

Михаил Прохоров: «Я также обращаюсь к представителям власти: “Господа, времена изменились! Окончательно. Жить так, как вам нравится, вы больше не будете!” Сегодня вам придется отдать долг гражданам России и вместо

“подданных”, “масс”, “народонаселения”, “электората” увидеть, наконец, живых, настоящих людей. Пришла пора осознать и принять как данность, что залог успешного развития страны – не в количестве добытых баррелей нефти, тонн угля и кубометров леса, а в системе человеческих ценностей, которую разделяет большая часть общества; в качественном образовании, в возвышающей человеческий дух культуре, в лучшем в мире здравоохранении, в самостоятельных и свободных людях, которых охраняет закон» [6].

Обращение кандидата направлено к представителям власти, но темой этого обращения являются проблемы населения, возвышение граждан в ранг равных им людей, то есть уже в обращении интересы граждан учтены.

Геннадий Зюганов: «Соотечественники! К вам обращаюсь я в трудный для Родины час. За последние 20 лет Россия понесла огромные потери. Страна вымирает. Нет в ней уголка без погибших деревень. Нет города без загубленных предприятий. Уровень жизни большинства граждан падает. Научно-техническое отставание приобрело угрожающий характер. Упущены уникальные возможности. Нам предстоит начать ускоренное восхождение или оказаться на самом дне. Время требует немедленных перемен» [6].

Если в своей программе Прохоров обращается к властным структурам и возлагает на них ответственность и обязанность за будущее страны, то Зюганов лично обращается к гражданам и призывает их к ответственности за собственное будущее и перспективное развитие страны.

2. «Память о прошлом»

Михаил Прохоров – единственный кандидат в Президенты России, который «не забыл», что у его страны есть прошлое и который справедливо утверждает, что без прошлого – нет будущего. Столь же важно и утверждение, что «добиться благоденствия и процветания мы можем, только опираясь на свое прошлое, не замалчивая и не искажая его».

Михаил Прохоров кратко и внятно сформулировал задачи, которые необходимо решить для достижения поставленной цели: «осмысления, предания окончательной гласности и честной, адекватной оценке трагических событий, которые пережила наша страна в 20 веке».

Странно, что в программе Геннадия Зюганова об этом ни слова, казалось бы, человек старшего возраста и не акцентирует внимание на памяти о подвигах и не говорит о патриотичности нации. Единственное, что связано с теми временами в его программе, это создание нового Союза братских народов: «Я сделаю всё возможное для ускоренного сближения стран, входивших в состав СССР. Будет формироваться единое экономическое пространство России, Белоруссии, Украины и Казахстана. Мы обеспечим создание прочного Союзного государства Белоруссии и России» [6].

3. Сфера образования

Прохоров:

- «Поднять престиж профессии учителя и преподавателя; инвестиции в повышение профессионального уровня и качества жизни учителя рассматривать как основную составляющую реформирования отечественного образования;

- Отменить ЕГЭ и разработать совместно с учительским сообществом более приемлемую форму контрольного экзамена, позволяющую беспристрастно и объективно оценивать степень усвоения учениками школьной программы; проводить такой экзамен независимо от органов управления образованием субъекта в финансовом, организационном и кадровом отношении;
- Отменить ограничения по использованию школьной недвижимости во внеучебное время на коммерческой основе при условии их исключительно образовательной или спортивной направленности» [6].

Зюганов: «Молодежи мы гарантируем: полноценное бесплатное образование, работу по специальности, обеспечение их семей бесплатным жильем. За два года мы покончим с дефицитом мест в детских дошкольных учреждениях. Для многодетных семей начнёт действовать развитая система льгот. Значительно расширятся программы организации детского оздоровительного отдыха».

«Мы вернём народу величайшее завоевание Советской власти – всеобщее бесплатное образование. Государственные расходы на него вырастут с 4% до 8–10% от ВВП. Труд преподавателя и учителя станет достойно оплачиваться, а его престиж – укрепляться».

«Школьники будут обеспечены горячим питанием. Студенческие стипендии увеличатся, расширится число их получателей. Расходы на эти цели с 1 сентября 2012 года удвоятся, после чего размер стипендий станет индексироваться ежегодно» [6].

В данном случае, оба кандидата спешно акцентировали внимание на нынешней проблеме доступности и стоимости образования. Эту тему можно развивать, по поводу этих вопросов можно много обещать до тех пор, пока подобные обещания не выполняются. Когда говорится об образовании, медицине, семье кандидат примеряет на себя имидж «отца», который заботится о проблеме семейства, в роли семьи оказываются граждане, и всячески старается обеспечить самым лучшим.

Изучив программы вышеуказанных кандидатов, можно сделать вывод о том, что программа Михаила Прохорова построена лучше. Она лаконична, четка и проста. Несмотря на то, что для большей успешности программа должна состоять из небольшого количества пунктов, в случае с Михаилом Прохоровым настолько обширна и детализирована программа оказалась ничем не хуже программы оппонентов. Программа Зюганова показалась скупой, пессимистичной, читая ее, ну никак не представляешь себе «светлое будущее», быть может, это потому, что сам имидж Зюганова характеризуется как спокойный и умиротворенный.

Подводя итог всему вышесказанному, следует отметить, что такие речевые компоненты имиджа политического кандидата как: теледебаты, речь и предвыборная программа (которая, помимо того, что присутствуют на бумаге, еще и презентуется кандидатом в ходе публичных выступлений) в совокупности работают на положительный, как хотелось бы, его имидж. Чаще всего, программа сама по себе не интересна избирателю, для них это сухой текст, просто обещания, которые в очередной раз не выполняются, необходимо предоставить программу в качестве «громкой» и осуществимой задачи. Грамотно составленная программа состоит из

двух составляющих: идеал, к которому стоит стремиться, и конкретные шаги, которые способны приблизить к этому идеалу.

Теледебаты – неотъемлемый элемент общественного доверия и инструмент, который помогает кандидату в привлечении определенного количества кандидатов. Данный компонент помогает избирателям лучше изучить кандидатов в режиме онлайн и, возможно, отметить для себя все то, что было скрыто за идеально составленными предвыборными программами, постановочными фотографиями и отрепетированными выступлениями.

Предвыборная программа, в свою очередь, тоже является одним из важных компонентов при формировании имиджа кандидата. Желательно, чтобы избиратель был убежден, что кандидат принял эту программу в соответствии со своими политическими взглядами, что он выстрадал ее и сделает все, чтобы ее выполнить.

Работа с имиджем – это ответ на желания населения, поскольку его основные составляющие должны соответствовать потребностям и вызовам аудитории. Черты и качества личности лидера, которые он должен демонстрировать публике, должны быть однозначны, четко определены, ярко выражены и довольно постоянны.

В силу того, что имидж символизирует для людей важные политические проблемы, этот образ несет в себе, как правило, уникальный для конкретной аудитории набор общественных нужд, ценностей и желаний, который выражается посредством реализации вышеуказанных компонентов и ряда других, необходимых для создания имиджа элементов.

Список литературы

1. Басков А. Д. Овечья шкура. Из чего сделан имидж политика. URL: <http://newideology.ru/teoriya-i-praktika-pr/izbiratelnye-kampanii/ovechya-shkura/> (Дата обращения 15.10.2016 г.)
2. Гойхман О. Я. Реклама. Язык, речь, общение / О. Я. Гойхман, В. М. Лейчик. – М.: Инфра-М, 2008. – 288 с.
3. Горшкова Е. Г. Имидж лидера. Технология создания и продвижения. Тренинговая программа / Е. Г. Горшкова, О. В. Бухаркова. – СПб.: Речь, 2007. – 222 с.
4. Гуревич П. С. Приключения имиджа. Типология телевизионного образа и парадоксы его восприятия / П. С. Гуревич. – М.: Искусство, 1991. – 221 с.
5. Дебаты 2012: Жириновский и Прохоров обменялись «могильными» приветствиями. URL: <http://inosmi.ru/video/20120302/187299885.html> (Дата обращения 11.10.2015 г.)
6. Кандидаты в президенты 2012: предвыборные программы. URL: <http://www.lawinrussia.ru/node/72459> (Дата обращения 07.10.2016 г.)
7. Левчик Д. А. Основные элементы актуализации имиджа кандидата в депутаты в ходе подготовки и проведения избирательной кампании / Д. А. Левчик // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки. – 1995. – №2. – 161 с.
8. Четыре оскорбления и одни «похороны». Блогеры обсуждают теледуэль: Жириновский vs Пугачёва URL: http://www.chaskor.ru/article/chetyre_oskorbleniya_i_odni_pohorony_26985 (Дата обращения 14.10.2016 г.)

Halanskaya L. G. Basamak M. S. Speech Component in Image of the Candidate on Elections in Russia // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2016. – Vol. 2 (68). – № 4. – P. 107–114

Image of the candidate consists of a number of links, Usually these links depend on the level of elections, on audience to which they are directed, but most often, they consist of such components as: appearance, speech, biography, program of the candidate, etc.

The successful career of the politician is preceded by creation of its positive image on behalf of the candidate on elections of different level which, in turn, consists of a number of necessary components which are created, adjusted in order that as a result "to play on the candidate" and to achieve effective objectives, some of them are provided in this article.

It is television debate, public statements which give the chance to the voter personally to estimate the candidate and his opportunities, and also can fully reveal him as the personality, both with positive, and from a negative side. Television debate allows voters to study better candidates and, perhaps, to see what has been hidden behind ideal election programs, to see a difference in image which is presented in the photo which was corrected a set of times and which, most likely, just production. A debate is the integral element of public trust and the tool which helps the candidate with attraction of a certain number of candidates or on the contrary can play with the candidate for "an evil game" and "nullify" his ratings.

Very often the candidate actively use populist statements in the speeches, it is connected with the fact that each of them tries "to cry out" to the people that expect from them. In speeches the most topical and burning questions for the population are taken up that thereby attracts electorate. What voter wouldn't like to hear that in his city, the area, the country everything will change for the better. That the candidate on whom voters stake will keep all the promises covered in programs and stated from stands. But, most often, in our country everything occurs absolutely on the contrary. Voters are disappointed in the candidates chosen by them, and on the following regular elections choose by contradiction.

One more of components - the election program that is created for this purpose to designate those, the moments concerning voters which the candidate undertakes to realize or skillfully "to pretend" that all points of the program will be performed. But, as a rule, a general population doesn't know programs even of the most famous politicians and allocates only one – two provisions at best.

It is important to consider that the program has, first of all, propaganda value and therefore shall be simple, small on amount and clear to most of voters. The more laconically, distinctly, competently the program will also be convincingly stated, the positive there will be also an image of the candidate in the opinion of voters.

Image is formed thanks to components on which the team of the candidate works. First of all it is personal and professional qualities of the candidate which are implemented on personal meetings, performances on television, radio, etc. It is a manner to put on, speak, behave on public, literacy, restraint, attentiveness, etc.

It is important to understand that forming of image of the political candidate shall take place not only during the election period, but also to continue to be enhanced and adjust further not to disappoint voters. Steady and positive image will allow the candidate to realize further more productively the activities after achievement of effective objectives, in particular victories on elections.

For this reason, when forming image of the candidate it is necessary to consider availability as external (programs, for example) and internal components of the identity of the candidate (appeal, for example). The most important that these components harmoniously were combined and intertwined for creation of successful image.

Keywords: image of the candidate, television debate, speech, election program, voters.

References

1. Baskov A. D. Ovech'ja shkura. Iz chego sdelan imidzh politika [Sheep Skin. What Image of the Politician]. URL: <http://newideology.ru/teoriya-i-praktika-pr/izbiratelnye-kampanii/ovechya-shkura/> (Accessed 15.10.2016).
2. Gojhman O. Ja. Reklama. Jazyk, rech', obshhenie [Advertizing. Language, Speech, Communication]. Moscow, Infra-M, 2008, 288 p.
3. Gorshkova E. G. Imidzh lidera. Tehnologija sozdaniya i prodvizheniya. Treningovaja programma [Imidzh leader. Technology of Creation and Promotion. Training Program]. SPb., Speech, 2007, 222 p.

4. Gurevich P. S. Prikljuchenija imidzha. Tipologija televizionnogo obraza i paradoksy ego vosprijatija [Image Adventures. Typology of a Television Image and Paradoxes of His Perception]. Moscow, Iskusstvo [Art], 1991, 221 p.
5. Debaty 2012: Zhirinovskij i Prohorov obmenjalis' «mogil'nymi» privetstvijami [Debate of 2012: Zhirinovskij and Prokhorov Exchanged "Sepulchral" Greetings]. URL: <http://inosmi.ru/video/20120302/187299885.html> (Accessed 11.10.2015).
6. Kandidaty v prezidenty 2012: predvybornye programmy [Candidates for President of 2012: Election Programs]. URL: <http://www.lawinrussia.ru/node/72459> (Accessed 07.10.2016).
7. Levchik D. A. Osnovnye jelementy aktualizacii imidzha kandidata v deputaty v hode podgotovki i provedenija izbiratel'noj kampanii [Basic Elements of Updating of Image of the Candidate During Preparation and Holding the Election Campaign]. MSU Vestnik, Political Science, 1995. – no. 2. – 161 p.
8. Chetyre oskorbleniya i odni «pohorony». Blogery obsuzhdajut teleduel': Zhirinovskij vs Pugachjova [Four Insults and One "Funeral". Bloggers Discuss a Teleduel: Zhirinovskij vs Pugachyova]. URL: http://www.chaskor.ru/article/chetyre_oskorbleniya_i_odni_pohorony_26985 (Accessed 14.10.2016)

УДК [321.01:94"1991/2016"](477)

УКРАИНСКИЙ ПРОЕКТ: ОТ ПОЛИТИЧЕСКОГО РОМАНТИЗМА К НАЦИОНАЛЬНОЙ КАТАСТРОФЕ

Чемшиш А. А.

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация

E-mail: histphilsoc@sevsu.ru

Осуществляется политологический анализ украинского государственного проекта. В качестве исходного пункта выделяется романтический идеал, на который ориентировались инициаторы суверенитета Украины. Суверенитет, т. е. право на независимую власть государства, завоевывают в упорной борьбе. На Украине же в 1991 г. власть сама упала к ногам сторонников украинской независимости. Украинский суверенитет не есть заслуга украинского народа или элиты, он стал прямым следствием беспомощности советской партократии. Обращается внимание на идеологическое обоснование «незалежности» украинскими политологами и историками. Приводятся примеры из националистического наследия Н. Михновского и творчества М. Грушевского. С учетом поддержки Западом независимости Украины и некритического отношения к суверенитету со стороны правящего класса, ранний период украинской государственности автором трактуется как романтический. Автор отмечает, что в дальнейшем Украина столкнулась с жесткой реальностью. Учреждения государственных институтов, провозглашения далеко идущих планов, приподнятого настроения оказалось недостаточно для нормального функционирования государства. Автор приходит к выводу о том, что изначально Украина не обладала необходимой кадровой основой для суверенитета, что и выразилось в слабости государства. Следствием незрелости украинской элиты оказалась государственная недостаточность. Особенность украинской политической культуры состоит в отсутствии механизмов продуцирования государственной элиты. В результате украинская политическая культура продуцирует не национальную, а компрадорскую элиту – местечково-хуторянскую либо этно-олигархическую. Ввиду этого становится невозможным выдвинуть основополагающую объединительную национальную идею. Приходится опереться на нерусскую идею, а затем – и анти-русскую политику. Подобная стратегия государственности губительна по двум основаниям. Она не находит консолидации внутри и бесперспективна с внешней стороны. Автор приходит к заключению о том, что Украина в очередной раз продемонстрировала бесплодность в плане государственного строительства, пройдя путь от политического романтизма до национальной катастрофы.

Ключевые слова: политический романтизм, национальный суверенитет, государственный переворот, государственная недостаточность, национальная катастрофа.

Четверть века тому назад на политической карте мира появилось новое государство – Украина. На пути провозглашения и признания оно не встретило никаких препятствий, более того, процесс возникновения и конституирования его прошел в исключительно благожелательной обстановке. Редкий случай: без танков, без стрельбы, без массового столкновения сторонников и противников, без

информационной войны между супердержавами и региональными игроками, без нарушения норм международного права и т. д.

Внешне все выглядело так, будто бы многострадальному украинскому народу, веками стремившемуся к независимости и суверенитету, наконец-то сопутствовала фортуна и восторжествовала историческая справедливость. Как будто всем и сразу, как своим, так и чужим открылась истина: «Настало время, пробил час! Независимому государству Украине быть отныне и до скончания веков!»

Возникновение нового государства – Украины – протекало параллельно с развалом другого – СССР. Трагедия советского прошлого была поглощена торжеством украинского будущего. Начало украинского государственного суверенитета было пропитано духом политического романтизма – безграничной веры в благополучие и процветание Украины как «самостийной державы». Ещё в канун референдума о независимости средствами массовой пропаганды и агитации народу была внушена мысль, что положение Украины в составе СССР было едва ли не колониальным. Что распределение финансовых потоков было не в пользу Украины, что с Украины больше вывозят, чем ввозят, начиная с сала и заканчивая машиностроительной и металлургической продукцией. Что, обретя независимость, суверенная Украина тотчас исправит положение дел и обратит в свою пользу весь имеющийся у неё потенциал: энергетику, высокотехнологичные производства, науку, образование, аграрный сектор, геополитическое положение и т. д.

На пропагандистской авансцене появляется привлекательный слоган «Украина – вторая Франция». Почему Франция, а не кто-то другой? Потому, что Франция преуспевающая, не требующая рекламы страна, имеющая положительный имидж у украинцев, страна – законодатель мод, а самое главное, по размеру территории и по количеству населения один в один походит на Украину. Почему бы не сделать заключение, что украинцы ни в чем не уступают французам потенциально? Почему бы из Украины не попытаться сделать вторую Францию?

Интуитивные ожидания чего-то значительного из стартующего украинского проекта нуждались в определенном теоретическом обосновании. Оживилась интеллигенция, до сих пор ведшая себя политически пассивно. Даже заговорила на украинском языке, страдающем русизмами. Университетская публика обратилась к украинской политической мысли столетней давности и обнаружила там немало оптимистических суждений относительно Украины, доведись ей обрести независимость.

Так, М. С. Грушевскому – первому президенту УНР – принадлежит открытие закона суверенизации. Прослеживая закономерности, имеющие место в политической жизни этносов, Грушевский пришел к заключению, что «полная самостоятельность и независимость является последовательным, логическим запросом национального развития и самоопределения всякой народности, занимающей определенную территорию и обладающей достаточными задатками и энергией развития» [цит. по: 4, с. 46].

Таким образом, считает Грушевский, стремление к национальной самостоятельности в своей основе не является следствием чьей-то субъективной, частной воли (экстремистов, националистов), а выступает как объективная логика

саморазвития, поскольку народность, как и любая социальная система, не может не развиваться.

В этой связи нельзя не упомянуть Николая Михновского – основоположника и идеолога государственной самостоятельности Украины. Его идеи кардинально отличаются от доминировавших в дореволюционный период федералистически-автономистических течений в украинской социально-политической мысли. Он последовательно отстаивал идею независимости украинского государства. Выдвинув политическую концепцию образования «независимой суверенной Соборной Украины», Михновский положил начало новому политическому течению – украинскому национализму. Он сформировал 10 заповедей УНП – своеобразной национально-освободительной программы, определяющей цели движения за суверенитет. В первой «заповеди», собственно, сконцентрирована суть украинского национально-освободительного движения. «Единая и неделимая от Карпат и вплоть до Кавказа самостоятельная, свободная, демократическая Украина – республика трудящихся людей – вот он националистический всеукраинский идеал» [цит. по: 2, с. 443–444].

Начальная фаза украинского проекта нам представляется весьма романтической. При этом «романтикой» мы можем называть не столько возвышенные порывы духовной субстанциальности украинства, сколько оторванные от реальности мечтания о несбыточном. Проникновение в суть «политического романтизма» проще всего осуществить через сопоставление его с «политическим реализмом». Реализм предполагает планирование, учет всех наличных ресурсов, поправок на международный фактор, постепенность, линейное восхождение вперед и вверх от достигнутого. Примером может служить реализация проекта Дэн Сяопина в Китае или практика сталинских пятилеток в СССР. Политический романтизм, напротив, исходит если не из глобальной идеи (например, построение коммунизма за двадцать лет), то из крупного стратегического замысла (горбачевская перестройка, гайдаровские реформы). Украинский проект государственного суверенитета вполне вписывается в контекст политической романтики.

Политический романтизм был свойственен раннему (дореволюционному) большевизму. «Сначала надо ввязаться в бой, а там посмотрим». Вопрос о власти есть наиглавнейший вопрос в политике, затмевающий собой саму романтическую идею, будь то вопрос об упразднении эксплуатации или об обретении национального суверенитета. Осознав бесплодность идеи упразднения частной собственности, а значит, и эксплуатации, большевизм не отказался от власти, а ввел НЭП. Украина, провозгласив суверенитет, в лице своих лидеров быстро поняла, что «самостійно» не в состоянии управлять страной, тем не менее, от суверенитета не отказалась, а стала и оптом, и в розницу сдавать его Западу. На поверку, Украина с самого начала «незалежности» не избавилась от вассальной зависимости, а лишь сменила политического сюзерена.

Украинский проект изначально страдал острым, а затем и хроническим недомоганием – государственной недостаточностью. Украинская нация, несмотря на многочисленность, на протяжении нескольких столетий решала проблему

независимости и нельзя сказать, что это имело значительный успех. Сам по себе этот факт заслуживает не только политической аналитики, но и историсофского осмысления. Напрашивается до банальности простой вопрос: если нация в продолжение 400 лет не смогла сложиться в суверенное государство, то что такое особенное должно было произойти в её этно-генокоде, что сделало бы это возможным сейчас? Конечно, можно сослаться на изменение миропорядка, распад советской империи, «торжество европейских ценностей» и т. п., но главный вопрос – вопрос о внутренней способности к суверенизации – остается открытым.

Ещё раз вернемся к Грушевскому. Его закон суверенизации связывается не только с территориальными владениями, но и находится в прямой зависимости от «энергии развития» народа. В этой связи стоит оценить гибкую теоретическую позицию академика, не настаивавшего на жесткой неумолимой связи между политической независимостью нации и возможностью её свободного развития. «Народность, – подчеркивал он, – для своего развития не нуждается непременно в политической самостоятельности» [цит. по: 4, с. 46]. Из рассуждения Грушевского следуют как минимум две идеи. Первая состоит в большом сомнении относительно энергии народа, без достаточности которой вопрос о суверенитете выглядит проблематично. И вторая – Грушевский не видел в отсутствии самостоятельного украинского государства трагедии для украинской нации, развитие которой вполне представлялось возможным в рамках большого многонационального государства.

В своё время, Тарас Шевченко – великий поэт и пророк украинского народа своим творчеством поведал соплеменникам о «богопокинутости» украинской нации. По аналогии с ветхозаветными сюжетами Бог отвернул свой Лик от украинского народа, по сути, осиротив его. Правда, у Шевченко мы встречаем и оптимистические суждения относительно будущности Украины, но трагические страницы украинского бытия в творчестве Кобзаря прописаны куда как убедительнее, чем предсказания благополучия. Государственная недостаточность – своеобразный врожденный «порок сердца» Украины. Она проявилась с первых дней и не покидает Украину до настоящего времени. Государство достаточно быстро показало свою неконкурентоспособность на мировой авансцене. Произошел отказ от ядерного оружия, обнаружили изъяны энергозависимости, неплатежеспособности, невнятности внешней политики.

Внутри государства стремительно нарастали кризисные явления. В 90-е годы Украина погрузилась в гиперинфляцию, экономическую стагнацию, массовую безработицу. Обострилась криминогенная обстановка. Во всей полноте проявились признаки социальной апатии, психологической усталости, нарастания стрессов. Обретение суверенитета сопровождалась невиданным обнищанием народа, не говоря уже о духовно-нравственных разочарованиях. По некоторым экспертным оценкам, в итоге «суверенных реформ», проведенных в первые 10 лет, в выигрыше оказалось 2% населения, 18% сохранили статус-кво, то есть не проиграли. Оставшиеся 80% населения превратились кто в бедных, кто в нищих [1, с. 110].

Если согласиться с мнением, что предназначение государства состоит в том, чтобы обеспечить социальную справедливость, то надо признать, что украинский народ в советскую эпоху проживал в социальном государстве (пусть в

несовершенном и в недостаточно правовом). Обретя суверенитет, Украина не только не стала правовым государством, но и перестала быть социальным. На Украине бывали периоды, когда самый богатый человек имел состояние, равное 40% государственного бюджета, а государство более чем на 80% утратило контроль над национальными ресурсами [5, с. 251].

Особенностью украинского проекта является постоянно возрастающее расхождение между идеей суверенитета и реальностью. Суверенитет в принципе есть возможность и способность независимого правления. Правление должно обеспечивать, по крайней мере, первичные потребности населения, в противном случае суверенитет теряет свой смысл и легитимность. Если приобретенный суверенитет не обеспечивает национальные интересы – он не оправдывает своего предназначения по определению.

«Суверенитет» Украины зиждется на зыбких основаниях. Прежде всего следует подчеркнуть, что суверенитет завоёвывают, а не получают даром. Суверенитет для Украины в 1991 года явился в виде случая, фортуны, подарка судьбы. Кто-то из великих мимоходом заметил, что эйфория по поводу нечаянного приобретения, увы, в один миг оборачивается ощущением невосполнимой утраты. Нечто подобное случилось и с Украиной. Формальный суверенитет вступил в противоречие с суверенитетом фактическим. Недостаточно провозгласить суверенитет, образовать государственные институты, принять Конституцию, учредить национальную валюту, создать собственные армию и службу безопасности. Не менее важно добиться легитимности суверенитета, то есть повсеместного и всеобщего признания населением целей и задач суверенного государства. По факту, украинский проект почти сразу столкнулся с так называемым синдромом бинарности или дуализма [5, с. 250–252].

Народ Украины оказался далеко не монолитным в вопросах официального языка, исторической памяти, формы государственного территориального устройства, внешнеполитического вектора развития. Постепенно несовпадение взглядов переросло в устойчивое противостояние ценностей по линии Запад-Центр – Юго-восток. Поначалу верх взяла доктрина, согласно которой единым государственным языком оказался украинский, а история страны есть история нации в отрыве от общей с Россией истории. В её русле – героизация Мазепы, Бандеры и Шухевича, принцип унитарной формы государства и Евро-Атлантический вектор внешней политики. Закономерно, что со временем эта доктрина вошла в острый внутригражданский конфликт с альтернативными установками на официальное двуязычие и на толкование отечественной истории в контексте общей истории трех братских народов со времен Киевской Руси и на отношение к деятелям типа Мазепы, Бандеры и Шухевича как к предателям и пособникам враждебных сил. Вместо унитаризма здесь – федерализация Украины, евроатлантический курс заменяется установкой на развитие дружеских отношений с Россией и другими странами СНГ.

Государственный суверенитет Украины, будучи легальным, фактически оставался нелегитимным. Страна оказалась расколота как ментально, так и политически. Каждая из сторон имела свою правду. Одним казалось, что Украина

недостаточно украинская, другие полагали себя принудительно украинизированными, и обе стороны не хотели ни понять друг друга, ни уступить один другому. Борьба за президентский пост разделяла граждан одной страны чуть ли не на своих и чужих. Поражение «своего» кандидата воспринималось весьма болезненно как на Западе, так и на Востоке. И проблема вовсе не в том, как считают некоторые политологи, что, мол, власть не стремилась к компромиссу между интересами двух частей страны. Проблема, скорее, в том, что в украинском проекте был заложен внутренний конфликт, не подлежащий урегулированию, конфликт по типу «схватки», который разрешается победой исключительно одной из сторон.

Этот тезис не означает, естественно, что не следовало предпринимать никаких мер к согласованию интересов. У верховной власти должны были быть наработаны тактические ходы по предотвращению общенационального кризиса, наступление которого предвидеть было несложно. На наш взгляд, существовало как минимум два субпроекта внутри большого украинского проекта: гибкий («мягкий») или радикальный («жесткий»).

Суть первого заключалась в поиске пусть временного, но все же компромисса по купированию государственной недостаточности. Для этого необходимо было договариваться о решении следующих задач. Задача первая – внешнеполитическая – сводилась к установлению баланса отношений между Россией и Западом. Украине надлежало оставаться нейтральной внеблоковой страной в военно-политическом сегменте. Кроме того, в экономическом плане следовало исходить исключительно из национальных интересов, а не искать экономических дивидендов в зависимости от политических предпочтений. Во внутренней политике каждая из сторон должна была сделать шаг навстречу другой. Скажем, Юго-восток соглашается с тем, что украинский язык есть единственный государственный, а Центр и Запад принимает идею федерализацию страны, которая позволила бы смягчить противоречия в гуманитарной сфере. Такой компромисс мог бы ослабить внутренний гражданский антагонизм или, по крайней мере, отодвинуть на какое-то время национальную катастрофу.

Второй субпроект – радикальный. Он означал бы раздел Украины на два государства: Украину и Новороссию или Русскую Украину. Новороссия включила бы в себя Одесскую, Николаевскую, Херсонскую, Запорожскую, Днепропетровскую, Донецкую, Луганскую, Харьковскую области и Автономную Республику Крым. Этот вариант мог быть реализован в период президентства Януковича. После восстановления президентских полномочий Конституцией 1996 года властный ресурс Януковича был практически неограниченный. Если бы проект «Новороссия» совпал с личными планами президента Януковича, он имел бы все шансы на успех. Последний вариант, при подключении к нему глобальных игроков РФ, ЕС и США, был бы менее болезненным для украинского населения и мог бы устроить всех участников проекта.

Однако «суверенная» украинская власть предпочла третий вариант – самый худший из возможных. Этот вариант носил принудительный характер. Власть упорно настаивала на унитарности государственного устройства, сохраняла непреклонность в языковом вопросе – исключительно один государственный язык

(украинский). С каждым годом отношения с Россией становились все прохладнее и отчужденнее. В предельно сжатые сроки братские отношения сменились на добрососедские, а эти, в свою очередь, на партнерские, только прагматичные. Затем появился слоган «Украина – не Россия». В массовое сознание людей настойчиво вбрасывается тезис о европейскости Украины – «Україна – це Європа». Уходит в прошлое стратегия многовекторности, ей на смену идет стратегия евроинтеграции. Так украинское государство усекло историческую память, предало забвению триста лет общих бед и общих побед. В Украине утверждаются только «национальные герои», прежних (советских) подвергают шельмованию. Великая война перестала быть Священной и Отечественной, её «переводят» в разряд просто Второй мировой, как в Европе и США. Украинский проект приобретает характер нероссийского проекта.

С течением времени каких-либо осязаемых преимуществ от государственного суверенитета народ Украины не ощутил. Более того, степень разочарования от несбывшихся надежд становится все глубже и сильнее. И когда одурманенному народу бросили наживку в виде права на бунт против власть предержащих, тот «заглотил» её всю без остатка. Обманутый народ поверил, что он – субъект истории и вершитель собственной судьбы. Заокеанские политтехнологи, потерпев неудачу в антиправительственной акции «Украина без Кучмы», взяли реванш, организовав спецоперацию под названием «Оранжевая революция». При этом провели её настолько виртуозно, что абсолютное большинство как участников Майдана, так и украинского населения не заподозрили, что явили собой всего лишь орудие свержения неугодной власти и всей своей мобилизованной энергией сработали не на себя, а в интересах американских кукловодов. Первый Майдан, говоря непредвзято, ещё содержал в себе революционную романтику, украинскую мечту, надежду исправить все к лучшему с помощью «мессии», подлинно «народного» президента. Но не зря говорят: «чтобы не разочаровываться, не надо очаровываться». Менее года оказалось достаточно, чтобы зашкаливающий рейтинг В. Ющенко упал до неприличия, и «народный» президент в сознании украинцев «реинкарнировался» из «мессии» в бухгалтера районного масштаба, а «Оранжевую революцию» объявили бездарно и коварно преданной.

Разочарование в неудаче «Оранжевой революции» было так велико, что народ оцепенел от досады, впал в состояние апатии и протрации. Сработал закон маятника. Политологи заговорили о том, что следующему майдану быть не раньше, чем через поколение. Казалось, так тому и быть. В. Ющенко с треском провалился на очередных выборах и сделал все для победы своего оппонента в «майданный» период. Все попытки оппозиции мобилизовать население на акцию «Повстань, Україно» были малорезультативны. Народ безмолвствовал. Власть Януковича казалась прочной, особенно после провозглашения курса на евроинтеграцию в форме ассоциированного членства. Объявив готовность Украины подписать договор об ассоциации с ЕС, украинская власть получала тактические дивиденды, но совершала стратегический просчет. Курс на евроинтеграцию на время делал власть Януковича стабильной в плане отношений как с внутренней оппозицией, так и с западными кураторами. Все попытки российской стороны убедить украинцев в

невыгодности ассоциации и предупреждения о том, что Россия примет контрмеры в защиту своих экономических интересов, что в свою очередь, ударит по интересам Украины, не были услышаны.

Резкий политический разворот Януковича обернулся катастрофой как для него лично, так и для государства в целом. Согласимся с мнением о том, что второй майдан, завершившийся государственным переворотом, был мстью солидаризировавшегося Запада Януковичу за нарушение правил политической игры. Второй Майдан представляет собой чисто технологический феномен. Здесь соединились воедино все составные элементы «цветной революции»: социальный протест, финансовые вливания, разжигание страстей, оголтелая пропаганда, провокации, использование боевиков, политическая поддержка Запада и т. д. У Януковича и без Майдана практически не было шансов на повторный президентский срок. И, тем не менее, потребовался госпереворот, санкционированный извне и легитимированный «правовым» Западом. В этой акции четко просматривается уязвимость украинского государственного суверенитета. Если решения по такому важному вопросу, как смена власти, да ещё и неконституционным путем, принимаются за пределами государства, то это дает все основания говорить об ограниченном суверенитете, если не о полном его отсутствии.

Государственный переворот оказался кульминационным пунктом в истории украинского политического проекта. Образно говоря, это была попытка иррациональным способом выйти из иррациональной ситуации. Не получилось. Каковы же последствия насильственной, неконституционной смены власти на Украине в феврале 2014 года? Условно их можно разделить на ближайшие, среднесрочные и долгосрочные.

К ближайшим последствиям относится смена тезиса «Украина – не Россия» на постулат «Украина – это анти-Россия». Вся вина за провал украинского политического проекта возложена на Россию. В Украине нет никакой гражданской войны, это Россия-агрессор напала на Донбасс, аннексировала Крым. Украина воюет с ядерной державой и является передовой линией фронта, пролегающей между цивилизованным Западом и варварской Россией. Под флагом декоммунизации идет процесс тотальной дерусификации: переименовываются города и села, улицы и проспекты, оскверняется советский период украинской истории, подвергается поруганию символ воинской славы – Георгиевская ленточка, по сути, упразднен День Победы. С подачи государства часть общества впала в состояние коллективного безумия, ненависти ко всему советскому и русскому.

При этом почти не слышно трезвых голосов о том, что за авантюрные политические действия положено нести ответственность. Если кто-то вздумал развести костер в собственном доме, потеряв страх спалить его дотла, то почему он считает, что его сосед будет спокойно взирать, как языки пламени будут тянуться к его очагу? Если организаторы и активисты госпереворота считают возможными публичные призывы «навести порядок» в «нестабильных» регионах страны (например, в Крыму и на Донбассе), то почему они полагают, что крымчане и дончане будут в бездействии хладнокровно прикидывать, придут ли бойцы

«правого сектора» к ним для осуществления угрозы или они в запале «неловко пошутили». Мятежники не могут взять в толк, что крымчане сработали на опережение и, выразив желание сохранить у себя дома черноморский флот, не допустив американский, обратились к России с просьбой принять Крым и Севастополь в свой состав. Для граждан России, включая новые субъекты, очевидно, что президент Путин никакой не агрессор, а выдающийся политик, защитивший своё государство ввиду реально возникшей угрозы вхождения Украины в НАТО со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Украинское руководство, однако, не желая взять на себя вину за утрату территорий, не официально, но, по сути, объявило России войну. Разрушены экономические связи, торговля, ведется информационная война. На всех международных площадках Украина требует усиления санкций против России, всерьез рассчитывает разрушить Россию по образцу развала СССР. Но главная трагедия для Украины в этом пункте состоит в том, что турчиновым, яценюкам, парубиям и порошенкам удалось то, к чему 100 лет назад призывали основатели украинского национализма Михновский и Донцов. Им отчасти удалось поссорить два братских народа. Они добились враждебного отношения многих украинцев к русским. И в этом заключена самая крупная трагедия украинского народа.

Госпереворот породил и укрепил ряд опасных тенденций в украинской политической жизни. Прежде всего – это утрата монопольного права государства на применение насилия. Параллельно с государственными силовыми структурами на Украине существуют неподконтрольные Киеву вооруженные формирования. В этом смысле Украина есть государство с предельно ослабленным суверенитетом. При этом незаконные боевые единицы уже перерастают рамки батальонов, трансформируются в полки. Некоторые из них воюют на Донбассе, обстреливают мирные кварталы Донецка, Горловки и другие населенные пункты, игнорируя при этом обязательства государства, принятые минскими соглашениями.

Социально-экономическое положение Украины до переворота ни в какое сравнение не идет с нынешним. Промышленность разрушена, внешний долг превысил предельно допустимый уровень, тарифы на коммунальные услуги для населения запредельные, бюджетная сфера и пенсионный фонд еле дышат. Страна напоминает тяжелобольного, подключенного к аппарату искусственного дыхания. Финансовая поддержка сведена к минимуму, платить по долгам, по сути, нечем.

Украина как государство находится в сложнейшем положении касательно минского процесса. С целью выиграть время, поставленная на грань крупного военного поражения, а также ввиду невозможности подчинить своей воле повстанцев Донбасса, украинская власть пошла на подписание минских соглашений. Сегодня уже ясно, что Киев не в состоянии исполнить взятые на себя обязательства. Для действующего президента выполнение минских договоренностей означает стать предателем и потерять власть. Невыполнение же приведет к окончательной потере Донбасса, за что также полагается политическая ответственность, а, возможно, за участие в военных преступлениях, и уголовное преследование. Чем дальше, тем сложнее скрывать от мирового сообщества правду. Правду о госперевороте, о гражданской войне, об убийствах мирного населения, о

пытках в застенках СБУ, о том, кто сбил малазийский «Боинг» и, самое важное, – правду о государственной недостаточности Украины. Как сказать правду о столь нужном власти пиар-приеме «перекладывания негатива с большой головы на здоровую»? Все собственные пороки и просчеты (комплекс неполноценности, стратегическое бесплодие, тактическая беспомощность, политическая «шароварщина», отсутствие позитивной объединяющей идеи) власти Украины пытаются закамуфлировать, а во всех мыслимых и немыслимых грехах обвиняют Россию.

В итоге становится очевидным, что очередная историческая попытка украинской элиты этатизировать нацию закончилась провалом. Имея на этот раз колоссальную поддержку извне, инициаторы и подвижники создания независимой соборной Украины так и не смогли достичь цели. Формальное учреждение государственных символов и институтов оказалась недостаточным для полноценного суверенитета. «Учредители» государства не смогли выдвинуть объединяющей страну национальной идеи, которую в равной мере разделяли бы регионы традиционной Украины, Галичины, Новороссии и Крыма. Ставка на создание нерусской Украины повсеместной поддержки не получила. За годы независимости государство сократилось и численно, и территориально. Украинский проект длительное время получал финансовую поддержку из-за рубежа. Запад был заинтересован в создании вблизи границ Российской Федерации враждебного ей государства. Замысел удался частично. Вражду к России удалось посеять, а вот устойчивого государства нет. В последнее время наблюдаются симптомы утраты интереса заокеанских кукловодов к украинским делам и проблемам. Если американцы и европейцы окончательно прекратят политическую и финансовую поддержку Украины, её судьбу можно предсказать в двух словах – национальная катастрофа.

Не будем предсказывать, произойдет она в форме распада государства на феодальные вотчины, или страна будет разделена на сферы влияния между Западом и Россией по линии Одесса-Харьков, или формально сохранится в нынешних пределах, катастрофа от этого не перестанет быть катастрофой. Существует же на политической карте мира Сомали. Но кому придет в голову считать Сомали суверенным, правовым, социальным государством?

Все возвращается на круги своя. Украинский народ – многочисленный, трудолюбивый, культурный, не агрессивный, жизнерадостный, певучий, но ... не государственный. Не государственный в том смысле, что в своей политической культуре так и не обрел устойчивого механизма продуцирования собственной державной элиты. Место национально-государственной элиты занимает этно-эгоистическая элита (национально олигархическая, компрадорская, местечково-хуторянская). Соответственно, Украина, за исключением Богдана Хмельницкого, никогда не имела подлинных лидеров нации, т. е. вождей, способных выражать и отстаивать коренные интересы нации. На Украине, как в прошлом, так и в настоящее время отсутствует необходимая для становления государственности цепь из трех звеньев: народ – элита – лидер. Напрямую, из народных масс, минуя элитную ступень, можно получить лишь вожака типа Бандеры, но никак не

общенационального лидера. Невольно возникает вопрос – как долго украинскому народу предназначено жить не в национальном государстве, а в сложноустроенных государственных образованиях с наднациональными институтами? Украинский народ никогда не жил так благополучно, как в Советской Украине в 50–70-е годы. И никогда он не жил так плохо, как при Украине независимой.

Предотвратить общеукраинскую катастрофу сегодня может только Россия. Но станет ли она это делать после всех выпадов и оскорблений в её адрес, а, главное, после предательства общей истории и Родины?

Список литературы

1. Даховник Л. Л. Місце та роль інститутів соціал-демократії в політичній модернізації суспільства: Дис. ... канд. політ. наук. – Севастополь, 2008. – 172 с.
2. Історія політичної думки: навч. енцикл. Словник-довідник для студентів вищ. навч. закл. / за ред. Н. М. Хоми [В. М. Денисенко, Л. Я. Угрин, Г. В. Шикинов та ін.]. – Львів: Новий Світ-2000, 2014. – 766 с.
3. Философия: учебное пособие / под ред. А. С. Глушака, Ю. Ф. Сафонова, А. А. Чемшита. – Киев: Украинский центр духовной культуры, 1999. – 380 с.
4. Чемшит А. А. Основы политологии: Учебное пособие / А. А. Чемшит. – Севастополь: изд-во «СевГТУ», 1996. – 256 с.
5. Чемшит А. А. Синдром бинарности украинской государственности / А. А. Чемшит // Культура народов Причерноморья. – 2007. – №106. – С. 250–252.

Chemshit A. A. Ukrainian Project: from Political Romanticism to National Catastrophe // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2016. – Vol. 2 (68). – № 4. – P. 115-126/

Implemented by Ukrainian political analysis of the state of the project. The romantic ideal, which guided the initiators of the sovereignty of Ukraine stands as a starting point. It is noted that national sovereignty is not given for nothing. The sovereignty, i. e. the right to an independent state power win a hard-fought struggle. In Ukraine, in 1991 the government itself fell to the feet of supporters of Ukrainian independence. Ukrainian sovereignty is not the merit of the Ukrainian people or the elite, he was a direct consequence of helplessness Soviet partocracy. Attention is drawn to the ideological justification of "independence" Ukrainian political scientists and historians. Examples of nationalist heritage N. Mikhnovsky and creativity M. Hrushevsky. In view of the disposition of the West to the independence of Ukraine and facilitated relationships to sovereignty of the ruling class, the early period of the Ukrainian state is treated by the author as a romantic. The author notes that in the future Ukraine was faced with harsh reality. Institutions of state institutions, the proclamation of the far-reaching plans, elation was not enough for the normal functioning of the state. The author is convinced that Ukraine initially suffered from an incurable disease – state failure. The meaning of state failure is the inferiority of the Ukrainian elite. Ukraine has never been a state, because it has never been the state elite. The Ukrainian people can not produce normal political aristocracy. Lots of what he can do – it's a small-town-khutoryanskaya or ethno-oligarchic, but in any case the comprador elite. In view of this it is impossible to advance the fundamental unifying national idea. We have to rely on non-Russian idea, and then – an anti-Russian policy. This strategy is disastrous state for two reasons. She finds no consolidation within and unpromising from the outside. The author comes to the conclusion that Ukraine has once again demonstrated the futility in terms of nation-building, having risen from political romanticism to a national catastrophe.

Keywords: political romanticism, national sovereignty, coup, state failure, national disaster.

References

1. Dahovnyk L. L. Misce ta rol' institutiv social-demokratii v politichnij modernizacii suspil'stva [The Place and Role of Institutions of Social Democracy in the Political Modernization of Society]. Thesis for a Degree in Political Science. SevNTU, Sevastopol, 2008, 172 p.
2. Istorija politichnoi dumki: navch. encikl. Slovnik-dovidnik dlja studentiv vishh. navch. zakl. History of Political Thought: Study Encyclopedia. Dictionary-guide for Students of Higher Education Institution under edit. N. M. Homas. V. Denisenko, L. Y. Uhryn, G. V. Shykunov et al. Lviv: the New World, 2000, 2014, 766 p.
3. Filosofija: uchebnoe posobie [Philosophy: Training Aid] under edit. A. S. Glushak, Y. F. Safonov, A. A. Chemshit. Kiev, Ukrainian Center for Spiritual Culture, 1999, 380 p.
4. Chemshit A. A. Osnovy politologii: Uchebnoe posobie [Fundamentals of Political Science: a Training Aid]. Sevastopol, Publishing House "SevGTU", 1996, 256 p.
5. Chemshit A. A. Sindrom binarnosti ukrainskoj gosudarstvennosti [Syndrome of Ukrainian Statehood Binariness]. Culture of the Prichernomorie. Science Magazine. Simferopol, 2007, no. 106, P. 250–252.

УДК 164.043

КОНСТРУКТИВНОЕ ОБОСНОВАНИЕ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ В «НЕМЕЦКОМ КОНСТРУКТИВИЗМЕ»

Мануйлов В. Т.

Московский институт государственного управления и права, г. Москва, Российская Федерация

E-mail: manvict@yandex.ru

Статья продолжает рассмотрение характерных черт «Немецкого конструктивизма», начатое в статье «Методологические принципы «Немецкого конструктивизма»», опубликованной в журнале «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология», Том 1 (67), 2015, № 1, с. 115–125. В предшествующей статье определено место немецкой «теории науки» (Wissenschaftstheorie) среди других направлений «философии науки». В ней также характеризуется «конструктивная теория науки» в отличие от «аналитической теории науки», указаны исторические предшественники конструктивной и аналитической теории науки. Приводится построенная автором классификация видов конструктивности логико-математического знания, указано место в ней «оперативной конструктивности П. Лоренцена». Описывается метод обоснования математической теории, согласно которому в структуре теории выделяются «практическая» и «теоретическая» части. Практическую часть теории составляют «исчисления» (Kalkül), теоретическая часть есть собственно теория как языковое образование. Требование конструктивности (по Лоренцену) состоит в том, что предложения теоретической части трактуются как зашифрованные сообщения о действиях с фигурами в практической части. Логические связи, вводимые в теоретической части, разъясняются посредством указания связи между правилами в исчислениях, что приводит к отличной от классической логики трактовке логических связей. В данной статье анализируются методы построения и обоснования формальной логики 1) с помощью напластованных исчислений и 2) с помощью «формальных диалогов». В формальном диалоге выигрышная стратегия проponenta основана на том, что он использует только такие элементарные высказывания, которые уже утверждались ранее оппонентом. Выявляются гносеологические основания конструктивности «эффективной» логики П. Лоренцена: Принцип оперативной расшифровки смысла элементарных высказываний языка теории; Принцип зависимости математических рассуждений от положения дел в математическом знании; Принцип диалогического обоснования высказываний языка теории; принцип разумности «логического языкового поведения». В процессе выявления взаимосвязи гносеологических оснований конструктивности и семиотических оснований теории эффективно-логически истинных высказываний строятся два варианта теории ЭЛИВ: 1) непосредственной формализацией содержательных рассуждений об общедопустимых правилах, и 2) формализацией рассуждений о методах поиска доказательств с помощью диалога. Выявляются способы обоснования арифметики (метод «конструкции», метод «абстракции») и анализа (метод «логической рефлексии над выразительными возможностями языка») в «Немецком конструктивизме».

Содержание предшествующей и данной статей является оригинальной разработкой автора, частично включено в тексты кандидатской диссертации, депонированных монографий и статей автора, а также в

публикации автора в отечественных и зарубежных изданиях. В издании, включённом в список РИНЦ, эти материалы публикуются впервые.

Ключевые слова: конструктивизм, философия науки, логика, теория науки, методология науки, арифметика, анализ.

Цель работы: выявить и систематизировать основные методы обоснования логико-математического знания в «Немецком конструктивизме».

Предмет исследования: методы обоснования научного знания в работах основных представителей «Немецкого конструктивизма».

Данная статья продолжает рассмотрение характерных черт «Немецкого конструктивизма», начатое в [6]. В предшествующей статье определено место немецкой «теории науки» (Wissenschaftstheorie) среди других направлений «философии науки» как направления, уделяющего основное внимание проблемам логики и методологии науки, и, в отличие от англоязычной philosophy of sciences, включающего в поле исследования социальное знание, а также концептуальную историю науки, проблемы изучения культурной и практической среды и нормативных аспектов как научного, так и технического прогресса. В ней также характеризуется «конструктивная теория науки» (konstruktive Wissenschaftstheorie) как теория, рассматривающая науку как «путь (метод) представления», теорию «предметной компетентности» («die Vorstellung» и «the way of representation»), в отличие от аналитической теории науки (analytische Wissenschaftstheorie), для которой наука есть «путь (метод) исследования»; теория «мета-компетентности» («die Forschung», «the way of research»). В качестве исторических предшественников конструктивной теории науки указаны И. Кант, А. Шопенгауэр, К. Маркс, Э. Гуссерль, Х.-Г. Гадамер, аналитической – Р. Декарт, Б. Спиноза, Г. В. Лейбниц, позитивисты. Приводится построенная автором классификация видов конструктивности логико-математического знания, указано место в ней «оперативной конструктивности П. Лоренцена», – «затравки» и составной части «Немецкого конструктивизма». Описывается основной метод обоснования математической теории, согласно которому в структуре теории выделяются «практическая» и «теоретическая» части. Практическую часть теории составляют «исчисления» (Kalkül), состоящие из «фигур» (знаковых конструкций) и «правил». Теоретическая часть есть собственно теория как языковое образование. Требование конструктивности (по Лоренцену) состоит в том, что предложения теоретической части трактуются как зашифрованные сообщения о действиях с фигурами в практической части. Логические связки, вводимые в теоретической части, разъясняются посредством указания связи между правилами в исчислениях, что приводит к отличной от классической логики трактовке логических связок. В предшествующей статье подробно рассмотрены способы обоснования составных высказываний с помощью диалогов. Различаются «материальные» и «формальные» диалоги. Здесь предполагается рассмотреть использование методов построения «исчислений» и правил ведения диалогов для обоснования конкретных логических и математических теорий.

Для построения теории логического вывода П. Лоренцен вводит принципиальное различие между **материальными** и **формальными** диалогами. В

материальных диалогах проponent может утверждать элементарные высказывания о каких-либо конкретных исчислениях; в таком случае выигрышная стратегия проponentа существенно зависит от фактического положения дел в математике; например, от того, знает ли проponent способ выведения данной фигуры в данном исчислении К. Высказывание тогда называется **эффективно-истинным** (*effektiv-wahre*), если проponent может его защитить против любой стратегии опponentа, в предположении, что элементарные высказывания, составляющие данное высказывание, являются диалогически определенными. Поскольку класс диалогически определенных элементарных высказываний меняется со временем, зависит от положения дел в математике и объем класса эффективно-истинных высказываний.

В формальном диалоге выигрышная стратегия проponentа основана на том, что он использует только такие элементарные высказывания, которые уже утверждались ранее опponentом. Для выигрыша в таком диалоге проponentу не нужно знать, как доказывать элементарные высказывания. Выигрышная стратегия проponentа при защите какого-либо составного высказывания в формальном диалоге не зависит от элементарных высказываний, входящих в состав составного, а зависит лишь от **логической формы** составного высказывания. Высказывания, которые проponent может защитить в формальном диалоге с любым опponentом, Лоренцен называет **эффективно-логически истинными** (*effektiv-logischwahre*) (аналоги логически истинных высказываний классической логики). Если некоторое высказывание является эффективно-логически истинным, то таковым будет всякое высказывание, имеющее одинаковую с ним логическую форму. Поэтому можно говорить об эффективно-логически истинных формах или формулах. В формальном диалоге рассматриваются не конкретные высказывания, а лишь логические формы составных высказываний (формулы с пропозициональными и/или индивидуальными переменными, а также результаты подстановок имен индивидов вместо переменных в пропозициональные формы, входящие в область действия кванторов). Структурные правила формального диалога имеют следующий вид.

(D'1) Проponent должен атаковать только одну из утверждаемых опponentом составных формул или защищаться против последней атаки опponentа.

(D'2) Опponent должен атаковать только формулу, предложенную на предшествующем шаге проponentом, или защищаться против атаки проponentа на предшествующем шаге.

Правило выигрыша принимает вид:

(D'3) проponent выигрывает, если он должен защищать элементарную формулу после того, как опponent утверждал одинаковую с ней элементарную формулу [13, S. 65–88].

П. Лоренцен показывает, что его логика эффективно-логически истинных высказывательных форм формализуется в интуиционистском логическом исчислении А. Гейтинга [15], в том смысле, что каждая эффективно-логически истинная пропозициональная форма выводима в интуиционистском логическом исчислении А. Гейтинга, и наоборот. Тем самым показана полнота формализма интуиционистской логики относительно понятия эффективно-логической

истинности. Таким образом, обоснование в формальном диалоге является семантической оценкой, сохраняемой правилами интуиционистских исчисления высказываний и исчисления предикатов.

В отличие от некоторых других семантических обоснований интуиционистской логики (например, реализуемости по Клини) формально-диалогическое семантическое обоснование имеет характер достаточно ясного гносеологического обоснования конструктивности. Гносеологические основания конструктивности [5, с. 104–121] эффективной логики П. Лоренцена составляют следующие принципы конструктивного построения логической теории.

1. Принцип оперативной расшифровки смысла элементарных высказываний языка теории: элементарные высказывания несут информацию о действиях по различению и отождествлению фигур в исчислениях, а также о выводимости фигур в исчислениях, являющихся практической частью теории. Этот принцип предполагает следующие идеализации относительно деятельности субъекта, занимающегося оперативной логикой и математикой:

(1.1) способность распознавать (различать и отождествлять) произвольно длинные конечные последовательности атомов и фигур любых исчислений (разрешимость проблемы тождества атомов и фигур исчислений);

(1.2) способность устанавливать относительно любого правила и любой фигуры, применимо данное правило к фигуре или нет, и если применимо, то что получается в результате применения правила к фигуре (разрешимость предиката применимости правила к фигуре);

(1.3) способность устанавливать относительно любой конечной последовательности фигур и фигуры A , является эта последовательность выводом (доказательством) данной фигуры A в исчислении K или нет (разрешимость предиката «**быть доказательством A** »).

Однако, у **идеализированного субъекта** оперативной логики и математики П. Лоренцена отрицается способность стандартным образом решать вопрос о выводимости (доказуемости) произвольной фигуры в произвольном исчислении. Вместе с тем, отклоняется и возможность существования какого-либо исчисления K и какой-либо фигуры A , относительно которых идеализированный субъект не смог бы никогда решить вопрос о выводимости A в K . Идеализированный субъект оперативной логики П. Лоренцена способен со временем решить вопрос о выводимости любой фигуры в любом исчислении совершенно однозначно; однако, в любой момент времени существуют конкретные исчисления и фигуры, относительно которых идеализированный субъект не в состоянии решить проблему выводимости, так как он не обладает универсальным, стандартным методом решения данной проблемы. Другими словами, каждое элементарное предложение, говорящее о выводимости некоторой фигуры в некотором исчислении, является (независимо от познавательной деятельности идеализированного субъекта, в себе) или истинным, или ложным (третьего не дано); но доказательство этой истинности или ложности не может быть найдено каким-либо стандартным образом. Поэтому до тех пор, пока идеализированный субъект не установит, какое именно значение

истинности имеет данное высказывание, он не имеет права принимать как доказанную дизъюнкцию данного высказывания и его отрицания.

В оперативной логике и математике П. Лоренцена не уточняется понятие **эффективного способа доказательства**, но принимается, что в каждое время существуют исчисления, для которых в данное время не имеется стандартного эффективного способа доказательства любой фигуры в алфавите этого исчисления. Существование исчислений с эффективно неразрешимой проблемой доказуемости фигур является основанием принятия в оперативной логике и математике П. Лоренцена **Принципа зависимости математических рассуждений от положения дел в математическом знании**.

2. Принцип диалогического обоснования высказываний языка теории: все высказывания языка теории являются диалогически определенными, то есть для каждого высказывания можно указать метод его семантической оценки (метод поиска его доказательства) в диалоге по фиксированным правилам.

Принцип диалогического обоснования высказываний языка теории опирается на следующие идеализации относительно деятельности идеализированных субъектов, занимающихся семантической оценкой высказываний:

(2.1) способность понимать правила атаки и защиты тезисов и пропозициональных форм;

(2.2) способность находить стратегию выигрыша или устанавливать её невозможность – интуиции общности (понимания метода) разной силы и степени.

Диалогическое обоснование высказываний языка теории имеет характер эффективного обоснования: диалог может рассматриваться как метод поиска некоторого эффективного способа преобразования доказательств (Я. Хинтика в этом смысле говорит о головоломках, о методе проб и ошибок [10, р. 1–25]). Нахождение выигрышной стратегии проponentом означает, что указан эффективный способ преобразования доказательств (само доказательство некоторой фигуры A в K является частным случаем диалога, указывающего тривиальный способ тождественного преобразования). Высказывания языка \mathcal{Y}_1 [6, с. 126–147], содержащие более одного вхождения логических связок \supset , \neg и квантора \forall , говорят о допустимости в (относительно) K мета...метаправил. Но допустимость в K мета...метаправила $(R): R_1, \dots, R_m \xrightarrow{k} R_0$ означает: если допустимы R_1, \dots, R_m , то допустимо R_0 ; то есть существует эффективный способ сведения проблемы допустимости R_0 в K к проблеме допустимости R_1, \dots, R_m .

Понятие допустимости метаправил в K осмысленно лишь в том случае, если ясно, что значит применить эффективный способ к другим эффективным способам. В лоренценовском конструктивизме понятие эффективного способа не уточняется, но принимается **основная идеализация лоренценовского конструктивизма:** применение эффективного способа \mathcal{A} к эффективным способам $\mathcal{A}_1, \dots, \mathcal{A}_n$ должно сводиться в конечном счете к указанию метода преобразования доказательства произвольной формулы C в базовом исчислении K . Поскольку само доказательство понимается здесь как в принципе наглядно представимый конечный объект, эффективные способы ограничиваются преобразованиями наглядных конструкций и методами поиска эффективных способов преобразования наглядных конструкций.

Только при допущении этой идеализации становится осмысленным понятие допустимости любого мета...метаправила в K (а значит и понятие эффективной истинности для любого высказывания языка \mathcal{Y}_1). В общем случае устранимость мета...метаправила $R_1, \dots, R_n \xrightarrow{k} R_0$ рассматривается по слоям [16, S. 172–177]. Последовательность ходов диалога представляет собой поиск такой процедуры сведения, которая позволила бы найти, в конечном счете, эффективный способ преобразования доказательств в базовом исчислении K .

3. Принцип разумности «логического языкового поведения»: употребление логических связок и кванторов не является результатом простой конвенции, но обусловлено некоторым (простейшим из возможных) языковым поведением субъектов, ведущих диалог. Это простейшее «разумное», общепринятое языковое поведение зафиксировано в структурных правилах диалога (D_1) , (D_2^S) , (D_3) , (D_2^e) , (D_2^k) , (D_3') . Класс пропозициональных форм, обосновываемых в формальных диалогах со структурными правилами (D_1') , (D_2') , (D_3') , совпадает с классом формул, выводимых в интуиционистском логическом исчислении А. Гейтинга. Путем изменения структурных правил можно так определить диалог, что класс обосновываемых в диалоге пропозициональных форм совпадает с классом логических истинных выражений классической логики. Для этого достаточно, например, правило (D_2^e) заменить правилом: (D_2^k) проponent на каждом шагу должен атаковать только одну из утверждаемых оппонентом формул или защищаться против любой из предшествующих атак оппонента. Это правило П. Лоренцен называет «повторение тезиса» (Thesenwiderholung). Применяя данное правило, можно диалогически обосновать «tertium non datur». Однако, с точки зрения П. Лоренцена, выбор структурных правил ведения диалога не является результатом конвенции: правило (D_2^e) является более «разумным», чем правило (D_2^k) . Критерий «разумности» правил диалога доставляется требованием: диалог должен давать эффективный метод поиска допустимых в (относительно) K (а для эффективной логики – общедопустимых) правил и мета...правил.

Теория эффективно-логически истинных высказываний (ЭЛИВ) строится как исчисление, выводимые фигуры которого суть те (и только те) высказывания языка, которые являются эффективно-логически истинными. Возможно два способа построения теории «эффективной логики»:

- 1) непосредственной формализацией содержательных рассуждений об общедопустимых правилах [12];
- 2) формализацией рассуждений о методах поиска доказательств с помощью диалога [15].

Взаимосвязь гносеологических оснований конструктивности и семиотических оснований теории эффективно-логически истинных высказываний рассмотрена автором для каждого из этих способов [7]. При первом способе строится теория пропозициональных эффективно-логически истинных высказываний (ЭЛИВ-1) как ряд напластованных исчислений. Каждый слой теории представляет расширение предшествующего исчисления за счет введения новой логической связки: отрицания или дизъюнкции. Основу теории ЭЛИВ1 (конструктивный базис) составляет исчисление следствий (Konsequenzenkalkül): КК [12]. Фигуры КК

называются высказываниями. A, B, \dots, A_i, B_j – метапеременные по фигурам, правилам, (мета)...правилам КК.

Атомы: $\alpha, \beta, \gamma, \alpha_1, \beta_1, \gamma_1, \dots$ – пропозициональные буквы.

Фигуры: 1) A – пропозициональная буква $\Rightarrow A$ – фигура;

2) A_1, \dots, A_n, B – фигуры $\Rightarrow A_1, \dots, A_n \rightarrow B$ – фигура.

Базис исчисления: Всякая фигура вида: $A_1, \dots, A_n \rightarrow A_\mu$ ($1 \leq \mu \leq n$).

Правила исчисления (метаправила):

(R'кк) $A_1, \dots, A_m \rightarrow B_1; \dots; A_1, \dots, A_m \rightarrow B_n; B_1, \dots, B_n \rightarrow B \Rightarrow A_1, \dots, A_m \rightarrow B$ (правило транзитивности);

(R''кка) $A_1, \dots, A_m \Rightarrow A_{m+1}, \dots, A_n \rightarrow A \Rightarrow A_1, \dots, A_{m-1} \Rightarrow A_m, A_{m+1}, \dots, A_n \rightarrow A$ ($1 \leq m \leq n$) (правило импортации);

(R''ккб) $A_1, \dots, A_{m-1} \Rightarrow A_m, A_{m+1}, \dots, A_n \rightarrow A \Rightarrow A_1, \dots, A_{m-1}, A_m \Rightarrow A_{m+1}, \dots, A_n \rightarrow A$ ($1 \leq m \leq n$) (правило экспортации).

Исчисление КК является синтаксическим основанием теории ЭЛИВ1.

Интерпретация исчисления КК задается следующими правилами:

ИП1: пропозициональные буквы интерпретируются как элементарные высказывания и конъюнкции элементарных высказываний;

ИП2: $A_1, \dots, A_n \rightarrow B$ интерпретируется как импликация $A_1'' \wedge \dots \wedge A_n'' \supset B''$ (где A_i'' – интерпретант A_i);

ИП3:

$(A_{11}, \dots, A_{1m_1} \rightarrow A_{1\mu}) \cdot (A_{21}, \dots, A_{2m_2} \rightarrow A_{2\mu}) \cdot \dots \cdot (A_{n1}, \dots, A_{nm_n} \rightarrow A_{n\mu}) \Rightarrow (B_1, \dots, B_n \rightarrow B_j)$

интерпретируется как **логическое следование** $R_1'', R_2'', \dots, R_n'' \vdash R_i''$

где R_s'' – интерпретанты соответственно

$$(A_{s1}, \dots, A_{sm_s} \rightarrow A_{s\mu}) \quad (s=1, \dots, n).$$

Принимая конструктивный смысл логических связок \supset и \wedge [6, с. 135-142] и определяя смысл $R_1'', R_2'', \dots, R_n'' \vdash R_i''$ как общедопустимость метаправила $R_1, R_2, \dots, R_n \Rightarrow R_i$ в КК, получаем **конструктивную семантику** языка теории ЭЛИВ1, образованного атомами и фигурами исчисления КК.

Семантическая пригодность исчисления КК ясна из следующего.

1.1) Интерпретанты базиса исчисления КК являются высказываниями языка Я1 об общедопустимых правилах. Действительно, мета...правило $R_1, \dots, R_m \xrightarrow{k} R_\mu$ ($1 \leq \mu \leq m$) является общедопустимым: эффективный способ его элиминирования заключается просто в выделении из последовательности $\mathfrak{A}_1, \dots, \mathfrak{A}_m$ эффективных способов элиминирования R_1, \dots, R_m одного из ее членов \mathfrak{A}_μ (что всегда возможно в соответствии с гносеологическими основаниями конструктивности эффективной логики).

1.2) Общедопустимость мета...правил **(R'кк)** и **(R''кк)** была доказана автором [7].

Таким образом, базис исчисления КК интерпретируется как **эффективно-логически истинные высказывания (ЭЛИВ)** языка Я1; правила **(R'кк)**, **(R''кка)**, **(R''ккб)** переводят от ЭЛИВ к ЭЛИВ; в КК выводятся только такие фигуры, которые интерпретируются как ЭЛИВ языка Я1.

ЭЛИВ языка, являющиеся интерпретантами выводимых в КК фигур, содержат только пропозициональные связки \wedge и \supset . Теория ЭЛИВ1, синтаксическое основание

которой составляет исчисление КК, дедуктивно эквивалентно положительному (без отрицания и дизъюнкции) интуиционистскому исчислению высказываний.

Итак, в данном случае идеализации, принимаемые для деятельности идеализированного субъекта с фигурами исчислений согласно правилам, непосредственно учитываются при определении понятия «эффективно-логическая истинность» и определяют семантические основания теории импликации, или гносеологическую семантику теории, синтаксическое основание которой составляет исчисление КК. Для формализации теории ЭЛИВ языка Я1, содержащих знак отрицания \neg , требуется ступенчатое расширение исчисления КК. На каждой ступени рассматриваются высказывания языка Я1, полученные из высказываний предшествующей ступени путем навешивания знака \neg и объединения полученных выражений знаками \wedge и \supset . Отрицания высказываний некоторого слоя относятся к следующему по порядку построения слою. Выражения с первым знаком \neg интерпретируются как высказывания о **допустимости относительно К** правил и мета...правил [7].

Таким образом, при первом способе построения теории ЭЛИВ в языке строится наслаивающееся исчисление, выводимые фигуры которого интерпретируются как ЭЛИВ. Полнота этого исчисления относительно семантических значений «быть эффективно-логически истинным высказыванием» представляет достаточно сложную проблему, так как эффективная логическая истинность высказывания устанавливается здесь содержательно, через общедопустимость мета...правил. Общедопустимость мета...правил устанавливается при явной ссылке на гносеологические основания конструктивности эффективной логики, которые не выделены формально. Преимущество такого способа построения теории ЭЛИВ – в непосредственной гносеологической интерпретации семантических оснований теории, недостаток – в сложности (и часто формальной неразрешимости) метатеоретических проблем полноты, непротиворечивости и так далее.

Рассмотрение методов обоснования научного знания в «Немецком конструктивизме» будет продолжено в последующих выпусках журнала.

Список литературы

1. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка: Пер. с нем. общ. ред. и коммент. Т.В. Бульгиной, вступ. ст. Т. В. Бульгиной и А. А. Леонтьева. – М.: Прогресс, 1993. – 528 с.
2. Генцен Г. Исследования логических выводов. В кн.: Математическая теория логического вывода. – М.: Наука, 1967. – С. 9–75.
3. Мануйлов В. Т. Исчисление и диалог как метод математической аргументации в «немецком конструктивизме» // Проблема конструктивности научного и философского знания: Сб. ст.: Выпуск четвёртый / Предисловие В. Т. Мануйлова. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2004. – С. 29–46.
4. Мануйлов В. Т. Конструктивное обоснование логико-математического знания в «немецком конструктивизме» // Проблема конструктивности научного и философского знания: Сб. ст.: Выпуск пятый / Предисловие В. Т. Мануйлова. – Курск, 2005. – С. 50–67.
5. Мануйлов В. Т. Конструктивность как принцип обоснования научного знания // Философские науки. – 2003. – № 10. – С.104–121.
6. Мануйлов В. Т. Методологические принципы «Немецкого конструктивизма» // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2015. – Т. 1 (67). – №1. – С. 126–147.

7. Мануйлов В. Т. Методологические проблемы конструктивности в обосновании математического знания / Деп. В ИНИОН 15.12.89, №40465. – Курск, 1989. – 221 с.
8. Такеути Г. Теория доказательств. – М.: Мир, 1978. – 412 с.
9. Gethman Carl F. Wissenschaftstheorie, konstruktive // Enzyklopädie Philosophie und Wissenschaftstheorie. Bd.4, Sp-Z. Stuttgart; Weimar: Metzler, 1996. – S. 746–758.
10. Hintikka K. J. J. Ch. I. Logic in philosophy – philosophy of logic // Hintikka K. J. J. Logic language, language – games and informations. – Oxford: Clarendon press, 1973. – P. 1–25 (Перевод на русский язык Брюшинкина В.Н. «Логика в философии – философия логики» см. Хинтикка Я. Логико-эпистемологические исследования / Под ред. Садовского В.Н. и Смирнова В.А. – М.: Прогресс, 1980. – 448 с. – С. 35–67).
11. Lorenzen P. Differential und Integral. Eine konstruktive Einführung in die klassische Analysis. – Frankfurt a. M.: Akad. Verl. – Ges., 1965. – 292 s.
12. Lorenzen P. Einführung in die operative Logik und Mathematik. – Berlin; Göttingen; Heidelberg: Springer, 1955. – 298 s.
13. Lorenzen P. Lehrbuch der konstruktiven Wissenschaftstheorie. – Mannheim; Wien; Zürich: BI – Wissenschaftsverlag, 1987. – 331 s. – s. 65–88.
14. Lorenzen P. Logical reflection and formalism // Journal of symbolic logic. – Groningen, 1958. – Vol. 23. – no. 3. – P. 241–249.
15. Lorenzen P. Metamathematik. – Mannheim: Bibl. Inst., 1962. – 167 s.
16. Mainzer K. Kants Philosophische Begründung des mathematischen Konstruktivismus und seine Wirkung in der Grundlagenforschung: Inaugural – Diss. – Münster, 1972–1973. – 497 s. – s. 172–177.

Manuylov V. T. Constructive Substantiation of Scientific Knowledge in «German Constructivism» // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2016. – Vol. 2 (68). – № 4. – P. 127–136

Article continues consideration of the characteristics of the «German constructivism» begun in the article «Methodological principles of "German constructivism"» published in the journal «Scientific notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. Philosophy. Political science. Culturology», Volume 1 (67), 2015, № 1, p. 115-125. In the preceding article defines the place of the German «theory of science» (Wissenschaftstheorie) among other areas «philosophy of science» as a direction to focus on the problems of logic and methodology of science, and, unlike the English-language philosophy of sciences, including in the research field of social knowledge, and as a conceptual history of science, the problem of studying the cultural and practical environmental and regulatory aspects of both scientific and technical progress. It is also characterized by «constructive theory of science» (konstruktive Wissenschaftstheorie) as a theory, which considers science as «the way (method) representation»; the theory of «subject competence» («die Vorstellung» and «the way of representation»), in contrast to the analytical theory of science» (analytische Wissenschaftstheorie), for which science is «the way (method) of research»; the theory of «meta-competence» («die Forschung», «the way of research»). As the historical antecedents of the constructive theory of science indicated Kant, Schopenhauer, Marx, Husserl, H.-G. Gadamer, analytical – Descartes, Spinoza, G. Leibniz, positivists. We present classification of the author constructed the constructive logic-mathematical knowledge, indicated in its «operational constructivism» of P. Lorenzen – «seed» and part of «the German constructivism». It describes the basic method of study of mathematical theory, according to which are allocated the «practical» and «theoretical» part of the structure of the theory. The practical part of the theory are the «calculus» (Kalkül), consisting of the «figures» (the iconic structures) and «rules». The theoretical part is actually the theory of how language education. The requirement of constructivity (by Lorenzen) is that the proposals of the theoretical part are interpreted as the encrypted messages about action with figures in the practical part. Logical connectives introduced in the theoretical part are explained by indicating the link between the rules in the calculus that leads to the interpretation of logical connectives different from classical logic. The preceding article discussed in detail ways to justify the constituent statements via dialogues. Distinguish between «material» and «formal» dialogue. This article analyzes the methods of construction and validation of formal logic 1) using stratified calculus and 2) using «formal dialogue». Epistemological foundations of constructiveness «effective» logic P. Lorenzen are identified; two options of theory of effectively-logically true statements (ELTS) are built. Ways study of arithmetic, analysis in «German constructivism» is discussed. This article analyzes the methods of construction and validation of formal logic

1) using stratified calculi and 2) using «formal dialogues». Winning strategy of the Proponent in the formal dialogue is based on the fact that he uses only those elementary propositions that have already been approved earlier from the Opponent. Are identified epistemological foundations of constructiveness of «effective» logic of P. Lorenzen: The principle operational deciphering of the meaning of the elementary statements of language of the theory; The principle of dependence of mathematical reasoning on the situation in mathematical knowledge; The principle of dialogical substantiations of statements of language of theory; The principle of reasonableness «of the logical language behavior». In the process of identifying the relationship of the epistemological foundations of constructiveness and semiotic bases of the theory of effective-logically true statements two options of the ELTS theories are built: 1) by means of the immediate formalization of the content reasoning about the generally permissible rules, and 2) by means of the formalization of reasoning about methods of search of proofs through dialogue. The ways of justification of arithmetic (method of «construction», method of «abstraction») and mathematical analysis (the method of «logical reflection on the expressive power of language») in the «German constructivism» are showed.

Keywords: constructivism, philosophy of science, logic, theory of science, methodology of science, math, analysis, geometry, social sciences.

References

1. Bjuler K. Teorija jazyka. Reprerativnaja funkcija jazyka [Language Theory. Representative function of language]. Moscow, Progress, 1993, 528 p.
2. Gencen G. Issledovanija logicheskikh vyvodov [Research inferences]. Moscow, Nauka, 1967, P. 9–75.
3. Manujlov V. T. Ischislenie i dialog kak metod matematicheskoy argumentacii v «nemeckom konstruktivizme» [Calculation and Dialogue as Methods of Mathematical Reasoning in "German Constructivism"]. The problem of scientific and philosophical knowledge constructivity: Col. of papers: Vol. 4. Preface from V. T. Manuylov, Kursk, Publishing House of Kursk state university, 2005, P. 29–46.
4. Manujlov V. T. Konstruktivnoe obosnovanie logiko-matematicheskogo znanija v «nemeckom konstruktivizme» [Constructive Ground of the Logical-Mathematical Knowledge in "German Constructivism"]. The problem of scientific and philosophical knowledge constructivity: Col. of papers.: Vol. 5. Preface from V. T. Manuylov, Kursk, Publishing House of Kursk state university, 2005, P. 50–67.
5. Manujlov V. T. Konstruktivnost' kak princip obosnovanija nauchnogo znanija [Constructivity as a Principle of Scientific Knowledge Justification]. Philosophical sciences, 2003, no. 10, P. 104–121.
6. Manujlov V. T. Metodologicheskie principy «Nemeckogo konstruktivizma» [Methodological Principles of «German Constructivism»]. Scientific Notes of Crimea Federal V. I. Vernadsky University. Philosophy. Political science. Culturology, 2015, Vol. 1 (67), no. 1, P. 126–147.
7. Manujlov V. T. Metodologicheskie problemy konstruktivnosti v obosnovanii matematicheskogo znanija [Constructive Methodological issues in the justification of mathematical knowledge]. Dep. In INION 15.12.89, no. 40465, Kursk, 1989, 221 p.
8. Takeuti G. Teoriya dokazatel'stva [Proof Theory]. Moscow, Mir, 1978, 412 p.
9. Gethman Carl F. Wissenschaftstheorie, konstruktive. Enzyklopädie Philosophie und Wissenschaftstheorie. Bd.4, Sp-Z. Stuttgart; Weimar, Metzler, 1996, S. 746–758.
10. Hintikka K. J. J. Ch. I. Logic in philosophy – philosophy of logic. Hintikka K. J. J. Logic language, language – games and informations. Oxford, Clarendon press, 1973, P. 1–25.
11. Lorenzen P. Differential und Integral. Eine konstruktive Einführung in die klassische Analysis. Frankfurt a. M., Akad. Verl., Ges., 1965, 292 S.
12. Lorenzen P. Einführung in die operative Logik und Mathematik. Berlin; Göttingen; Heidelberg, Springer, 1955, 298 S.
13. Lorenzen P. Lehrbuch der konstruktiven Wissenschaftstheorie. Mannheim; Wien; Zürich, BI-Wissenschaftsverlag, 1987, 331 S., S. 65–88.
14. Lorenzen P. Logical reflection and formalism. Journal of symbolic logic. Groningen, 1958, Vol. 23, no. 3, P. 241–249.
15. Lorenzen P. Metamathematik. Mannheim, Bibl. Inst., 1962, 167 S.
16. Mainzer K. Kants Philosophische Begründung des mathematischen Konstruktivismus und seine Wirkung in der Grundlagenforschung: Inaugural – Diss. Münster, 1972–1973, 497 S., S. 172–177.

УДК: 164.1

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ИМПЛИКАТИВНОЙ УСЛОВНОЙ СВЯЗИ ПОСРЕДСТВОМ ОБЪЕДИНЕНИЯ ЕЕ ВИДОВ

Николко В. Н.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

E-mail: vnnikolko@mail.ru

Различаются импликация как двузначный, двуместный функтор $\alpha(\varphi, \psi)$, где φ, ψ – простые высказывания, и имплицативно условная связь высказываний $(\varphi \rightarrow \psi)$. Импликация $\alpha(\varphi, \psi)$ не означает, что $(\varphi \rightarrow \psi)$; $(\varphi \rightarrow \psi)$ только и если только $\alpha(\varphi, \psi)$ – тождественно истинное. Не всё, что говорится о $\alpha(\varphi, \psi)$, можно сказать относительно $(\varphi \rightarrow \psi)$. Например, $\alpha(\varphi, \psi)$ для любых высказываний равно $(\neg\varphi \vee \psi)$, где \neg – отрицание, а \vee – дизъюнкция, в то время как $(\varphi \rightarrow \psi)$ не равно $(\neg\varphi \vee \psi)$. Принимается система высказываний G , в которой вопрос о представлении функции $(\varphi \rightarrow \psi)$ через другие функции решен. При этом определяются значения для высказываний из G любой степени сложности. Так, два высказывания $\varphi(x_1, x_2, \dots, x_n)$ и $\psi(x_1, x_2, \dots, x_n)$ G -множества определяются как формально независимые на M , если и только если для любых пакетов значений их аргументов (a_1, a_2, \dots, a_n) , где a_i принадлежит M (для i от 1 до n), выражение $(\varphi\psi)$ может принимать только следующие значения истинности-ложности: или (11), или (10), или (01), или (00). Всего выделяются семь видов имплицативной условной связи: $\varphi \neg \rightarrow \psi$, $\varphi \rightarrow \neg \psi$ и т. д. $\varphi \neg \rightarrow \neg \psi$, объединение которых эквивалентно $\varphi \rightarrow \psi$.

Ключевые слова: импликация, имплицативная условная связь, виды имплицативной условной связи, объединение видов И-условной связи.

Цель: Представить имплицативную (И) условную связь посредством объединения ее видов.

Новизна: Выделяются семь видов имплицативной условной связи.

К сожалению, мало встречается текстов, в которых воспроизводится точный смысл термина импликация, что, как пишет Переверзев В. Н. в [1, с. 52], «приводит к логическим ошибкам и различного рода парадоксам, в частности к парадоксам импликации».

Большинство определяют импликацию так, как это сделано Ю. А. Шихановичем: «Импликация высказываний A и B обозначается $A \rightarrow B$ и означает высказывание, ложное в том и только том случае, когда посылка A – истинна, и заключение B – ложно. Импликация $A \rightarrow B$ высказываний A и B означает то же, что высказывания “если A , то B ”, “из A следует B ”, “ A влечёт B » [2, с. 130]. Правильнее было бы определять импликацию как двуместный, двузначный функтор α_3 , действующий в множестве высказываний и преобразующий всякие два высказывания вида φ и ψ в некоторое третье высказывание $\alpha_3(\varphi, \psi)$. Последнее ложно только в том случае, когда φ истинно, а ψ – ложно, и истинно во всех

остальных случаях (т. е. когда φ ложно, а ψ – истинно; когда φ и ψ оба истинны; когда φ, ψ оба ложны). В этом случае импликация не должна отождествляться с условной связью «если ... то...». Иными словами, импликация представляет собой двужначный, двуместный функтор $\alpha_3(\varphi, \psi)$, который полностью определен таблицей истинности 1.

φ	ψ	$\alpha_3(\varphi, \psi)$
1	1	1
1	0	0
0	1	1
0	0	1

Очевидно, определение $\alpha_3(\varphi, \psi)$ обеспечивает существование для любых двух высказываний A, B из области изменений φ, ψ некоторое $C = \alpha_3(A, B)$; но столь же очевидно, что определение импликации не утверждает, что A, B при этом вступают в условную связь или находятся с необходимостью в ней, записываются в виде $(A \rightarrow B)$, читаются как «если A , то B ». Для этого существует принцип введения условной связи, который гласит: для того, чтобы функции φ, ψ находились в условной связи, произносились как «если φ , то ψ », записывались $(\varphi \rightarrow \psi)$ необходимо и достаточно, чтобы φ, ψ были такими, что $\alpha_3(\varphi, \psi)$ – тождественно истинная формула. Поэтому $\alpha_3(\varphi, \psi)$ и $(\varphi \rightarrow \psi)$, хотя и являются высказываниями, но являются разными. Следует различать $\varphi \rightarrow \psi$ и $\alpha_3(\varphi, \psi)$, и это различие состоит в том, что формула $(\varphi \rightarrow \psi)$ – тождественно истинная, а $\alpha_3(\varphi, \psi)$ – не обязательно таковая. Все, что относится к определению $\alpha_3(\varphi, \psi)$, не обязательно относится к определению $(\varphi \rightarrow \psi)$. Так, например, $\alpha_3(\varphi, \psi)$ представимо через другие функции алгебры логики, в частности:

$$(\varphi \wedge \psi) = \text{Df}_1 \neg \alpha_3(\varphi, \neg \psi)$$

$(\varphi \vee \psi) = \text{Df}_2 \alpha_3(\neg \varphi, \psi)$, где \neg – знак отрицания формулы, стоящей после неё, а \wedge, \vee – знаки конъюнкции и дизъюнкции, соответственно; Df – знак (по определению). Можно также согласиться с Переверзевым В. Н. в том, что «точную логическую формализацию содержательного определения оператора $\alpha_3(\varphi, \psi)$ обеспечивает следующее синтаксическое определение

$\alpha_3(\varphi, \psi) = \text{Df}_3 [(\varphi \wedge \psi) \vee (\neg \varphi \wedge \psi) \vee (\neg \varphi \wedge \neg \psi)]$. При этом путем эквивалентных преобразований нетрудно показать, что определению Df_3 эквивалентны два следующих коротких определения:

$$\alpha_3(\varphi, \psi) = \text{Df}_4 (\neg \varphi \vee \psi),$$

$\alpha_3(\varphi, \psi) = \text{Df}_5 \neg(\varphi \wedge \neg \psi)$ [2, с. 52]. Однако, и это очевидно, $(\varphi \rightarrow \psi)$ не определяется ни f_3 , ни f_4 , ни f_5 , исключительно по одной причине: $(\varphi \rightarrow \psi)$ – тождественно истина, а $\alpha_3(\varphi, \psi)$ – не обязательно таковая. Итак,

$$(\varphi \rightarrow \psi) \neq \text{Df}_4 (\neg \varphi \vee \psi), \text{ или } (\varphi \rightarrow \psi) \neq \text{Df}_5 \neg(\varphi \wedge \neg \psi).$$

Констатируем: вопрос об определении высказывания $(\varphi \rightarrow \psi)$ посредством других функций алгебры логики пока не решен.

Ниже предлагается система высказываний G , в которой вопрос о представлении функции $(\varphi \rightarrow \psi)$ через другие функции решен. Доказывается следующая теорема:

если высказывания φ, ψ находятся в И-условной связи, то есть $(\varphi \rightarrow \psi)$ – тождественно истинное, то $(\varphi \rightarrow \psi) = \text{Df}[(\varphi \xrightarrow{1} \psi) \vee (\varphi \xrightarrow{2} \psi) \vee (\varphi \xrightarrow{3} \psi) \vee$

$\vee (\varphi \xrightarrow{4} \psi) \vee (\varphi \xrightarrow{5} \psi) \vee (\varphi \xrightarrow{6} \psi) \vee (\varphi \xrightarrow{7} \psi)$], где \vee – объединение; $(\varphi \xrightarrow{i} \psi)$, i от 1 до 7 – виды импликативной условной связи.

Пусть имеется некоторое множество G высказываний, представляющих собой двузначные, n – местные функции $f(x_1, x_2, \dots, x_n)$, аргументы которых x_1, x_2, \dots, x_n – предметные или пропозициональные переменные, определены в множестве M общих имен или пропозиций так, что $f(a_1, a_2, \dots, a_n)$ принадлежит $M^2 [0,1]$, если и только если a_i принадлежит M (для i от 1 до n).

Пусть, далее, в множестве G действуют три двузначных двуместных функтора α_1 (конъюнкция), α_2 (дизъюнкция), α_3 (импликация) и один двузначный, одноместный функтор – отрицание. α_1, α_2 и отрицание определяются так, как это сделано В. Н. Переверзевым в <1>. Определение α_3 дано выше.

Помимо высказываний в G множестве имеют место выражения, являющиеся строчками конечного числа разных высказываний. Например, если φ, ψ, f – высказывания G системы, то $(\varphi \psi f), (\varphi f \psi), (f \psi \varphi)$ и т. д. – его выражения. Выражения могут быть однослововыми, двуслововыми и т. д. – n -слововыми в зависимости от того, из какого числа высказываний они состоят. Каждое выражение имеет матрицу истинности из 0 и 1. Например, двуслововое выражение $[f_1(x_1, x_2, \dots, x_n) f_2(x_1, x_2, \dots, x_n)]$ при подстановке отдельных пакетов значений переменных (x_1, x_2, \dots, x_n) , таких, как (a_1, a_2, \dots, a_n) , где a_i из M для i от 1 до n , получает соответствующие значения или (11), или (10), или (01), или (00). Каким бы ни было число возможных пакетов значений переменных (x_1, x_2, \dots, x_n) , число разных строчек таблицы истинности выражения $(f_1 f_2)$ не может быть больше четырех. Набор разных строчек значений $(f_1 f_2)$ будем называть таблицей истинности выражений $(f_1 f_2)$.

Аналогично вычисляются таблицы трехслововых и т. д. n -слововых выражений G -множества.

Определение 1. Два высказывания $\varphi(x_1, x_2, \dots, x_n)$ и $\psi(x_1, x_2, \dots, x_n)$ G -множества формально независимы на M , если и только если для любых пакетов значений их аргументов (a_1, a_2, \dots, a_n) , где a_i принадлежит M (для i от 1 до n), выражение $(\varphi\psi)$ может принимать только следующие значения истинности-ложности: или (11), или (10), или (01), или (00). Иными словами, – если и только если таблица истинности выражения $(\varphi\psi)$ имеет четыре разных строчки.

Определение 2. Высказывания $\varphi(x_1, x_2, \dots, x_n)$ и $\psi(x_1, x_2, \dots, x_n)$ – формально связаны на множестве M , если и только если таблица истинности выражения $(\varphi\psi)$ имеет не более трех разных строчек. Например, φ и ψ связаны, если $(\varphi\psi)$ имеет матрицы вида:

φ	ψ		φ	ψ		φ	ψ
1	1		1	0		1	0
0	1		0	1		0	0
0	0, или		1	1, или			и т. д.

Если выражение состоит из трех высказываний – f_1, f_2, f_3 , с одним и тем же набором аргументов, заданными в M , то f_1, f_2, f_3 – формально независимы, если и только если таблица истинности выражения $(f_1 f_2 f_3)$ имеет $2^3=8$ разных строчек. В противном случае f_1, f_2, f_3 формально связаны.

Аналогично: если выражение состоит из m высказываний $f_1(x_1, \dots, x_n), f_2(x_1, \dots, x_n), \dots, f_m(x_1, \dots, x_n)$, то f_1, f_2, \dots, f_m формально независимы, если и только если таблица истинности выражения $(f_1 f_2 \dots f_m)$ имеет 2^m разных строк; если же меньше, то f_1, f_2, \dots, f_m формально связаны.

Определение 3. Если и только если выражение $(f_1 f_2)$ характеризуется матрицей X из трех или менее разных строк, то $f_2 = \Phi(f_1)$, где Φ – оператор, который полностью определен таблицей X .

Нетрудно перебрать все возможные матрицы, состоящие из 0 и 1 для двух столбцов при числе разных строк, не больше трех. Таких матриц – 14, причем выделяются два класса матриц:

- не имеющих плохую строчку 10
- имеющих плохую строчку 10.

В первый класс входят семь таблиц:

11	11	01	11	11,	00,	01.
01	01,	00,	00,			
00,						

Назовем таблицы слева направо И-1 таблицей, И-2–таблицей и т. д., И-7–таблицей.

Семь таблиц, имеющих плохую строчку, таковы

10	10	10	10	01	10	10.
01	11	01	00,	10,	11,	
00,	00,	11				

Пусть, далее, в множестве G действует принцип И (импликационной) условной связи в той форме, как он сформулирован выше, благодаря чему среди высказываний G -множества появляются высказывания вида $\varphi \rightarrow \psi$, для которых $\alpha_3(\varphi, \psi)$ – тождественно-истинны. Тогда в G множестве имеет место следующая ситуация: если φ и ψ – высказывания из G , такие, что $\psi = \Phi_1(\varphi)$, где Φ_1 – оператор, который полностью определяется таблицей 1:

Φ	$\psi = \Phi_1(\varphi)$,
1	1
0	1
0	0

то $\varphi \rightarrow \psi$ – И-условно связаны.

Условную зависимость ψ от φ , задаваемую Φ_1 , будем называть И-1 условной связью; записывать в виде формулы $\varphi \xrightarrow{1} \psi$.

В самом деле, если φ, ψ – высказывания из G -множества, которые при любых наборах значений из M их пропозициональных или предметных переменных могут принимать только значение истинности-ложности из таблицы 1

φ	ψ	$\alpha_3(\varphi, \psi)$
1	1	1
0	1	1
0	0,	то 1,

то есть $\alpha_3(\varphi, \psi)$ – тождественно истинная импликация, что является необходимым и достаточным условием:

- для И-условной связи φ и ψ ;
- для $\varphi \xrightarrow{1} \psi$ быть видом И-условной связи;
- для ψ быть Φ_1 -функцией от φ .

Помимо И-1 условной связи высказываний типа $\varphi \xrightarrow{1} \psi$, существуют еще шесть видов И-условной связи, шесть видов условной связи «если ... то», шесть видов функций, аналогичных функции Φ_1 . С этой целью доказывается теорема 1: если высказывания φ, ψ G-множества функционально связаны и $\psi = \Phi_i(\varphi)$ так, что Φ_i полностью определяется таблицей номер i из ряда таблиц истинности без плохой строчки, а именно:

φ	$\Phi_2(\varphi)=\psi$	φ	$\Phi_3(\varphi)$	φ	$\Phi_4(\varphi)$	φ	$\Phi_5(\varphi)$	φ	$\Phi_6(\varphi)$	φ	$\Phi_7(\varphi)$
1	1 (2),	0	1 (3),	1	1 (4),	1	1 (5),	0	0 (6),	0	1 (7),
0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0

то φ, ψ во всех шести случаях условно связаны, представляют собой виды И-условной связи, могут записываться в виде формул $\varphi \xrightarrow{i} \psi$ (где i – от 2 до 7). Тогда ясно, что высказывание $f_1 \rightarrow f_2$ определимо через перебор всех видов И-условной связи: для любых f_1 и f_2 из G-множества высказываний $f_1 \rightarrow f_2$ тогда и только тогда, когда имеет место $f_1 \xrightarrow{1} f_2$, или $f_1 \xrightarrow{2} f_2$, или $f_1 \xrightarrow{3} f_2$, или $f_1 \xrightarrow{4} f_2$, или $f_1 \xrightarrow{5} f_2$, или $f_1 \xrightarrow{6} f_2$, или $f_1 \xrightarrow{7} f_2$, что эквивалентно $(f_1 \rightarrow f_2) = \text{Df}[(f_1 \xrightarrow{1} f_2) \vee (f_1 \xrightarrow{2} f_2) \vee (f_1 \xrightarrow{3} f_2) \vee (f_1 \xrightarrow{4} f_2) \vee (f_1 \xrightarrow{5} f_2) \vee (f_1 \xrightarrow{6} f_2) \vee (f_1 \xrightarrow{7} f_2)]$, где Df – знак дефиниции, \vee – знак дизъюнкции

Список литературы

1. Логический словарь ДЕФОРТ (под ред. А. А. Ивина, В. Н. Переверзева, В. В. Петрова). – М.: Мысль, 1994. – 268 с.
2. Шиханович Ю. А. Введение в современную математику. Начальные понятия / Ю. А. Шиханович. – М.: Наука, 1965. – 370 с.
3. Николко В. Н. Об одном классе логических функций (функторах) // Ученые записки Крымского Федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2015. – Том 1 (67) – №1. – С. 148–155.

Nikolko V. N. Presentation of Implicative Conditioned Connection by Uniting its Kinds // Scientific Notes of Crimea Federal V. I. Vernadsky University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2016. – Vol. 2 (68). – № 4. – P. 137–142

There are differed implication as the two-digit, two-place functor $\alpha(\varphi, \psi)$, where φ, ψ – simple statements, and implicative conditional relationship $(\varphi \rightarrow \psi)$. The implication $\alpha(\varphi, \psi)$ does not mean that $(\varphi \rightarrow \psi)$; $(\varphi \rightarrow \psi)$ if and only if $\alpha(\varphi, \psi)$ is identically true. Not everything that is said about $\alpha(\varphi, \psi)$ can be said with respect to $(\varphi \rightarrow \psi)$. For example, $\alpha(\varphi, \psi)$ for any words anyway $(\neg\varphi \vee \psi)$, where \neg is negation and \vee is disjunction, while $(\varphi \rightarrow \psi)$ is not equal to $(\neg\varphi \vee \psi)$. It is adapted the system G: suppose we have a set G of statements, which are double-digit, n - placed function $f(x_1, x_2, \dots, x_n)$ where arguments x_1, x_2, \dots, x_n are individual or propositional variables defined in a set of M as common names or propositions so that $f(a_1, a_2, \dots, a_n)$ belongs $M_2 [0,1]$ if and only if M belongs a_i (for i from 1 to n). The question on the representation of the function $(\varphi \rightarrow \psi)$ is resolved through other functions on G.

It identifies the values for propositions from G of any degree of complexity. For example, two statements $\varphi(x_1, x_2, \dots, x_n)$ and $\psi(x_1, x_2, \dots, x_n)$ from G are defined as formally independent on M if and only if for all values of their arguments (a_1, a_2, \dots, a_n) , where a_i belongs to M (for i from 1 to the n), the expression $(\varphi\psi)$ can only take on the following values of truth, falsity, either (11) or (10), or (01) or (00). Propositions $\varphi(x_1, x_2, \dots, x_n)$ and $\psi(x_1, x_2, \dots, x_n)$ are formally linked on the M-set, if and only if the truth table expression $(\varphi\psi)$ has no

more than three different lines. Totally there are revealed seven types implicative conditional relation: $\varphi \psi$, $\varphi \rightarrow \psi$, etc. $\varphi \psi$, the union of which is equivalent to $\varphi \rightarrow \psi$.

Keywords: implication, implicative conditional connection, kinds of the implicative conditional connection, uniting kinds of I-implicative conditional connection.

References

1. Logicheskij slovar' DEFORT (pod red. A. A. Ivina, V. N. Pereverzeva, V. V. Petrova) [Logical Dictionary DEFORT]. Moscow, Mysl Publ., 1994., 268 p.
2. Shihanovich Yu. A. Vvedenie v sovremennuyu matematiku. Nachal'nye ponyatiya [Introduction to modern mathematics. Basic concepts]. Moscow, Nauka Publ., 1965, 370 p.
3. Nikolko V. N. Ob odnom klasse logicheskikh funkcij (funktorah) [On a class of logic functions (functors)]. Uchenye zapiski Krymskogo Federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo [Scientific Notes of Crimea Federal V. I. Vernadsky University. Philosophy. Political sciences. Culturology]. 2015, Vol. 1 (67), no. 1, P.148–155.

УДК 165.23

ББК 87.4

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕФИНИТНЫХ МЕТОДОВ В СЕМАНТИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ К ИССЛЕДОВАНИЮ ТИПОВ ФОРМАЛЬНЫХ ЛОГИКИ

Титов А. В.

МГУ ПС (МИИТ), МГТУ им. Баумана, г. Москва, Российская Федерация

E-mail: a.v.titov@mail.ru

Рассматривается подход к изучению типов логических исчислений, основанный на использовании нефинитных методов, позволяющих рассматривать множество формул алгебры логики с введенным на нем отношением эквивалентности как фактор-алгебру с определенной структурой. К ее исследованию могут быть привлечены методы теории структур, или в более общей постановке методы теории категорий, что является развитием семантического подхода к исследованию типов формальной логики на основе исследования оценки.

Использование такого подхода обосновано тем, что в метаматематике как теории, изучающей формализованные математические теории, используется аппарат различных разделов математики и она, тем самым, сама становится объектом математического исследования.

Рассматривается взаимосвязь различных типов логического исчисления на основе исследования оценки как морфизма, сохраняющего структуру из алгебры формул в структуру значений оценки. Анализируется связь этого подхода с тезисом о внутреннем саморазвитии понятия выдвинутым Гегелем в «Науке логики» и его применимость к развитию математики и математической логики, т. е. рассматривается вопрос о внутреннем развитии математики. Приводятся примеры, позволяющие показать, что в развитии математики стихийно этот принцип действует в форме диалектики внешней рефлексии. В пользу тезиса о саморазвитии выступает и тот факт, что использование нефинитных методов делает более ясным смысл многих метаматематических теорем.

Ключевые слова: диалектика, оценка, математическая структура, мера, семантика, решетка, импликативная решетка, отношение эквивалентности, логическое исчисление.

Объектом исследования является формальная логика в ее классической и неклассических формах. **Целью работы** является поиск методологии, позволяющей с общей позиции рассмотреть соотношение между различными видами логики и проследить динамику их развития как диалектический процесс.

Подход на основе исследования оценки позволяет рассмотреть различные типы логического исчисления в их единстве, а их развитие как диалектический процесс, в котором возникновение новых вариантов логического исчисления рассматривается как результат «снятия» старого путем «перехода» к более общему типу алгебраических структур, элементы которых служат значениями оценок формул логического исчисления. В основе этого «снятия» лежит антитеза идеи и явления

или, как это определил А. Ф. Лосев, чистой математики и математического естествознания.

При этом в центре внимания оказывается отношение между формой логического исчисления и структурой оценки, а также отношение эквивалентности, определяющее меру на структуре оценки.

Современная математика развивается как результат «взаимодействия» двух процессов: процесса *абстрагирования*, в котором выделяются некоторые общие черты различных сущностей и результатом которого становится аксиоматическое представление абстрактных структур, и процесса *специализации* – поиска новых моделей для имеющихся систем аксиом. Фактически развитие математики происходит как процесс познания так описанный А. Ф. Лосевым: «...в целях уразумения действительности мы разделяем ее на отдельные более или менее абстрактные моменты и изучаем их изолированно...», однако, «Разумеется, полная действительность вещи не та, которая свойственна ей в ее абстрактно-изолированном состоянии, но та, которая принадлежит ей в ее всестороннем взаимоотношении со всем прочим» [1, с. 23]. Это можно в полной мере отнести к математике и математической логике. Более того, хотя математика и относится к циклу формальных наук, в которых не действуют принципы спекулятивной философии, однако уже Гегель заметил, что: «Математика обязана своими самыми блестящими успехами тому, что она приняла то определение, которого не признает рассудок» [2, с. 89].

Современная математика по природе своей вступает в конфликт с методами познания, принятыми в естествознании. Ее объекты и правила вывода порождены сознанием, а не внешним опытом. Другое дело, что внешний опыт часто доминирует над сознанием человека, навязывая ему те или иные определения и представления, над истинностью которых человек часто не задумывается. Однако сознание не может не стремиться выйти за пределы опыта, что и составляет суть абстракции, при этом такой «выход» может осуществляться далеко за пределы опыта. Это диалектический шаг, результат антитезы чистой математики и математики естествознания. В частности, новое понимание формальной логики, расширяющее ее понимание как анализа типов рассуждений, отмечается в работе Гольдблатта: «Аналогично те исследования структуры, которые относятся к так называемым “логикам”, уже вышли за пределы своих исходных основ (анализа принципов рассуждений)» [3, с. 11].

В «Диалектических основах математики» А. Ф. Лосев утверждает, что при рассмотрении числа как объективно-социальной действительности со всеми ее логическими скрепами «мы бы получили число (а значит, и математику) не как предметный продукт мышления и не как физический продукт природы, но как продукт саморефлексии духа, как факт духовной культуры» [1, с. 27].

Это означает, что чистая математика как понятие, являясь продуктом саморефлексии духа, сама в процессе саморазвития составляет свой конечный продукт, т. е. понятие математики составляет конечный результат развития математики. Кроме того, такая саморефлексия включает не только предмет, но и

метод исследования, что выражается в том, что математика и метаматематика используют один и тот же язык.

Предмет же математики следует определить, т. к. рассматривать ее как науку о числах в привычном понимании этого слова уже нельзя, в частности, объектом математического знания стали структуры. И такие структурные свойства числа, по мнению А. Ф. Лосева, раскрываются в развитии триады: интенсивное число – экстенсивное число – эйдетическое число (*ἀριθμοί εἰδητικοί*), причем первые два элемента этой триады составляют диалектическую противоположность, – третий же разрешение этой противоположности как их диалектический синтез.

Этот подход предполагает, что математическая логика не составляет голую форму математического знания, не абстрагируется от него, но сами логические формы лежат в основе математических структур – «материи математики». В своих работах фон Нейман предложил вариант построения натурального ряда как теоретико-множественной конструкции, начинающейся с пустого множества. Это построение может быть воспринято как «отражение» гегелевско-лосевского положения о том, что математика, как и логика, должна развиваться из простого начала, – полярности, которая определяется как «форма различия, которое в то же время сохраняется в тождестве как нечто нераздельное» [2, с. 23]. В математике, возможно, роль такого полярного начала (бытие-ничто) могут играть пустое множество и его дополнение, которое, в случае, когда имеем только пустое множество, есть снова пустое множество. Т. е. $\emptyset = \neg\emptyset$.

В «схеме» фон Неймана натуральные числа обладают такой базированностью: $\emptyset, \{\emptyset\}, \{\emptyset, \{\emptyset\}\}, \dots$, т. е. натуральный ряд возникает из бесконечного соотношения с собой пустого множества, при этом натуральные числа являются теми формами конечного и изменяющегося нечего, которые и участвуют в этом бесконечном соотношении.

Математик не осознает получаемый им результат как результат саморазвития и саморефлексии духа, но именно спонтанное достижение ее и позволяет получать результаты обеспечивающие развитие самой математики.

Использование одного языка в исследовании как предмета математики (математики как понятия) так и метода ее исследования выражается в том, что множество формул формализованной теории является алгеброй, в общем случае с бесконечными операциями. После введения отношения эквивалентности на множестве формул, фактор-алгебра становится структурой, законами которой определяется тип логики, принимаемой в теории. Отсюда естественность применения в математической логике методов теории структур.

В частности, примером алгебраизации логических исчислений может служить тот факт, что доказана эквивалентность теоремы о полноте пропозиционального исчисления и теоремы Стоуна о представлении булевых алгебр.

Применение нефинитных методов, использующих современные математические теории, позволяет выявить математическую структуру формальной логики и проследить взаимосвязь различных видов логических исчислений, другими словами выявить ее математическое содержание.

Рассмотрение множества формул или множества классов эквивалентности формул как универсальных алгебр, предложено Линденбаумом и Тарским. Это позволило установить связь между классической теорией (логикой) и теорией булевых алгебр. Аналогичная связь для неклассических теорий между интуиционистской логикой и импликативными решетками установлена в работах Стоуна, Тарского, Мак-Кинси [4, с. 10].

Обобщением метода истинностных таблиц является метод интерпретации формул как отображений в решетках (оценок), что нашло развитие в работах Мостовского и в дальнейшем – в работах Сикорского и Расевой, получивших алгебро-топологическое доказательство теоремы Геделя о полноте [4, с. 101].

В настоящее время применение неклассических логик в математике ограничено, однако постоянно растущие и изменяющиеся требования к применяемому в формальных моделях сложных объектов и процессов математическому аппарату, могут существенно изменить это положение и привести к развитию математических теорий, основанных на использовании различных видов неклассической логики.

Если в формализованной теории операции заменяют шаги дедукции, то вполне естественно представить такую систему как категорию. С другой стороны, от вывода в исчислении требуется сохранение истинности или, в случае многозначности значений истинности, преобразование истинности по известному закону. Но это означает, что вывод или шаги дедукции связаны с сохранением или изменением по известному закону оценки, которая также может быть представлена как морфизм определенной категории.

Если рассматривать модели как функторы, сохраняющие дополнительную структуру из категории, соответствующей данной теории, в категорию множеств, то выбор вместо категории множеств, других категорий дает возможность изучать и строить неклассические теории. Тогда категория, на которой принимает значение функтор, определяет тип логики для исследуемой модели.

Ценным для нашего исследования является то обстоятельство, что в теории категорий свойства объекта определяются не через его внутреннюю структуру, а через его связи с другими элементами, которые выражаются через функции (стрелки).

Расширения, даваемые теорией категорий, распространяются и на логику. Классическая логика представлена в категории set двузначной булевой алгеброй. Каждый топос имеет аналог этой алгебры, а значит, определяет некоторое логическое исчисление, которое, впрочем, может отличаться от классической логики, поскольку логические принципы в топосе есть принципы интуиционистской логики [3, с. 13].

С философской точки зрения категорный подход к логике интересен тем, что расширяет ее возможности, при этом позволяет проследить связь между классическими и неклассическими вариантами логических исчислений.

Как вариант категорного подхода к анализу логических исчисления может рассматриваться и обобщенный нестандартный анализ, который в работе В. А. Любецкого определяется как «алгебро-логический метод, основанный на

рассмотрении оценок и в основном применяемый для изучения объектов, представимых в виде глобальных элементов некоторого пучка» [5, с. 377].

При этом подходе различные типы логики определяется структурой, на которой принимает значение оценка.

РАЗДЕЛЕНИЕ ЗНАЧЕНИЙ ОЦЕНКИ, «СЕМАНТИЧЕСКАЯ» ОЦЕНКА.

Непосредственное представление об истинности сводится к тому, что, суждение «А есть В» считается истинным лишь тогда, когда это суждение выполняется для всех элементов из А, т. е. случае, когда в качестве значений оценки рассматривается система подмножеств $P(A)$ некоторого множества А. При этом принимается возможным существование только двух мер истинности – 0 и 1, причем только само А имеет меру 1. Кроме того, если А есть бесконечное множество, то и разность A/N , где N – любое конечное множество, при таком задании меры имеет меру ноль. Более того, $\forall C \subset A$ имеем $|C|=0$, и лишь $|A|=1$. Если же $C \subset D$ и при этом $D \neq A$, то также, $|D|=0$ хотя D и содержит «больше», чем C, элементов со свойством В, но это можно трактовать как то, что при переходе от C к D истинность меняется на бесконечно малую величину.

Итак, непосредственное представление об истинности приводит к тому, что перенос этого отношения на случай, когда в качестве значений оценки рассматривается система подмножеств $P(X)$ некоторого множества X. Принимается возможным существование только двух мер истинности 0 и 1, причем только X имеет меру 1. Выход за пределы такого задания меры носит естественный характер. Одним из способов задания меры истинности, при котором исключается описанный случай, является способ задания меры на системе подмножеств, принятый в нестандартном анализе. При этом сохраняется как структура значений меры истинности, так и система законов классического исчисления. Мерой 1 обладают лишь те подмножества, которые принадлежат некоторому нетривиальному ультрафильтру. Тогда все дополнения к элементам ультрафильтра, в семейство которых входят все конечные множества имеют меру 0.

Следующий шаг в отрицании такого определения меры может заключаться в необходимости признания ее многозначности, как это происходит, например, в случае вероятностной меры, что дает вероятностный вариант логического исчисления. Наконец, отрицанию может подвергнуться сам факт того, что любое подмножество может обладать мерой истинности, но только подмножества, принадлежащие некоторой структуре, например, топологии.

В частности, такой семантический подход дает простой пример формальной логики без закона двойного отрицания.

Рассмотрим пример того, как особенности структуры значений оценки влияют на общезначимость формулы $\neg\neg A = A$. Как известно, для интерпретации законов интуиционистской логики Тарский предложил рассматривать оценки, значением которых являются открытые множества топологического пространства.

Рассмотрим плоскость, разделенную осью X. Пусть А – множество точек «верхней» половины плоскости, тогда если нет никакой дополнительной структуры

и рассматривается только совокупность точек плоскости, то $\neg A$ – отрицание A содержит все точки плоскости, находящиеся вне A , т. е. точки оси X и «нижней» полуплоскости. Теперь снимаем это отрицание, т. е. снимается включение всех точек X и полуплоскости. Следовательно, возвращаемся снова в A . Снятие здесь формально возвращает нас к первоначальному состоянию.

Дополним плоскость структурой топологии. Выберем в качестве A полуплоскость вместе с осью X . Отрицание $\neg A$ есть оставшаяся полуплоскость как открытое множество. Отрицание отрицания $\neg\neg A$ в этом случае, однако уже не прежнее множество, т. к. оно не открыто в топологии, но оставшаяся полуплоскость без оси X , т. е. $\neg\neg A \subset A$ и отрицание отрицания отлично от исходного множества, включено в него. В данном случае снятие отрицания изменяет исходное множество, внося в него структурное свойство отрицания – топологию. Выбирая в качестве значений оценки замкнутые множества топологического пространства и проводя аналогичные рассуждения, получим $A \subset \neg\neg A$ т. е., что отрицание отрицания включает в себя исходное множество.

Развитие метода, основанного на определении меры истинности как меры на некотором множестве, связано с понятием оценки.

«Оцениванием (оценкой) в данном языке для фиксированной решетки X называется сопоставление каждой формуле ϕ элемента из X , обозначаемого $\|\phi_k\|_X$ или короче $\|\phi_k\|$, причем логические связки языка моделируются операциями в решетке X . Последнее означает, что $\|\phi \wedge \psi\| = \|\phi\| \wedge \|\psi\|$, $\|\phi \vee \psi\| = \|\phi\| \vee \|\psi\|$, $\|\phi \rightarrow \psi\| = \|\phi\| \rightarrow \|\psi\|$, $\|\neg\phi\| = \neg\|\phi\|$ » [6, с. 101].

При этом X рассматривается как импликативная решетка общего вида. Уже в этом случае, анализируя разные типы оценок, можно проследить то, как количественные изменения и сопоставляемая им мера определяют качественный тип логики, зафиксированный в системе аксиом логического исчисления [7, с. 164].

В [8, с. 151] приводится вариант логики с двумя типами отрицания – Н-В логики.

В случае пропозиционального исчисления, в котором алгебра формул есть булева алгебра или булева решетка отрицание эквивалентно дополнению. Однако, как известно, решетка общего вида имеет два вида дополнения.

Если решетка A имеет нулевой элемент 0 , то \cap - дополнением элемента $a \in A$ называют наибольший элемент $c \in A$, для которого выполняется равенство $c \cap a = 0$.

Если решетка A имеет единичный элемент 1 , то \cup - дополнением элемента $a \in A$ называют наименьший элемент $d \in A$, для которого выполняется равенство $d \cup a = 1$.

В булевой решетке \cap - дополнение одновременно является \cup - дополнением элемента $a \in A$.

Н-В логика, как следует из ее аксиом, не является булевой алгеброй.

Список аксиом Н-В логики состоит из всех формул вида [8, с. 151]:

1. $(\alpha \rightarrow \beta) \rightarrow ((\beta \rightarrow \gamma) \rightarrow (\alpha \rightarrow \gamma))$	2. $\alpha \rightarrow \alpha \vee \beta$
3. $\beta \rightarrow \alpha \vee \beta$	4. $(\alpha \rightarrow \gamma) ((\beta \rightarrow \gamma) \rightarrow (\alpha \vee \beta \rightarrow \gamma))$
5. $\alpha \wedge \beta \rightarrow \alpha$	6. $\alpha \wedge \beta \rightarrow \beta$
7. $(\gamma \rightarrow \alpha) \rightarrow ((\gamma \rightarrow \beta) \rightarrow (\gamma \rightarrow \alpha \wedge \beta))$	8. $(\alpha \rightarrow (\beta \rightarrow \gamma)) \rightarrow (\alpha \wedge \beta \rightarrow \gamma)$

9. $(\alpha \wedge \beta \rightarrow \gamma) \rightarrow (\alpha \rightarrow (\beta \rightarrow \gamma))$	10. $\alpha \rightarrow (\beta \vee (\alpha \div \beta))$
11. $(\alpha \rightarrow \beta) \rightarrow (\neg \beta \rightarrow \neg \alpha)$	12. $(\alpha \div \beta) \rightarrow \Gamma(\alpha \rightarrow \beta)$
13. $((\alpha \div \beta) \div \gamma) \rightarrow (\alpha \div \beta \vee \gamma)$	14. $\neg(\alpha \div \beta) \rightarrow (\alpha \rightarrow \beta)$
15. $(\alpha \rightarrow (\gamma \div \gamma)) \rightarrow \neg \alpha$	16. $\neg \alpha \rightarrow (\alpha \rightarrow (\gamma \div \gamma))$
17. $((\gamma \rightarrow \gamma) \div \alpha) \rightarrow \Gamma \alpha$	18. $\Gamma \alpha \rightarrow ((\gamma \rightarrow \gamma) \div \alpha)$

Правилами вывода являются modus ponens и

$$(\Gamma) \quad \alpha / (\neg \Gamma \alpha).$$

H-B исчисление есть алгебра $\langle A, \cap, \cup, \rightarrow, \div, \neg, \Gamma, 0, 1 \rangle$.

В качестве семантической структуры, выберем структуру вида $\langle A, \cap, \cup, \Rightarrow, \div, \neg, \Gamma, 0, 1 \rangle$, которую назовем H-B – алгеброй. Это решетка, в которой для любых двух элементов существуют псевдодополнение (\Rightarrow) и псевдоразность (\div). В такой решетке для каждого ее элемента a существует два вида дополнения: \cap -дополнение: $\neg a = a \Rightarrow 0$, и \cup -дополнение $\neg a = 1 \div a$. В [2, с 74] показано, что $\neg a \geq a$.

Для операции (\Rightarrow) и отрицания (\neg) истинны утверждения (H1-H36) [4, с. 74–77], для (\div) и (\neg) (B1-B36), полученные из (H1-H36) на основании принципа двойственности [9, с. 388–390].

Аксиомы (1-9, 11) есть аксиомы интуиционистской логики и потому истинны в H-B логике.

Остальные доказываются через свойства операций на импликативных решетках с двумя видами дополнения. Ниже приводятся эти доказательства, со ссылкой на свойства операций (H1–H36) как они приведены в [4, с. 76.] для импликативных решеток и псевдодобулевой алгебры, обозначения (B1-B36) означают свойства операций двойственные к свойствам (H1–H36).

$$10. \alpha \rightarrow (\beta \vee (\alpha \div \beta))$$

Из определения операции (\div) получим, что $(\beta \vee (\alpha \div \beta)) \geq \alpha$. Тогда (10) следует из H1.

$$12. (\alpha \div \beta) \rightarrow \Gamma(\alpha \rightarrow \beta)$$

Из свойств дополнений $\neg(\alpha \rightarrow \beta) \geq \neg(\alpha \rightarrow \beta)$, кроме того, по определению, $\neg(\alpha \rightarrow \beta) \cup (\alpha \rightarrow \beta) \equiv 1$, откуда $\neg(\alpha \rightarrow \beta) \cup (\alpha \rightarrow \beta) \geq \alpha \cup (\alpha \rightarrow \beta) = (\alpha \cap \neg \beta) \cup (\alpha \rightarrow \beta) \geq (\alpha \cap \neg \beta) \cup (\alpha \rightarrow \beta)$, откуда $\neg(\alpha \rightarrow \beta) \geq (\alpha \cap \neg \beta)$ (12.1), иначе $\alpha \cup (\alpha \rightarrow \beta) \equiv 1$, но в решетке A $\alpha \cup (\alpha \rightarrow \beta) = \alpha \cup \neg \alpha$ – противоречие. Неравенство (12.1) и H1 дают искомый результат.

$$13. (\alpha \div \beta) \div \gamma \rightarrow (\alpha \div \beta \vee \gamma)$$

Из B15 $((\alpha \div \beta) \div \gamma) = (\alpha \div \beta \vee \gamma)$, тогда из H1 следует (13).

$$14. \neg(\alpha \div \beta) \rightarrow (\alpha \rightarrow \beta).$$

Действительно $\neg(\alpha \div \beta) \cap (\alpha \div \beta) = 0$, следовательно $\neg(\alpha \div \beta) \cap (\alpha \div \beta) \geq 0$. таким образом, $0 = \neg(\alpha \div \beta) \cap (\alpha \div \beta) \leq \beta \cap (\alpha \div \beta) = (\neg \alpha \cup \beta) \cap (\alpha \div \beta) \leq$ в соответствии с (H36) $\leq (\alpha \rightarrow \beta) \cap (\alpha \div \beta)$, откуда $(\alpha \rightarrow \beta) \geq \neg(\alpha \div \beta)$ (14.1), иначе $\beta \cap (\alpha \div \beta) \equiv 0$, но в решетке A $\beta \cap (\alpha \div \beta) = \beta \cap \neg \beta \geq 0$ – противоречие. Неравенство (14.1) и H1 дают искомый результат.

$$15. (\alpha \rightarrow (\gamma \div \gamma)) \rightarrow \neg \alpha$$

Из B3 $(\gamma \div \gamma) = 0$, тогда (15) следует из определения псевдодополнения.

$$16. \neg\alpha \rightarrow (\alpha \rightarrow (\gamma \div \gamma))$$

Из ВЗ $(\gamma \div \gamma)=0$, тогда $(\alpha \rightarrow (\gamma \div \gamma)) = \neg\alpha$. Откуда из НЗ $\neg\alpha \rightarrow (\alpha \rightarrow (\gamma \div \gamma))$.

$$17. ((\gamma \rightarrow \gamma) \div \alpha) \rightarrow \neg\alpha$$

Из НЗ $(\gamma \rightarrow \gamma)=1$, тогда по определению $((\gamma \rightarrow \gamma) \div \alpha) = \neg\alpha$, откуда $((\gamma \rightarrow \gamma) \div \alpha) \rightarrow \neg\alpha$.

$$18. \neg\alpha \rightarrow ((\gamma \rightarrow \gamma) \div \alpha)$$

Доказывается так же как (17).

ОЦЕНКА НА БУЛЕВОЙ АЛГЕБРЕ.

Определим оценку со значением в A как гомоморфизм $v:V_0 \rightarrow A$, где A – некоторая не обязательно двухэлементная булева алгебра, в частности, $v:V_0 \rightarrow P(I)$, где I некоторое множество.

Пусть ϕ – формула языка структуры K , и ϕ_k оценка этой формулы в решетке $\mathbf{B}=\{0,1\}$. $\|\phi_k\|$ – оценка этой формулы в $P(K^V)$ [6, с. 78], т. е., оценкой будем называть функцию вида $\|\cdot\|:Fm \rightarrow P(K^V)$, где V число переменных языка L , а $P(K^V)$ решетка, элементами которой служат подмножества K^V . Булева решетка $P(K^V)$ есть расширение решетки \mathbf{B} , в котором $K^V=1$, $\emptyset=0$. Однако в структуре $P(K^V)$ значением оценки служит любое подмножество $J \subseteq P(K^V)$. По аналогии с [7, с. 378] введем предикат $Tr_j(\phi_k) \equiv (\|\phi_k\| \in j)$, где j – некоторое подсемейство $P(K^V)$. Рассмотрим, как выбор семейства j может повлиять на связь между оценками ϕ_k и $Tr_j(\phi_k)$, различие которых служит основанием для разделения типов логических исчислений.

В нестандартном анализе рассматривается множество – степень K^1 , а оценка принимает значения на $P(I)$, выбор в качестве j ультрафильтра в $P(I)$ позволяет заменить $Tr_j(\phi_k)$ «обычной» истинностью суждения ϕ_k о структуре K^1 . Поскольку для ультрапроизведений $K^1 |_{j \in K^1} \sim_j$, имеем $\phi_k |_{j \in K^1} \Leftrightarrow ((\phi_k(f_1, f_2, \dots, f_n)) \in j)$, где $[f_i] \in K^1 |_{j}$. Как будет показано ниже это фактор – множество содержит два элемента. Это обеспечивает эквивалентность обеих семантик. Ситуация в нестандартном анализе отличается от рассматриваемой далее выбором множества, на котором принимает значение оценка, однако имеет ту же диалектическую природу; а именно, истинность как мера на множестве индексов, не являющихся элементом ультрафильтра, является бесконечно малой величиной и, следовательно, результатов оценки формулы на этой совокупности индексов не достаточно для изменения в сторону понижения, если на оставшихся индексах она равна 1, и повышения, если она на них равна нулю.

Нас, как было указано, интересует случай, когда оценка есть функция $Fm \rightarrow P(K^V)$. Поскольку K^V есть семейство функций $f:V \rightarrow K$ из множества V множество, т. е. само является множеством, то будем рассматривать его как множество, проиндексированное некоторым семейством I . В дальнейшем $K^V = I$.

Если рассматривается оценка со значениями в $P(I)$, т. е. оценка $\|\phi_k\|:Fm \rightarrow P(I)$, то при условии, что j ультрафильтр над $P(I)$ получим оценку в ультрапроизведении $P(I) |_{\sim_j}$. В [4, с.64] доказано, что если фильтр j в псевдобулевой алгебре A максимален, то фактор - алгебра $A |_{\sim_j}$, содержит два элемента, т. о. отношение эквивалентности \sim_j приводит к оценке на булевой алгебре $P(I) |_{\sim_j} = \mathbf{B} = \{0,1\}$.

Пусть $\|\phi_k\|$ оценка формулы ϕ_k в $P(I)$. Введем отношение \sim_j между оценками, такое, что $\|\phi_k\| \sim_j \|\phi_k^1\| \Leftrightarrow \|\phi_k\| \Rightarrow \|\phi_k^1\| \in j$ и $\|\phi_k^1\| \Rightarrow \|\phi_k\| \in j$, где j фильтр решетки $P(I)$.

В [4, с. 58] доказано, что \sim_j отношение эквивалентности и для любой оценки $\|\phi_k\|$ такой, что $\|\phi_k\| \in j$ справедливо $\|\phi_k\| \sim_j I=1$

Таким образом, как и в случае нестандартного анализа, выбор в качестве j максимального фильтра позволяет заменить $\text{Tr}_j(\phi_k) \equiv (\|\phi_k\| \in j)$ «обычной» истинностью суждения ϕ_k о структуре K . В то же время этого нельзя сделать при $\text{Tr}_j(\phi_k) \equiv (\|\phi_k\|=1)$, т. е. в случае если в качестве j выбран единичный фильтр. С математической точки зрения это объясняется тем, что при выбранном отношении эквивалентности только оценка равная I дает значение истинности равное 1. Кроме того, для любых оценок таких, что $\|\phi_k\| \subset \|\phi_k^1\|$ будет иметь место $\|\phi_k\| < \|\phi_k^1\|$. С позиции приведенных выше рассуждений, это означает, что при таком выборе фильтра каждый элемент множества I обладает конечной мерой и множество значений оценок эквивалентно мощности $P(I)$.

Рассмотрим это подробнее. В работе [5, с. 378] рассматривается взаимоотношения семантик:

1) $\text{Tr}_j(\phi_k) \equiv (\|\phi_k\|=1)$ и ϕ_k , показано, что для оценки на булевой алгебре $P(I)$ $\text{Tr}_j(\phi_k) \rightarrow \phi_k$ для хорновых формул, и $\phi_k \rightarrow \text{Tr}_j(\phi_k) \equiv (\|\phi_k\|=1)$ для позитивных. Т. е. в общем случае оценки при этих видах истинности в общем случае не совпадают.

2) В то же время для семантик $\text{Tr}_j(\phi_k) \equiv (\|\phi_k\| \in F)$, где F – ультрафильтр $\text{Tr}_j(\phi_k) \leftrightarrow \phi_k$ для всех формул. Оба утверждения доказываются индукцией по длине формул.

Рассмотрим оба взаимоотношения с точки зрения оценки как отображения на $P(I) | \sim_j$. Для этого, как и выше, на множестве оценок $P(I)$ введем отношение эквивалентности \sim_j .

$\text{Tr}_j(\phi_k) \equiv (\|\phi_k\| \in F)$, где F – ультрафильтр. В этом случае $P(I) | \sim_j = P(I) | \sim_F = V$. Действительно, поскольку F ультрафильтр, то для любого $a \in P(I)$ $a \in F$ либо $\neg a \in F$. Следовательно, $\forall a \in P(I)$ либо $|a|=1$ и $|\neg a|=0$, либо $|a|=0$ и $|\neg a|=1$, где $|a| \in P(I) | \sim_F$. Таким образом, в этом случае структуры значений оценок для $\text{Tr}_j(\phi_k)$ и ϕ_k изоморфны. Это значит, что для каждого вида оценки, они сводятся к гомоморфизмам $\varphi: Fm \rightarrow V$ для оценки $\text{Tr}_j(\phi_k)$ и $\psi: Fm \rightarrow V$ для оценки (ϕ_k) , причем эти гомоморфизмы совпадают на системе образующих алгебры Fm , а значит и на всей алгебре Fm .

$\text{Tr}_j(\phi_k) \equiv (\|\phi_k\|=1)$. В этом случае $P(I) | \sim_j = P(I) | \sim_1 = P(I)$. Действительно, поскольку F ультрафильтр, то для любых $a \in P(I)$ $b \in P(I)$ $a \sim_1 b$ тогда и только тогда, когда $a \rightarrow b=1$ и $b \rightarrow a=1$, т. е., тогда и только тогда, когда $a=b$. Это означает, что $P(I) | \sim_F = P(I)$. Таким образом, в этом случае структуры значений оценок для $\text{Tr}_j(\phi_k)$ не ϕ_k изоморфны, если $P(I)$ содержит более двух элементов.

Рассмотрение оценок позволяет получить простое доказательство следующего известного утверждения.

Утверждение.

Если фильтр над булевой алгеброй прост, то он максимален.

Доказательство.

Если это не так, то найдется $a \in P(I)$, такое, что $a \notin j$ и $\neg a \notin j$. Тогда $a \in i$ и $\neg a \in i$, где i – простой идеал и $i \cup j = I$, но тогда $\|a \cup \neg a\| < 1$ и $P(I)$ не булева алгебра. Пришли к противоречию.

ОЦЕНКА НА ПСЕВДОБУЛЕВОЙ АЛГЕБРЕ.

Рассмотрим случай, когда j – фильтр над импликативной решеткой (псевдобулевой алгеброй) $\mathfrak{A}(I) \subseteq P(I)$, элементы которого являются значением оценки некоторого суждения ϕ_k о структуре K .

Пусть $\|\phi_k\|$ оценка формулы ϕ_k в $\mathfrak{A}(K^V)$. Введем отношение \sim между оценками, причем $\|\phi_k\| \sim \|\phi_k^1\| \Leftrightarrow \|\phi_k\| \in j$ и $\|\phi_k^1\| \in j$.

Отношение \sim есть отношение эквивалентности на множестве оценок, кроме того, отношение эквивалентности \sim_j такое, что $\|\phi_k\| \sim_j \|\phi_k^1\| \Leftrightarrow \|\phi_k\| \Rightarrow \|\phi_k^1\|$ и $\|\phi_k^1\| \Rightarrow \|\phi_k\|$, является расширением отношения эквивалентности \sim .

Тогда фактор множество $\mathfrak{A}(I) |_{\sim_j}$ есть упорядоченное множество оценок, такое, что при $\|\phi_k^1\| \in j$ $[\|\phi_k^1\|] = 1_{P(K^V)} |_{\sim_j}$. В случае, когда j , как выше, – максимальный фильтр, для фактор-множества $\mathfrak{A}(I) |_{\sim_j}$ справедливо равенство $\mathfrak{A}(I) |_{\sim_j} = \{0, 1\}$. Логика, индуцированная оценкой, есть классическая логика. При выборе в качестве j единичного фильтра, логика, индуцированная оценкой, будет интуиционистской.

Пусть структура $\mathfrak{A}(I) \subseteq P(I)$ есть решетка A с нулем и единицей вида $\langle A, \cap, \cup, \rightarrow, \div, \neg, \Gamma, 0, 1 \rangle$, где \div есть относительная разность, $\Gamma a = 1 \div a$, $\neg a = a \rightarrow 0$, т. е. решетка, в которой два вида дополнения. Выше было показано, что оценке со значениями в решетке A соответствует Н-В логика. В этой логике закон противоречия не выполняется для отрицания Γ , т. е. оценка $\|a \wedge \Gamma a\| \geq 0$.

MODUS PONENS И ОЦЕНКА НА ПСЕВДОБУЛЕВОЙ АЛГЕБРЕ.

Структура, на которой принимает значение оценка формул некоторой теории, и тип отношения эквивалентности на структуре оценки, определяют не только тип логики, но и правила вывода, соответствующие этому типу логики. Например, приведенное в [6, с. 379] требование выполнимости правила modus ponens, которое на языке оценок выглядит как: $\|\phi_k\| = 1, \|\phi_k \Rightarrow \phi_k^1\| = 1$ влечет $\|\phi_k^1\| = 1$ (1) – частный случай правила $\|\phi_k\| \in j, \|\phi_k \Rightarrow \phi_k^1\| \in j$ влечет $\|\phi_k^1\| \in j$, (2), где j – фильтр на алгебре оценок. В modus ponens $j = 1$. Но (2) – свойство импликативной решетки. Таким образом, modus ponens в форме (2) является правилом вывода для всех логик со значениями на импликативных решетках (псевдобулевых алгебрах).

При переходе на язык теории категорий модели, которые рассматриваются классической теорией, являются функторами из категории, соответствующей некоторой теории в категорию всех множеств. Рассматривая какую-либо другую категорию, обладающую дополнительной структурой, получим неклассическую теорию. Тип полученной теории будет индуцироваться заданной категорией и ограничениями, наложенными на функтор (его задаваемыми свойствами).

При таком подходе «логики» как вид исследования структур представляют собой семейство функторов из категорий, соответствующих формальным теориям в

категории структур, на которых принимает значение оценка. В этом случае *оценка есть функтор, сохраняющий дополнительную структуру*. Вид логики будет определяться типом функтора и, следовательно, минимальные логики будут представлять собой семейство, определяемое семейством баз, предбаз, образующих и т. д. структур значений оценки. Нельзя исключать и того, что сюда войдут функторы как гладкие отображения многообразий, поскольку в обиход уже введен термин «локальная истинность», в частности в [3] рассматривается язык PL, в который включена новая связка ∇ и, если α формула этого языка, то формула $\nabla\alpha$ читается «локально имеет место, что α ».

Введение в теории категорий классификатора подобъектов Ω , и связанная с этим понятием Ω – аксиома, порождает утверждение, о том, что в категории, обладающей классификатором подобъектов, выполняется эквивалентность $\text{Sub}(d) \cong \mathbf{K}(d, \Omega)$. В частности, в качестве \mathbf{K} можно взять категорию, соответствующую формальной теории (в частности алгебру формул логического исчисления), в качестве Ω – структуру, на которой принимает значение оценка. В [3, с.91] доказано, что утверждение о том, что топос \mathbf{K} булев, эквивалентно утверждению о том, что $\text{Sub}\Omega$ – булева алгебра. Этим определяются и ограничения на свойства функции $\chi(f): d \rightarrow \Omega$ – она должна сохранять структуру. В частности, подтверждается предположение о том, что структура оценки для булевой алгебры формул должна быть булевой алгеброй, что не всегда учитывается в многозначных логиках.

Список литературы

1. Лосев А. Ф. Диалектические основы математики / А. Ф. Лосев. – М.: Academia, 2013. – 797 с.
2. Гегель Г. В. Ф. Наука логики / Г. В. Ф. Гегель. – СПб.: Наука, 1997. – 799 с.
3. Голдблатт Р. Топосы. Категорный анализ логики / Р. Голдблатт. – М.: Мир, 1983. – 468 с.
4. Рассева Е. Сикорский Р. Математика метаматематики / Е. Рассева, Р. Сикорский. – М.: Наука, 1972, – 591 с.
5. Любецкий В. А. Некоторые применения теории топосов к изучению алгебраических систем // П. Т Джонсон. Теория топосов. – М.: Наука, 1986. – С. 376–430
6. Любецкий В. А. Оценки и пучки. О некоторых вопросах нестандартного анализа // УМН. – 1989. – Том 44. – №4 (269). – С. 99–153.
7. Титов А. В. Обобщенный нестандартный анализ и исследование форм логического исчисления на основе структур значений оценки. // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2015. – Том 1 (67). – № 1. – С. 164–171.
8. Васюков В. Л. Категорная логика / В. Л. Васюков. – М.: АНО Институт логики, 2005. – 194 с.
9. Титов А. В. Диалектика в развитии типов логических исчислений на основе структур значений оценки // Доказательство очевидность, достоверность и убедительность в математике. Труды Московского семинара по философии математики / Под. ред. В. А. Бажанова, А. Н. Кричевца, В. А. Шапошникова. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. – 432с.

Titov A. V. The Use of Non-Finite Methods in Semantic Approach in Researching Types of Formal Logics // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2016. – Vol. 2 (68). – № 4. – P. 143–154.

The approach to studying types of logical calculi based on use of non-finite methods is considered. This allows to considerate a set of algebraic formulas of logic with equivalent relation entered on it as the quotient algebra. Methods of the theory of structures, or methods of the theory of categories can be involved in its

research. Use of this approach is proved by the fact that in a metamathematics the device of various sections of mathematics is used. This allows to consider a metamathematics as an object of mathematical research.

The use of non-finite methods in the studying the types of logical calculi is the development of the approach to researching types of formal logics on the basis of researching evaluation.

Such approach is the result of development of approach to a research of types of the formal logic on the basis of estimates research.

The non-standard analysis offers a new type the structure of estimates, but the equivalence relation entered on it does it by the two-valued Boolean algebra. As a result laws of classical logic remain. Transition to other types of an equivalence relation allows to receive non-classical logicians in whom the law of contradiction or excluded the third is not carried out. The fresh wording is found also by the rule modus ponens.

Keywords: evaluation, mathematical structure, measure semantics, lattice, relatively pseudo-complemented lattice, equivalence relation, logical calculus.

Referenses

1. Losev A. F. *Dialekticheskie osnovy matematiki* [The Dialectical Foundations of Mathematics]. Moscow, Academia, 2013, 797 p.
2. Gegel' G. V. F. *Nauka logiki* [Wissenschaft der Logik]. St. Petersburg, Nauka [Science], 1997, 799 p.
3. Goldblatt R. *Toposy. Kategornyj analiz logiki* [Toposi. The Categorical Analysis of Logic]. Moscow, Mir [World], 1983, 468 p.
4. Rasseva E. Sikorskij R. *Matematika metamatematiki* [The Mathematics of Metamathematics]. Moscow, Nauka [Science], 1972, 591 p.
5. Ljubeckij V. A. *Nekotorye primenenija teorii toposov k izucheniju algebraicheskikh sistem*. P. T. Dzhonson. *Teorija toposov* [Some Applications of Topos Theory to the Study of Algebraic Systems. P. T. Johnson. *Topos Theory*]. Moscow, Nauka [Science], 1986, P. 376–430
6. Ljubeckij V. A. *Ocenki i puchki. O nekotoryh voprosah nestandartnogo analiza* [Valuations and Sheaves. On Some Questions of Nonstandard Analysis]. *Russian Mathematical Surveys*, 1989, Vol. 44, no. 4 (269), P. 99–153.
7. Titov A. V. *Obobshhennyj nestandartnyj analiz i issledovanie form logicheskogo ischislenija na osnove struktur znachenij ocenki* [Generalized Non-Standard Analysis and Study of the Forms of Logical Calculation on the Basis of Assessment of Value Structures]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filosofija. Politologija. Kul'turologija*. [Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology], 2015, Vol. 1 (67), no. 1, P. 164–171.
8. Vasjukov V. L. *Kategornaja logika* [Categorical Logic]. Moscow, ANO Institute of logics, 2005, 194 p.
9. Titov A. V. *Dialektika v razvittii tipov logicheskikh ischislenij na osnove struktur znachenij ocenki* [The Dialectic in the Development of Types of Logical Calculi on the Basis of Structures of the Estimated Values]. *Proof*. Moscow Studies in the Philosophy of Mathematics ed. by V. A. Bazanova, A. N. Krichevets, V. A. Shaposhnikov, Moscow, Book house LIBROKOM, 2014, 432p.

*Редакция журнала сердечно поздравляет с юбилеем
Владимира Николаевича Николко!*

Владимир Николаевич является нашим постоянным автором, бессменным организатором и руководителем теоретического семинара по логике и методологии науки, проводимого в рамках проекта «Анахарсис», одним из инициаторов образования философского факультета Таврической академии.

В последнее время Владимир Николаевич сосредоточил свои научные интересы исключительно на формально-логической тематике, позиционируя себя как сторонника функционалистского подхода в логике. Ему удалось выделить класс логических нестандартных функций, которые находятся за пределами функций алгебры логики, что создает возможности переосмысления материала современной логики. Перспективным видится задание множества определений, понимаемых как речевое выражение в предложной и словной формах сущности вещей. Разработка последней разновидности определений делает построение формальных систем определений сопоставимым с исследованием выводных процессов.

Сведения об авторах

Басамак М. С. – студент кафедры политических наук и международных отношений философского факультета Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. E-mail: mary.basamak94@mail.ru

Карелин В. М. – к. филос. н., доцент кафедры социальной философии Российского государственного гуманитарного университета. E-mail: v-karelin@mail.ru

Лазарев Ф. В. – д-р филос. н., профессор кафедры социологии и социальной философии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. E-mail: fellazarev@rambler.ru

Мануйлов В. Т. – к. филос. н., доцент НОУ ВПО «Московский институт государственного управления и права». E-mail: manvict@yandex.ru

Николко В. Н. – д-р филос. н., профессор кафедры философии философского факультета Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. E-mail: vnnikolko@mail.ru

Никифоров А. Р. – к. ист. н., доцент кафедры политических наук и международных отношений философского факультета Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. E-mail: nandrey@bk.ru

Останина О. А. – д-р филос. н., профессор, заведующая кафедрой философии Вятского государственного университета. E-mail: oa.ostanina@yandex.ru

Рыскельдиева Л. Т. – д-р филос. н., профессор, заведующая кафедрой философии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. E-mail: ryskeldieva@rambler.ru

Сохор Т. Е. – инженер, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт Истории. E-mail: sohor@mail.ru

Титов А. В. – к. техн. н., доцент МГУ ПС (МИИТ), МГТУ им. Баумана. E-mail: a.v.titov@mail.ru

Тоноян Л. Г. – к. филос.н., доцент кафедры логики, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт Философии. E-mail: tonoyan2003@list.ru

Тяглова М. А. – аспирант кафедры культурологии философского факультета Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. E-mail: tyamar@rambler.ru

Фахрутдинова А. З. – д-р филос. н., профессор кафедры государственного и муниципального управления СИУ-филиала РАНХиГС. E-mail: faamina@yandex.ru

Халанская Л. Г. – к. полит. н., доцент кафедры политических наук и международных отношений философского факультета Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. E-mail: larazbritskaya@gmail.com

Чемшиит А. А. – д-р полит. н., профессор кафедры Исторических, философских и социальных наук Севастопольского государственного университета). E-mail: histphilsoc@sevsu.ru

Шапиро О. А. – к. филос. н., доцент кафедры философии философского факультета Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. E-mail: olalesha@rambler.ru

Шиян А. А. – к. филос. н., доцент Учебно-научного центра феноменологической философии философского факультета РГГУ. E-mail: annasamoikina@yandex.ru

Шоркин А. Д. – д-р филос. н., профессор кафедры философии философского факультета Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. E-mail: alexshorkin@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Рыскельдиева Л. Т. Формат философского текста как предмет историко-философского исследования	3
Фахрутдинова А. З. Традиции и инновации: когнитивная и институциональная поддержка	11
Шапиро О. А. Диалоги: жанр vs формат текстовой культуры	21
Шиян А. А. Трансцендентализм как теория познания: к прояснению трансцендентальной установки Эдмунда Гуссерля	31

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Карелин В. М. Перспективы легитимации университетского образования.....	40
Лазарев Ф. В. Понятие культуры в рефлексивном поле культурологического дискурса	48
Сохор Т. Е. Тоноян Л. Г. Города и люди в жизни Сергея Иннокентьевича Поварнина	56
Шоркин А. Д. Метаморфозы постантичности	67

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Никифоров А. Р. Черноморский регион: пространство и время	78
Останина О. А. Историческое сознание – идентичность – глобализация	88
Тяглова М. А. Ролевые игры живого действия как способ актуализации социально-политических проблем современности.....	98
Халанская Л. Г. Басамак М. С. Речевой компонент в имидже кандидата на выборах в России	107
Чемшит А. А. Украинский проект: от политического романтизма к национальной катастрофе	115

ЛОГИКА И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

Мануйлов В. Т. Конструктивное обоснование научного знания «немецком конструктивизме».....	127
Николко В. Н. Представление импликативной условной связи посредством объединения ее видов.....	137
Титов А. В. Использование нефинитных методов в семантическом подходе к исследованию типов формальных логики	143
Сведения об авторах	156
Содержание.....	158

About the Authors

Basamak M. S. – Student of Political Science and International Relationships Department of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. E-mail: mary.basamak94@mail.ru

Karelin V. M. – Candidate of Philosophy, Associate Professor of RSHU, Social Philosophy Department. E-mail: v-karelin@mail.ru

Lazarev F.V. – Doctor of Philosophy, Professor of Sociology and Social Philosophy Department of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. E-mail: fellazarev@rambler.ru

Manuylov V. T. – Candidate of Philosophy, Associate Professor of MISML. E-mail: manvict@yandex.ru

Nikolko V. N. – Doctor of Philosophy, Professor of Philosophy Department, V. I. Vernadsky Crimean Federal University. E-mail: vnnikolko@mail.ru

Nikiforov A. R. – Candidate of History Studies, Political Science and International Relationships Department of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. E-mail: nandrey@bk.ru

Ostanina O. A. – Doctor of Philosophy, Professor, the Head of the Philosophy Department of Vjatka State University. E-mail: oa.ostanina@yandex.ru

Riskeldieva L. T. – Doctor of Philosophy, Professor of Philosophy Department, Head of V. I. Vernadsky Crimean Federal University Philosophy Department. E-mail: ryskeldieva@rambler.ru

Sohor T. E. – an engineer, Saint-Petersburg State University, History Institute. E-mail: sohor@mail.ru

Titov A. V. – Candidate of Technical Science, Associated Professor of Bauman MSTU. E-mail: a.v.titov@mail.ru

Tonoyan T. G. – Candidate of Philosophy, Associate Professor of Logical Department, Saint-Petersburg State University, Philosophy Institute. E-mail: tonoyan2003@list.ru

Tyaglova M. A. – Postgraduate Student of Political Science and International Relationships Department of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. E-mail: yamar@rambler.ru.

Fakhrutdinova A. Z. – Doctor of Philosophy, Professor of Siberian Institute of Management, branch RAN and PS. E-mail: faamina@yandex.ru

Halanskaya L. G. – Candidate of Political Science, Political Science and International Relationships Department of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. E-mail: larazbritskaya@gmail.com

Chemshit A. A. – Doctor of Political Science, Professor of Historical, Philosophy and Social Studies, Sevastopol State University. E-mail: histphilsoc@sevsu.ru

Shapiro O. A. – Candidate of Philosophy, Associated Professor of Philosophy Department, V. I. Vernadsky Crimean Federal University.

Shiyan A. A. – Candidate of Philosophy, Associated Professor of Phenomenology Philosophy Centre of faculty of Philosophy RSHU. E-mail: annasamoikina@yandex.ru

Shorkin A. D. – Doctor of Philosophy, Professor of Philosophy Department of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. E-mail: alexshorkin@mail.ru

CONTENT

PHILOSOPHY

Ryskel'dyieva L. T. Format of Philosophical Text as an Object of the Studies in History of Philosophy	3
Fakhrutdinova A. Z. Tradition and Innovation: Cognitive and Institutional Support	11
Shapiro O. A. Dialogue: Genre vs Format of Textual Culture.....	21
Shiyan A. A. Transcendentalism as a Theory of Knowledge: Transcendental Clarification of the Installation of Edmund Husserl.....	31

CULTUROLOGY

Karelin V. M. Perspectives of University Education Legitimation	40
Lazarev F. V. The Concept of Culture in a Reflexive Field of Culturological Discourse	48
Sokhor T. E., Tonoyan L. G. Cities and People in the Life of Sergey Innokentyevich Povarnin	56
Shorkin A. D. Post-Antiquity Metamorphoses	67

POLITICAL SCIENCE

Nikiforov A. R. Black Sea Region: Space and Time	78
Ostanina O. A. Historical Consciousness – Identity – Globalization	88
Tyaglova M. A. Live Action Role-Playing Game as a Method of Actualization of social and political problems of the present	98
Halanskaya L. G. Basamak M. S. Speech Component in Image of the Candidate on Elections in Russia	107
Chemshit A. A. Ukrainian Project: from Political Romanticism to National Catastrophe.....	115

LOGIC AND METHODOLOGY OF SCIENCE

Manuylov V. T. Constructive Substantiation of Scientific Knowledge in «German Constructivism».....	127
Nikolko V. N. Presentation of Implicative Conditioned Connection by Uniting its Kinds	137
Titov A. V. The Use of Non-Finite Methods in Semantic Approach in Researching Types of Formal Logics	143
About the Authors	160
Content	162